

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1888.

№ 1.

ЯНВАРЬ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:	Стр.
Слово на Новый годъ. О вѣрѣ сердца. Высокопреосвященнаго Аиросія .	1—14
Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I и идея священнаго союза (продолженіе). Профессора Императорскаго Харьковскаго университета В. Надаера	15—49
Русская и нѣмецкая школа. Свящ. Т. Буткевича	50—69
II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:	
Метафизическій анализъ рациональнаго познанія (окончаніе). Профессора Московской духовной академіи В. Кудрявцева	1—22
Моральная философія стоиковъ въ отношеніи къ христіанству. С. Говорова .	23—50
III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:	
Содержаніе. Циркулярное отношеніе Оберъ-Прокурора Св. Синода епархіальнымъ преосвященнымъ.—Отчетъ о состояніи церковно-приходскихъ школъ Харьковской епархіи за 1886—87 учебный годъ.—Отчетъ о состояніи Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 1886—87 учебный годъ (продолженіе).—Отъ правленія Харьковскаго духовнаго училища.—Списокъ лицъ свѣтскаго званія Харьковской епархіи, коимъ за заслуги и пожертвованія по духовному вѣдомству прелодало благословеніе Св. Синода.—Епархіальныя извѣщенія.—Отъ Харьковскаго епархіальнаго Комитета по продажѣ книгъ религіозно-нравственнаго содержанія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.	

ХАРЬКОВЪ.

ТИПОГРАФІЯ ОКРУЖНАГО ШТАВА, нѣмецкая, № 26.

1888.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзорѣніе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяць, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 руб., а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ монастырѣ, въ конторѣ типографіи Окружнаго Штаба, Нѣмецкая, № 26 и въ книжныхъ магазинахъ В. и А. Бирюковыхъ и Д. Н. Полуехтова на Московской ул.; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Фералонтова и въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ Тузова, Садовая, д. № 16.

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884, 1885, 1886 и 1887 годы, по уменьшенной цѣнѣ, т. е. по 7 рублей за каждый годъ, и „Харьк. Епарх. Вѣдомости“ за 1883 годъ, по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкою.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ 1888 году.

Издание богословско - философскаго журнала „ВѢра и Разумъ“ будетъ продолжаемо въ 1888 году по прежней программѣ. Журналъ, какъ и прежде, будетъ состоять изъ трехъ отдѣловъ: 1) Церковнаго, 2) Философскаго и 3) Листка для Харьковской епархіи,—и будетъ выходить два раза въ мѣсяць, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №.

Цѣна за годовое издание внутри Россіи 10 руб. а за границу 12 р. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: *съ Харьковъ:* въ Редакціи журнала „ВѢра и Разумъ“ при Харьковской духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ монастырѣ, въ конторѣ типографіи Окружнаго Штаба, Нѣмецкая ул., домъ № 26 и въ книжныхъ магазинахъ В. и А. Бирюковыхъ и Д. Н. Полуехтова на Московской ул.; *съ Москвъ:* въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Ферапонтова и въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи; *съ Петербургъ:* въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, д. № 16.

Въ Редакціи журнала „ВѢра и Разумъ“ можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884, 1885, 1886 и 1887 годы, по уменьшенной цѣнѣ, т. е. по 7 рублей за каждый годъ, и „Харьк. Епарх. Вѣдомости“ за 1883 г., по 5 рублей за экземпляръ съ пересылкою.

· Πίστις νοοῦμεν

Върою разумъваемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ, Января 15 дня 1888 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ.*

СЛОВО

НА НОВЫЙ ГОДЪ.

Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго.

О ВѢРѢ СЕРДЦА.

Сердцемъ вѣруеться въ правду
(Рим. 10, 10).

На новый годъ всѣмъ намъ свойственно желать, какъ каждому для себя, такъ и всѣмъ вмѣстѣ другъ для друга и для отечества, исправленія замѣченныхъ въ прошедшемъ недостатковъ и приобрѣтенія новыхъ усилій въ будущемъ по всѣмъ отраслямъ нашей жизни. На первомъ мѣстѣ, конечно, должно стоять въ этомъ отношеніи исправленіе нашихъ нравственныхъ недуговъ и преуспѣяніе въ добродѣтели. Въ этомъ всѣ согласны, и вѣрующіе и не вѣрующіе, такъ какъ опытъ всякій день убѣждаетъ насъ, что корень всѣхъ нашихъ современныхъ золъ есть развращеніе нравовъ и умноженіе преступленій. И сами проповѣдники естественнаго, чуждаго христіанскихъ воззрѣній, прогресса не могутъ утверждать, что путь его лежитъ по смраднымъ и топкимъ изменностямъ страстей и преступленій.

Итакъ вопросъ только въ средствахъ для исправленія общественной нравственности. У современныхъ философовъ этихъ средствъ насчитывается много: распространение въ народѣ научныхъ познаній, облагороженіе удовольствій, усовершенствованіе народнаго труда, развитіе промышленности, умноженіе удобствъ жизни и т. под. Христіански мыслящіе люди, не отрицая ни одного изъ этихъ средствъ, когда они не противорѣчатъ совѣсти и не потворствуютъ грубой чувственности, замѣчаютъ, что всѣ эти средства касаются одной только внѣшней стороны нашей жизни, но что наше исправленіе должно идти *изнутри насъ*, изъ нашего духа, что единственное средство для улучшенія нашей нравственности есть возбужденіе и утвержденіе въ душахъ нашихъ вѣры. Вѣру мы утратили, говорятъ они съ воздыханіемъ, вотъ наше главное несчастіе. Нужно охранять вѣру въ народѣ и насаждать въ душахъ молодыхъ поколѣній. Воздыханіе не напрасное и желаніе священное!

Воздохнемъ и мы вмѣстѣ со всѣми ревнителями христіанскаго преуспѣянія, но и утѣшимся многими отрадными начинаніями и усиліями въ этомъ отношеніи какъ правительственныхъ, такъ и общественныхъ учрежденій въ нашемъ отечествѣ. Ложныя современныя воззрѣнія на природу человѣческую, на цѣли нашей жизни, на наши обязанности и задачи, какъ густой туманъ, облежавшій доселѣ наше образованное общество, начинаютъ разсѣиваться. Потребность въ вѣрѣ для успѣховъ самаго просвѣщенія и тѣмъ болѣе для устроенія нашего благосостоянія съ каждымъ днемъ ощущается живѣе. Остается всѣмъ согласиться въ средствахъ для самаго насажденія, возбужденія и охраненія вѣры въ душахъ нашихъ.

Намъ замѣтятъ на это: въ чемъ-же здѣсь соглашатель-

ся? Трудно привести невѣрующихъ и сомнѣвающихся къ убѣжденію въ необходимости вѣры для преуспѣянiя человѣчества, но какъ скоро это убѣжденіе сложилось и установилось, самое усвоеніе и утвержденіе въ душахъ нашихъ вѣры не представляетъ затрудненій: нужно *изученіе вѣры изъ ея источниковъ*. Это справедливо, и мы изучаемъ вѣру во всѣхъ учебныхъ заведенiяхъ, — тщательно, усиленно во всѣхъ ея отрасляхъ, по разнообразнымъ и многочисленнымъ учебникамъ, а вѣра, скажемъ откровенно, не возрастаетъ и не оказываетъ особеннаго нравственнаго влiянiя на молодыя поколѣнiя. Было время, когда вѣру оставляли *одному сердцу* и отрицали научное значеніе и нужду христiанскаго Богопознанiя, — но и это направленіе не дало благихъ плодовъ: оказались люди безъ познанiя вѣры и безъ сердечныхъ убѣжденiй въ ея божественныхъ истинахъ. Оказывается, что въ источникѣ вѣры, — въ божественномъ откровенiи — намъ надобно еще искать исправленiя нашихъ одностороннихъ воззрѣнiй и указанiй на употребленіе средствъ, какими насаждается и утверждается вѣра въ душахъ человѣческихъ.

Вѣра, по ученію слова Божiя, не есть только познаніе богооткровенныхъ истинъ, а есть и христiанская добродѣтель, вмѣстѣ съ надеждою и любовію (1 Кор. 13, 13). Поэтому она не есть принадлежность одного ума, но вмѣстѣ и сердца, или всего человѣческаго духа. По ученію православнаго катихизиса она „принадлежитъ преимущественно сердцу, хотя начинается въ мысляхъ“.

Зарожденіе вѣры въ мысляхъ апостоль Павелъ изъясняетъ такъ: „вѣра отъ слышанiя, а слышаніе отъ слова Божiя“ (Рим. 10, 17), слышится-же это слово „отъ проповѣдующаго“ (14), отъ самого Іисуса Христа, отъ Его пророковъ, апостоловъ, пастырей и учителей

церкви (Еф. 4, 11). Слѣдовательно, познаніе истинъ вѣры идетъ, какъ и всякое познаніе, чрезъ впечатлѣнія, усвоеніе понятій, размышленіе, уясненіе, разрѣшеніе недоумѣній, и наконецъ складывается въ совокупность возрѣній на всѣ вопросы жизни и переходитъ въ сознательное убѣжденіе. Это понятно всякому, кто учился какой нибудь наукѣ.

Не такъ легко съ точки зрѣнія научнаго познанія объясняется вѣра сердца. Умомъ вѣруется въ истину, а сердцемъ, по апостолу, *вѣруется въ правду*, или, по русскому переводу, „къ праведности“. Что-же это значить? Что за особенная вѣра въ правду? — Здѣсь указывается (не замѣчаемая многими современными учеными христіанами) глубочайшая черта различія познанія вѣры отъ всякаго человѣческаго познанія. Божественныя истины вѣры сообщены намъ не для любознательности, не для нашего научнаго сочетанія ихъ съ истинами, добываемыми самодѣятельностію ума человѣческаго, т. е. философскими, и даже не для цѣлей земной жизни (хотя и для нихъ они благотворны), но для вѣчнаго спасенія, которое достигается путемъ оправданія во Христѣ, нравственнаго исправленія, или пріобрѣтенія *праведности*. Это именно убѣжденіе, или опытное познаніе, что богооткровенныя истины и другія богодарованныя средства спасенія ведутъ насъ оцутительно, осязательно, постепенно къ внутреннему благоустроенію, очищенію и умиротворенію нашего духа — и есть дѣло сердца. Если непредубѣжденный умъ вѣруетъ въ чистоту, ясность, близость къ природѣ человѣческой божественной истины, то сердце вѣруетъ въ ея благотворность. Умъ вѣруетъ — къ собственному просвѣтлѣнію, къ разрѣшенію неразрѣшимыхъ для него вопросовъ, къ освобожденію отъ гнетущихъ его противорѣчій, отъ тоскливаго сознанія въ своемъ безси-

ли и отъ облегающаго его мрака при взглядѣ на безпредѣльную область непостижимаго и таинственности будущаго; сердце вѣруетъ—„къ праведности“, т. е. къ освобожденію духа отъ болѣзненнаго ощущенія внутренняго разстройства, нравственнаго безсилія, бесплодной борьбы съ грѣховными вождельніями, страданій совѣсти и—къ приобрѣтенію чистоты, бодрости, силы, радостнаго окриленія и устремленія къ совершенству. Кратко сказать: вѣра ума указываетъ намъ Бога и путь къ Нему, а вѣра сердца ведетъ къ живому общенію съ Богомъ и заключаетъ съ Нимъ союзъ любви съ надеждою вѣчнаго блаженства въ Немъ и съ Нимъ.

Укажемъ въ опытахъ, какъ относятся къ истинамъ вѣры умъ и сердце порознь и вмѣстѣ, и какъ только совокупными усиліями успѣваютъ въ дѣлѣ богопознанія.

Основной догматъ христіанства есть истина бытія Бога и Его промысленія о мірѣ, какъ говоритъ апостоль, „что Онъ есть и ищущимъ Его бываетъ мздовоздаятелемъ“ (Евр. 11, 6). Умъ, оторванный отъ сердца, какъ мы видимъ у многихъ современныхъ христіанъ, ставитъ себѣ вопросы о бытіи Божіемъ, объ Его свойствахъ и отношеніяхъ къ міру и человѣку; подвергаетъ эту величайшую и важнѣйшую истину сомнѣніямъ, устанавливаетъ понятія о Богѣ самая разнообразныя и часто противорѣчивыя, отрицаетъ Его личное бытіе и духовныя совершенства, представляетъ Его механическою силою, дѣйствующею въ мірѣ и безучастною къ человѣку и т. под. Здѣсь умъ, по слову апостола, обнаруживаетъ всю свою *ничливість*, или горделивость (1 Кор. 8, 1), столь свойственную помраченному грѣхопаденіемъ духу человѣческому, оболыщенному нѣкогда обѣщаніемъ: будете яко бози (Быт. 3, 5). Онъ становится рѣшителемъ, такъ сказать, судьбы Самого Бога, вмѣсто того, чтобы смиряться предъ Его

безконечнымъ величіемъ и отдаться, по апостолу, *въ послушаніе вѣры* (Рим. 1, 5. Кор. 10, 5). Сердце христіанина, напротивъ, храня въ себѣ *залогъ* возрожденія къ вѣчной жизни, полученный въ святыхъ таинствахъ, поражается страхомъ при этой дерзости ума, — оно *чувствуетъ* бытіе присущаго ему Бога; оно при видѣ слабости человѣческой и беззащитности отъ бѣдствій земной жизни, при ощущеніи внутренняго сиротства и безпомощности *ищетъ* Бога (Псал. 33, 5), какъ дитя отца и матери. И чѣмъ болѣе, чѣмъ яснѣе въ одушевленныхъ-ли урокахъ Закона Божія, въ церковной-ли проповѣди, въ книгѣ-ли изображается предъ нами свѣтозарный образъ нашего Создателя въ священныхъ чертахъ всемогущества, благодати, премудрости, — сердце тѣмъ болѣе прилѣпляется къ Богу. При соединеніи ученія съ молитвою, оно стремится привлечь къ себѣ Бога и объять Его любовію и по мѣрѣ своей чистоты, по обѣтованію Спасителя, видитъ Его (Матѳ. 5, 8) очами того особаго, свойственнаго ему зрѣнія, которое мы называемъ *чувствомъ прекраснаго* и призывая Его къ себѣ, слышитъ и его отвѣтный голосъ: *се приидохъ* (Псал. 58, 9). Отрицать это могутъ только тѣ люди, у которыхъ, какъ говоритъ Спаситель: „огрубѣло сердце, которые и ушами съ трудомъ слышать, и очи свои сомкнули, да не узрятъ очами и не услышатъ ушами, и не разумѣютъ сердцемъ, и да не обратятся, чтобы я исцѣлилъ ихъ“ (Матѳ. 13, 15). Они-то, утративъ способность видѣть и слышать Бога сердцемъ, огрубѣвшимъ въ плотскихъ страстяхъ и загруженнымъ грѣховными похотѣніями и ощущеніями, отрицаютъ самое бытіе Бога, или изобрѣтаютъ себѣ научныхъ идоловъ, съ которыми легче имъ жить и грѣшить, чѣмъ при убѣжденіи въ бытіи Бога, Духа вѣчнаго, всеправеднаго и все совершеннаго. И такъ только сердце ищущее Бога

внушаетъ уму не разставаться съ вѣрою въ Бога, и только умъ, озаренный вѣрою, становится надежнымъ путеводителемъ сердца въ стремленіи къ Богу. И уму и сердцу нашему вмѣстѣ говоритъ Псалмопѣвецъ: *взыщите Бога и жива будетъ душа ваша* (Псал. 68, 33).

Тоже мы видимъ въ отношеніяхъ ума, оторваннаго отъ сердца, къ догмату вѣры объ искупленіи и Искупителѣ. Для христіанъ съ такимъ умомъ перестаетъ быть понятною потребность въ Искупителѣ. Блуждая въ научныхъ изысканіяхъ по обширной области человѣческаго знанія и среди сонма мудрецовъ, они легко смѣшиваютъ съ ними и Христа Спасителя, становясь неспособными отличить въ Немъ при человѣческомъ совершенствѣ божественныя свойства. Исповѣдуя свою собственную горделивую вѣру въ себя и самостоятельное развитіе человечества, они видятъ во Христѣ только наилучшее проявленіе силъ человѣческой природы, мечтая сами съ Нимъ сравняться и даже превзойти Его. Оскорбительны для вѣрующаго сердца подобныя богохульныя покушенія ума человѣческаго. Сердце христіанина сочегалось со Христомъ въ таинствѣ крещенія тотчасъ послѣ рожденія. Ему дорогъ и любезенъ съ дѣтства образъ Христа-младенца, лежащаго въ ясляхъ, окруженнаго въ колыбели небесными знаменіями, возрастающаго премудростію и разумомъ въ послушаніи у родителей простыхъ и бѣдныхъ, являющагося на проповѣдь въ силѣ знаменій и чудесъ, осыпающаго благодареніями свой избранный народъ, преображающагося на Оаворѣ, возстающаго изъ гроба, возносящагося на небо. Сердце дѣтское проникается Его силою и величіемъ, восторгается Его славою и торжествомъ надъ врагами истины и добродѣтели. Но жизнь съ теченіемъ лѣтъ поражаетъ наше сердце язвами грѣховъ и разнообразныхъ бѣдствій, насъ окружающихъ. Изъ спокой-

наго, мирнаго, радующагося въ чувствѣ невинности, оно превращается въ скорбящее, болѣзнующее, сѣтующее. Земная жизнь умѣетъ его только ранить, но не умѣетъ исцѣлять его. И вотъ является ему Христосъ, въ котораго оно не переставало вѣровать, призывающимъ грѣшниковъ, милующимъ, прощающимъ, другомъ кающихся, умирающимъ для ихъ спасенія. И наболѣвшее сердце высказываетъ свои страданія и выплакиваетъ свои слезы у подножія креста своего Господа, призывая къ себѣ Его благодать, милующую грѣшныхъ, укрѣпляющую немощныхъ, исцѣляющую сокрушенныхъ. Сердце утѣшается, между тѣмъ какъ холодный разумъ тупо смотритъ на великое таинство спасенія грѣшниковъ крестною жертвою Сына Божія, утративъ способность пониманія ея вѣрою, и озлобляется бѣдствіями жизни, не имѣя силъ ни устранить ихъ, ни бороться съ ними. Но подвижники христіанскаго благочестія повѣдали намъ и великую тайну доступнаго всѣмъ истинно вѣрующимъ наслажденія и радости въ общеніи съ Христомъ въ слезной молитвѣ, богомыслии и преимущественно въ святомъ таинствѣ тѣла и крови Его, и, во свидѣтельство истинности описываемыхъ ими состояній духовнаго восторга, оставили намъ, данное ими нашему Искупителю, имя *Иисуса сладчайшаго*.

Если взглянемъ безпристрастно на нашу вѣру въ будущую жизнь, то и здѣсь увидимъ, какъ она холодна и нетверда, когда держится на однихъ соображеніяхъ ума и не питается жизнію сердца. Мы видимъ, какъ у многихъ современныхъ ученыхъ людей она совсѣмъ отодвигается въ сторону изъ сознанія, когда не укладывается въ системѣ ихъ научныхъ воззрѣній, или тревожитъ ихъ среди чувственныхъ наслажденій. Но сердце, сохранившее хотя-бы нѣкоторые остатки благодатныхъ христіанскихъ впечатлѣній, не мирится съ софизмами ума и съ ужасомъ

отвращается отъ современнаго, такъ часто повторяющагося, зрѣлища отчаянiя и самоубiйствъ между людьми, подавившими въ себѣ насильственно естественную любовь къ жизни земной и вѣру въ жизнь загробную. Только сердце можетъ радоваться добру и страдать отъ преступленiй, такъ какъ въ немъ живетъ совѣсть, которая не мирится съ мыслию о безнаказанности грѣха и о безслѣдномъ забвенiи подвиговъ добродѣтели. Этими двумя незаглушимыми вѣщанiями сердца питается во всемъ человѣчествѣ вѣра въ безсмертiе души. Въ сердцѣ же нашемъ складываются всѣ тягостныя впечатлѣнiя и скорби жизни; но пока оно не развращено въ конецъ, его нельзя успокоить никакими доводами ума, что такъ должно быть; что такова неотразимая судьба человѣка, что его участь здѣсь страдать и потомъ обратиться въ ничто. Оно знаетъ и радости и счастiе, оно знаетъ это внутреннее торжество побѣды надъ зломъ въ подвигѣ добродѣтели, оно испытываетъ рядомъ со скорбями и утѣшенiя, посылаемая отъ Бога, въ Котораго вѣруетъ, поэтому ничто не въ силахъ вырвать изъ него убѣжденiе, что будетъ жизнь, гдѣ легко будетъ дѣлать добро, гдѣ не будетъ ни борьбы, ни страданiй, ни печали, ни воздыханiя.

Мы, какъ христiане, словами сѣмвола исповѣдуемъ вѣру во святую Церковь; но что значитъ эта вѣра для ума немѣющаго подъ собою почвы сердца? Церковь для него только видимое человѣческое общество, имѣющее, какъ и всякое другое, свое устройство, свои правила, условiя, порядки. Смотря на церковь съ этой точки зрѣнiя онъ сравниваетъ ее съ другими учрежденiями и затрудняется, отдавать-ли ей преимущество предъ учеными, художественными, благотворительными и другими обществами, гдѣ для него представляется больше интереса, видимой пользы и удовольствiя. Отсюда во-

просы: да нужна-ли церковь? Да не есть-ли она устарѣлое учрежденіе? Во всякомъ случаѣ, не нужны-ли въ ней перемѣны, соотвѣтствующія духу времени? Уму не дорога церковь, ему не жаль ея; она дорога христіанскому сердцу, оно ее любитъ, хранитъ и защищаетъ. Церковь его родина въ высшемъ духовномъ смыслѣ. Въ ней оно возрождено благодатию Божіею, въ ней оно ознакомилось съ чистыми духовными ощущеніями, въ ней оно дышетъ небеснымъ воздухомъ благоговѣнія, умиленія, мира, свободы отъ земныхъ тревоженій; изъ церкви оно прозираетъ въ тотъ небесный міръ, гдѣ живутъ въ вѣчной радости ангелы и святые, куда и его влечетъ таинственная сила. При одномъ входѣ въ храмъ сердце добраго христіанина проникается особымъ чувствомъ страха отъ сознанія Божія въ немъ присутствія; ему любезенъ и старый бѣднѣйшій храмъ, ему съ дѣтства памятни — священнослужители, пробудившіе въ немъ духовную жизнь богослуженіемъ, для него музыка — церковный благовѣстъ, для него торжество — церковный праздникъ; какъ братья и соучастники въ молитвахъ, ему любезны единовѣрцы; ему дороги церковныя святыни и памятники священной древности. Здѣсь ищите побужденій, по которымъ добрые христіане такъ любятъ украшать храмы и всегда готовы умереть за свою святую вѣру и церковь. Ученый человѣкъ, христіанинъ только по имени, безъ вѣры сердца, пойдетъ наканунѣ праздника — не въ храмъ, а въ какое нибудь другое пріятное для него мѣсто; пожертвуетъ на что нибудь другое, но не на церковь; и умретъ за что нибудь другое, но не за Христа и Его Церковь...

Только съ этой точки зрѣнія мы можемъ понять истинное значеніе *радости* нашего Спасителя при видѣ возрастающей вѣры въ Него простыхъ душъ Его окружавшихъ, и истинный смыслъ Его молитвы къ Отцу

Небесному: „славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты угаишь сіе отъ мудрыхъ и разумныхъ, и открылъ младенцамъ. Ей, Отче! Ибо таково было Твое благоволеніе“ (Лук. 10, 21). Многіе нынѣ въ своей ученой гордости смотрятъ съ улыбкою на сердечную вѣру и безхитростные духовные подвиги и упражненія нашего простого народа: имъ кажется, что они должны помочь ему дѣлать многое болѣе разумное и болѣе полезное, чѣмъ эти упражненія. Остерегитесь. Не о васъ и не о вашихъ научныхъ успѣхахъ радовался Господь Иисусъ, а объ этихъ такъ унижаемыхъ вами простыхъ душахъ покорныхъ руководству церкви и составляющихъ ея истинную силу, такъ какъ въ ихъ сердцахъ движется и дышетъ и творитъ дивныя дѣла свои Духъ Божій. Вмѣстѣ съ симъ они составляютъ и истинную силу царствъ человѣческихъ, въ нихъ всѣ начала *созиданія*, но не въ нихъ сила *разрушенія*.

Отсюда видно, что простому народу, живущему вѣрою сердца, нужны познанія въ истинахъ и исторіи вѣры, при которыхъ уясняется и становится сознательною сердечная вѣра, а людямъ получившимъ образованіе, но утратившимъ вѣру сердца, нужно возвращеніе этой послѣдней. Народъ жаждетъ познанія вѣры; это видно между прочимъ изъ того, какъ онъ устремляется къ алтарю всякій разъ, когда священнослужитель выходитъ на проповѣдь. Но есть-ли эта жажда къ восстановленію вѣры сердца въ людяхъ обогащенныхъ одними познаніями? Не смѣемъ отвѣчать отрицательно, но знаемъ, что съ утратою вѣры сердца изсякаетъ самый источникъ духовной жизни и замираютъ духовныя стремленія, а холодный умъ не въ силахъ ни разбудить, ни чѣмъ либо замѣнить ихъ.

Безспорно, обязанность наставленія народа въ вѣрѣ лежитъ главнымъ образомъ на насъ, служителяхъ цер-

кви. Мы скорбимъ объ опущеніяхъ, которыя нами сдѣланы относительно этой великой обязанности нашей; но не можемъ не благодарить Бога при видѣ повсемѣстнаго пробужденія въ нашемъ отечествѣ ревности духовенства о просвѣщеніи народа путемъ школь, бесѣдъ и духовныхъ сочиненій и о противодѣйствіи сектантству. Но да позволено будетъ намъ обратиться съ вросьюбою къ ревнителямъ народнаго просвѣщенія, идущимъ въ этомъ дѣлѣ врознь съ церковію, или вопреки ей. Пощадите народъ; избавьте его отъ двусмысленныхъ и ложныхъ сужденій о предметахъ вѣры, распространяемыхъ всюду устно и печатно; примѣрами открытаго пренебреженія къ уставамъ церкви не подрывайте твердости и ревности народа въ соблюденіи ихъ; не навязывайте ему любимыхъ вами свѣтскихъ удовольствій, которыхъ онъ не проситъ; соображайте гражданскіе распорядки съ временами церковными, чтобы не отвлекать народъ отъ храмовъ на торжища, на разныя совѣщательныя собранія и въ увеселительныя заведенія.

Утрата вѣры сердца, или охлажденіе къ ней, имѣетъ разныя степени. Для исцѣленія тѣхъ, у кого сердце, по слову Спасителя, *отолстѣло*, огрубѣло въ плотской жизни, стало глухо и слѣпо ко всѣмъ духовнымъ впечатлѣніямъ, — Господь не указалъ намъ средствъ. Оставимъ ихъ волѣ Божіей и промысленію нашего Господа, и мертвыхъ воскрешающаго, и будемъ молиться о нихъ. Но у кого въ зрѣломъ возрастѣ, хотя по временамъ, пробуждается въ душѣ сожалѣніе объ утратѣ теплоты и искренности сердечной вѣры, у кого сохранились воспоминанія объ испытанныхъ нѣкогда благочестивыхъ чувствованіяхъ, для того всегда открытъ выходъ изъ опасности ожесточенія, — это облегченіе сердца отъ волненій свѣтской суеты, искренняя исповѣдь, обращеніе къ забытой молитвѣ и оставленному храму и духовное

чтеніе, преимущественно Слова Божія въ уединеніи. Обращенное къ Богу сердце исцѣлитъ и разумъ отъ сомнѣній и ложныхъ воззрѣній на предметы вѣры и благочестія.

Относительно воспитанія молодыхъ поколѣній въ духѣ вѣры и благочестія намъ надобно придти къ убѣжденію, что для этой цѣли изученіе вѣры по учебникамъ недостаточно, что сердечной вѣры *втолковать* нельзя, — что она не преподается, а воспитывается въ юныхъ душахъ. Храните чистоту и невинность сердца въ дѣтяхъ, чтобы они не утратили способности чувствовать присутствіе Божіе и *зрѣть Бога* по обѣтованію Спасителя. Наше сердце не бываетъ пусто; если оно не наполняется благочестивыми и чистыми чувствованіями и расположеніями, въ него врываються, какъ волны, впечатлѣнія міра и житейской суетности. Оставьте эти ваши дѣтскія утра, дѣтскіе балы и концерты, всѣ эти искусственные способы привить къ дѣтскимъ сердцамъ любимыя вами самими свѣтскія удовольствія и пробудить въ нихъ насильственно прежде времени тщеславіе, страсть къ наслажденіямъ и еще дремлющія инстинкты... Но за этимъ слѣдуетъ признаніе несомнѣнности той истины, что безъ примѣра благочестія въ родителяхъ напрасны надежды на христіанское воспитаніе дѣтей.

Очевидно, что образованіе отроковъ и юношей должно идти рядомъ съ практическими духовными упражненіями подъ руководствомъ церкви. Наблюдая за исправнымъ посѣщеніемъ дѣтьми учебныхъ заведеній, не забывайте наблюдать и за посѣщеніемъ ими храмовъ по праздникамъ; стараясь объ ихъ успѣхахъ на экзаменахъ, заботьтесь и о тщательномъ исполненіи съ ихъ стороны долга исповѣди и Приобщенія; наполняя ихъ воображеніе художественными произведеніями, не ли-

шайте ихъ души и свѣтлыхъ образовъ и примѣровъ благочестія.—Что-же касается предоставленія безнадзорной свободы въ мысляхъ и дѣлахъ молодымъ людямъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и оставленія ихъ на произволъ пробуждающихся страстей, то всей злокачественности этого взгляда на высшее образованіе и изобразить невозможно. Да и нѣтъ надобности говорить о томъ, что на глазахъ всѣхъ обнаруживается на дѣлѣ съ такою прискорбною ясностію.

Что принесетъ намъ новый годъ,—одинъ Богъ знаетъ. Мы переживаемъ трудныя времена; какъ тучи на горизонтѣ собираются признаки грозныхъ потрясеній. Предоставляя неизвѣстное всевѣдущему Богу, исполнимъ извѣстное, Имъ Самимъ намъ данное для предупрежденія угрожающихъ намъ бѣдствій и обезпеченія себѣ благосостоянія: раскаемся въ заблужденіяхъ и грѣхахъ и обратимся *умомъ и сердцемъ* къ исполненію воли Божіей, къ служенію Его славы и взаимному нравственному преуспѣянію. Аминь.

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

и

ИДЕЯ СВЯЩЕННАГО СОЮЗА.

(Продолженіе *).

III.

Наступали послѣдніе дни вѣчно-памятнаго 1813 года. Освобожденная Европа, съ русскимъ императоромъ во главѣ, готовилась перенести войну въ предѣлы Франціи. Низложеніе тирана съ незаконно захваченнаго трона, освобожденіе французскаго народа отъ тяжелаго и постыднаго ярма военнаго деспотизма,—вотъ была цѣль послѣдняго усилія союзныхъ ополченій, сосредоточенныхъ на правомъ берегу Рейна и готовыхъ перейти рѣку по первому мановенію своихъ вождей. Никогда еще ни одинъ монархъ не обнажалъ меча за болѣе правое и святое дѣло, и никогда еще обстоятельства не слагались такъ благопріятно для торжества его, какъ въ настоящій моментъ. Союзники имѣли дѣло съ врагомъ, могущество котораго было уже поколеблено въ самомъ своемъ основаніи, ореолъ непобѣдимости разсѣянъ, а средства истощены до послѣдней степени возможности. За Александромъ и его сподвижниками стояла ликующая, готовая на всевозможныя жертвы Европа; въ распоряженіи Наполеона была одна истощенная средствами и людьми, утомленная, глубоко

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1887 г. № 23.

разочарованная и недовольная Франція. Союзники могли легко пополнять свои многочисленныя арміи все новыми и новыми подкрѣпленіями; Наполеонъ принужденъ былъ пополнять свои войска несовершеннолѣтними и стариками. Союзники могли пользоваться не только ресурсами всей континентальной Европы, но и покрывать свои расходы при помощи англійскаго кредита; Наполеонъ растратилъ въ теченіи двухъ послѣднихъ лѣтъ сокровища, награбленныя имъ со всего міра, раззорилъ Францію и вынужденъ былъ теперь наложить руку на послѣдніе остатки военной добычи, хранившіеся въ подвалахъ Тюльерійскаго дворца. Обиліе и избытокъ господствовали въ арсеналахъ и магазинахъ союзниковъ; въ ихъ распоряженіи были колоссальныя запасы оружія, артиллеріи, пороху, припасовъ всякаго рода; Россія, Германія и Австрія могли доставить несмѣтное количество лошадей для всѣхъ частей арміи. Наполеонъ потерялъ въ два послѣдніе похода милліоны ружей и тысячи артиллерійскихъ орудій; одни изъ его арсеналовъ и складовъ были захвачены непріятелями, другіе опустошены для собственныхъ цѣлей; оружейные заводы и фабрики не успѣвали изготовить потребнаго для новой войны матерьяла, и Франція, никогда не отличавшаяся коневодствомъ, не въ состояніи была уже комплектовать свою кавалерію лошадьми изъ подвластныхъ и вассальныхъ странъ.

Союзныя арміи ¹⁾, достигнувшія линіи Рейна въ концѣ октября 1813 г., значительно пополнились и усилились подкрѣпленіями, прибывшими къ нимъ въ теченіи ноября и декабря. Армія Шварценберга, носившая по прежнему наименованіе главной или большой, состояла въ первыхъ числахъ ноября, со включеніемъ баварскихъ войскъ, подъ начальствомъ Вреде, изъ 160,000 ч., теперь она достигла до 190,672 ч.

¹⁾ О силахъ и приготовленіяхъ союзниковъ къ войнѣ 1814 г. мы пользовались слѣдующими пособіями: Бернгарди, *Toll's Denkwürdigkeiten*, Т. IV, пол. I, главы 1—2; Богдановичъ, *Исторія царствованія Александра I-го* Т. IV, стр. 335 и слѣд., с. в. Plotho, *der Krieg in Deutschland und Frankreich in den Jahren 1813 и 1814*. Томъ III-й, стр. 3—9; см. также сочиненія Шпоршиля, Бейцке и другихъ.

въ томъ числѣ 29,500 ч. конницы. Орудій при этой арміи насчитывалось 682 ¹⁾; главная часть ея состояла изъ австрійцевъ, около 97,000 ч.; кромѣ того въ ней числилось 44,000 русскихъ, 6,500 пруссаковъ и 42,500 ч. другихъ германскихъ войскъ, какъ-то баварцевъ, виртембергцевъ и баденцевъ. Силезская армія, подъ предводительствомъ Блюхера, состояла передъ переходомъ черезъ Рейнъ изъ 84,500 ч. въ томъ числѣ 18,000 всадниковъ, при 436 орудіяхъ ²⁾. Эта армія состояла по прежнему исключительно изъ русскихъ и пруссаковъ; отдѣльные корпуса ея находились подъ командою генераловъ Ланжерона, Сакеѣна, Олсуфьева, Сень-При и Йорка. Обѣ союзныя арміи должны были усилиться въ ближайшемъ будущемъ новыми весьма значительными подкрѣпленіями. Къ арміи Шварценберга готовились присоединиться шестой и седьмой корпуса союзныхъ германскихъ войскъ всего на-всего около 20,000 человекъ; тогда какъ къ арміи Блюхера слѣшили четвертый и пятый германскіе корпуса въ составѣ 21,000, русскій корпусъ Винцингероде около 30,000 и пруссаки подъ начальствомъ Клейста, также 30,000 ч.

Независимо отъ этихъ громаднхъ силъ, сосредоточенныхъ на среднемъ и верхнемъ Рейнѣ, союзники располагали еще цѣлыми арміями въ Нидерландахъ, Италиі и на Испанской границѣ Франціи. Изъ Бельгіи готовились вторгнуться въ сѣверную Францію пруссаки подъ начальствомъ Бюлова; въ верхней Италиі дѣйствовали 80,000 австрійцевъ подъ командою Кленау, тогда какъ изъ Испаніи приближалась къ южной границѣ Франціи 120,000 армія Веллингтона, состоявшая изъ англичанъ, испанцевъ и португальцевъ. Подобно грозовымъ тучамъ обледали эти гигантскія силы со всѣхъ сторонъ Францію, въ то время какъ многочисленный британскій флотъ держалъ въ строгой блокадѣ все ея морское побережье ³⁾.

¹⁾ Въ томъ числѣ 360 австрійскихъ, 188 русскихъ, 24 прусскихъ, 86 баварскихъ и 24 виртембергскихъ. Бернгарди, Т. IV, стр. 68.

²⁾ Въ томъ числѣ 332 русскихъ и 104 прусскихъ.

³⁾ Всего союзники имѣли подъ оружіемъ около милліона солдатъ, а именно: 278,000 русскихъ, 230,000 австрійцевъ, 162,000 пруссаковъ, 197,000 герман-

Спрашивается, что могъ противопоставить Наполеонъ этимъ подавляющимъ по численности, сильнымъ по духу и ненависти, упоеннымъ побѣдою, непріятельскимъ полчищамъ. Мы видѣли, что не смотря на всѣ лихорадочныя усилія, не смотря на крайнее напряженіе силъ, императоръ французовъ успѣлъ собрать къ началу декабря мѣсяца всего лишь 100,000 ч. ¹⁾ Правда, у него были еще значительные отряды войска въ Италіи подъ начальствомъ Евгенія Богарне и цѣлая армія старыхъ солдатъ, (около 70,000 ч), въ Испаніи, подъ предводительствомъ маршаловъ Сульта и Сюше, но войска эти находились на второстепенныхъ театрахъ войны, и императоръ не рѣшался призвать хотя-бы часть ихъ на восточную границу Франціи, дабы противопоставить ихъ здѣсь главнымъ своимъ врагамъ. Главнѣйшими причинами такого, на первый взглядъ, страннаго распоряженія, были: во-первыхъ, хорошо извѣстныя намъ упорство и властолюбіе Наполеона, а во-вторыхъ, его безграничная самонадѣянность, не только не упавшая подъ повторенными ударами судьбы, а напротивъ—возростающая все болѣе и болѣе до гигантскихъ размѣровъ. Какъ прежде, такъ и теперь, Наполеонъ ни за что не хотѣлъ выпустить изъ рукъ того, что онъ считалъ своимъ неотъемлемымъ достояніемъ. Какъ въ 1812 и 13 годахъ, онъ продолжалъ слѣпо вѣрить, въ свою звѣзду, убаюкивалъ себя обманчивыми надеждами на краю бездны, произвольно уменьшалъ силы противниковъ и увеличивалъ свои собственные средства ²⁾.

скихъ союзныхъ войскъ; 120,000 англичанъ, испанцевъ и португальцевъ подъ начальствомъ лорда Веллингтона и 20,000 шведовъ. См. Плото, Т. 3, стр. 6 и 7, гдѣ не показаны, впрочемъ, войска Веллингтона.

¹⁾ Важнѣйшія и достовѣрнѣйшія свѣдѣнія о вооруженіяхъ Наполеона мы находимъ у Коха, *Memoires pour servir a l'histoire de la campagne de 1814*, томъ первый; кромѣ того важны письма, распоряженія и замѣтки самого Наполеона въ 27 томѣ его *Correspondance*; Тьеръ, *Histoire du consulat et de l'empire*, Т. XVII, стр. 1—5; а равно названныя уже выше сочиненія Беригарди, Плото и другихъ.

²⁾ Не смотря на крайнюю опасность, Наполеонъ заявлялъ притязаніе прикрывать отовсюду свой фронтъ. И въ то время, когда тысячи причинъ налагали на него долгъ прикрывать прежде всего свою столицу, онъ оставялъ лучшія свои войска на второстепенныхъ пунктахъ, гдѣ даже величайшіе успѣхи не могли имѣть никакого вліянія на исходъ войны“. Кохъ, Т. I, стр. 141.

До насъ дошла собственноручная записка императора, рисующая какъ нельзя лучше его непонятное ослѣпленіе. Въ началѣ кампаніи, Наполеонъ составилъ лично для себя замѣтки о численности непріятеля, о его планахъ, а равно о тѣхъ силахъ, которыя собирался онъ противопоставить ему ¹⁾. Непріятели, разсуждалъ онъ, наступаютъ тремя отдѣльными арміями, но ни одна изъ этихъ армій не можетъ страшить его своею численностью. Въ Голландіи союзники располагаютъ, подъ предводительствомъ Бюлова, какими нибудь 20,000 ч.; но эти войска никогда не отважатся вступить въ предѣлы Франціи и будутъ задержаны на все время войны осадюю Антверпена и другихъ бельгійскихъ крѣпостей. Болѣе опасна армія Блюхера, направляющаяся на Мецъ, она состоитъ изъ 60,000 чел.; но и ей придется оставить подъ крѣпостями около половины своихъ солдатъ. Сильнѣе всѣхъ армія Шварценберга, въ ней насчитывается около 100,000 чел.; но и ей придется оставить въ Швейцаріи, подъ Безансономъ, рейнскими крѣпостями и Бельфоромъ около 50,000 ч. Пусть остальные 50,000 успѣютъ соединиться съ 30,000 Блюхера; неужели же эти 80,000 ч. отважатся идти на Парижъ, неужели осторожный и трусливый Шварценбергъ осмѣлится на такую безумную операцію?

Уменьшая до смѣшного силы непріятеля, Наполеонъ преувеличиваетъ въ такой же степени свои собственныя. Мезонъ, разсуждаетъ онъ, будетъ прикрывать съ 15,000 Бельгію, Макдональдъ съ 10,000 будетъ дѣйствовать на правый флангъ Блюхера, Мармонтъ Викторъ, Мортъе, въ распоряженіи которыхъ находятся 37,000 солдатъ, будутъ отступать шагъ за шагомъ передъ непріателемъ, по направленію къ Парижу, гдѣ соберется между тѣмъ 80,000 резервная армія. Наполеонъ настаиваетъ съ самоувѣренностью на этой послѣдней цыфрѣ, онъ возлагаетъ свои главныя надежды на эту резервную армію, а между тѣмъ онъ долженъ былъ знать

¹⁾ Замѣтки эти составлены были въ январѣ 1814 г., онѣ помѣщены въ 27 т. Correspondance. Мы пользуемся извлеченіями у гр. Тюрка, Napoleon als Feldherr. Т. II, стр. 340 и слѣд.

лучше кого либо, что армія эта существовала только въ его пылкой фантазіи, а не въ дѣйствительности.

Ошибаясь такъ страшно въ опредѣленіи численности непріятеля, Наполеонъ ошибался совершенно и на счетъ его плана. Онъ былъ убѣжденъ, что союзники вторгнутся во Францію со стороны Голландіи и нижняго Рейна, и сообщаясь съ этимъ, направилъ къ бельгійской границѣ большую часть своихъ войскъ, въ томъ числѣ всю старую гвардію. Строя подобное предположеніе, Наполеонъ рассуждалъ, впрочемъ, какъ настоящій полководецъ; или выражаясь иначе, онъ предполагалъ у непріятеля такія намѣренія, которыя онъ принялъ бы самъ на его мѣстѣ. Наступленіе со стороны нижняго Рейна представляло для союзниковъ несомнѣнныя выгоды; оно соответствовало, какъ нельзя болѣе, расположенію ихъ силъ, оно сулило самые скорые и блестящіе результаты, особливо въ случаѣ быстрого и рѣшительнаго образа дѣйствія. Блюхеръ и Гнейзенау настаивали тотчасъ по прибытіи во Франкфуртъ именно на этомъ планѣ, но они встрѣтили самыя рѣшительныя возраженія со стороны князя Шварценберга, всего его ученаго штаба и методическаго генерала Ф. Кнезебека ¹⁾. Всѣ эти господа предпочитали, какъ это намъ достаточно извѣстно, кривые и сложные пути путямъ прямымъ и смѣлымъ. Воспитанные на глубокомысленныхъ правилахъ отжившей свой вѣкъ стратегіи, они предполагали всю цѣль военныхъ дѣйствій не въ истребленіи вооруженныхъ силъ непріятеля, а въ занятіи важныхъ стратегическихъ пунктовъ и господствующихъ позицій. Сѣверо-восточная граница Франціи казалась имъ недоступною и неуязвимою уже потому, что она была окружена тройнымъ рядомъ крѣпостей. Неблагоразумно, утверждали они, углубляться въ страну, защищенную такъ сильно и укрѣпленіями и непріятельскими арміями; странно вести атаку именно въ томъ направленіи, въ какомъ ожидаетъ ее непріятель; несравненно удобнѣе вторгнуться во Францію съ той стороны,

¹⁾ Подробности о планахъ Шварценберга, Лангенау, Дюки и Ф. Кнезебека см. у Бернгарди, т. IV, гл. 1—2.

которая вовсе не защищена крѣпостями, откуда непріятель не ожидаетъ и не можетъ ожидать серьезнаго наступленія. Такою слабою стороною Франціи является ея швейцарская граница; здѣсь то находится ахиллова пята непріятеля, отсюда можно нанести ему рѣшительный ударъ. Правда, движеніе черезъ Швейцарію сопряжено, на первый взглядъ, съ большими неудобствами. Оно потребуетъ гораздо болѣе времени, оно заставитъ союзниковъ передвинуть всѣ свои силы на верхній Рейнъ, измѣнить свою операціонную базу, и что важнѣе всего, оно будетъ сопряжено съ большими политическими неудобствами. Швейцарская республика только что провозгласила свой нейтралитетъ. Придется нарушать этотъ нейтралитетъ. Придется, быть можетъ, занимать Швейцарію силою и тѣмъ заставить швейцарцевъ просить помощи у Наполеона. Не слѣдуетъ, однако-же, придавать особеннаго значенія всѣмъ этимъ трудностямъ. Всего менѣе слѣдуетъ стѣсняться номинальнымъ швейцарскимъ нейтралитетомъ. Самъ Наполеонъ никогда не стѣснялся имъ, онъ властвовалъ въ Швейцаріи, онъ пользовался средствами страны для своихъ цѣлей, онъ выбралъ изъ нея за послѣдніе шесть лѣтъ 200,000 рекрутъ, онъ подчинилъ ее континентальной системѣ и конфисковалъ подъ этимъ предлогомъ на нѣсколько милліоновъ товаровъ, онъ отдѣлилъ, наконецъ, отъ Швейцаріи нѣсколько областей и присоединилъ ихъ къ Франціи, не спрашивая ни чьяго согласія. Въ виду всѣхъ этихъ вопіющихъ фактовъ, союзники имѣютъ полное основаніе не обращать ни малѣйшаго вниманія на швейцарскій нейтралитетъ; да и сами швейцарцы навѣрное встрѣтятъ ихъ какъ освободителей и добровольно примкнутъ къ общему доброму дѣлу.

Занявъ Швейцарію, продолжали совѣтники Шварценберга, союзники пріобрѣтутъ большія политическія и особенно военныя выгоды. Для нихъ представится возможность вступить въ сношенія съ австрійскою арміею въ Италіи. Угрожаемый съ фланга и съ тыла, вице-король Евгеній принужденъ будетъ поспѣшно отступить во Францію; австрійская армія въ Италіи послѣдуетъ за нимъ, она займетъ Ліонъ и соединится тутъ съ другими союзными вой-

сками. Главная союзная армія вступить во Францію со стороны Швейцаріи черезъ такъ называемое вольное Бургундское графство, вовсе не защищенное сильными крѣпостями, а лишь двѣнадцатью ничтожными фортами. Отсюда союзникамъ представляется полная возможность достигнуть Лангрскаго плато, а занятіе этого въ высшей степени важнаго стратегическаго пункта должно имѣть самыя рѣшающія послѣдствія. Лангрское плато составляетъ важнѣйшую часть той возвышенности, которая отдѣляетъ рѣчную область Сены отъ рѣчной области Роны и Соны. Подымаясь на 1600 ф. надъ уровнемъ моря, оно господствуетъ подобно колоссальной крѣпости надъ всею Франціею. Отсюда страна понижается съ одной стороны къ сѣверному морю и Атлантическому океану, съ другой, къ Средиземному морю; отсюда направляются въ одну сторону Маасъ, Марна и Сена, на другую притоки Соны. Завладѣвъ этимъ плато, союзники обойдутъ Вогезы, обойдутъ Мозель, Маасъ и Марну у ихъ истоковъ, точно также какъ занявъ Швейцарію, они обойдутъ Рейнъ. Непріятель принужденъ будетъ оставить безъ боя всѣ свои сильныя оборонительныя линіи: Рейнъ, Вогезы, Маасъ; онъ принужденъ будетъ искать себѣ оборонительной позиціи далѣе назадъ, но не найдетъ ее нигдѣ ¹⁾.

Правда, нельзя опускать изъ виду и другой возможности. Не подлежитъ сомнѣнію, что Наполеонъ понимаетъ лучше кого-либо другаго всю важность Лангрской позиціи ²⁾. По всей вѣроятности, онъ постарается предупредить союзниковъ и займетъ ее своими главными массами. Быть можетъ, придется занимать плато съ боя, но надо надѣяться, что численное превосходство союзниковъ доставитъ имъ побѣду. Къ тому-же необходимо принять заблаговременно всѣ мѣры, чтобы отвлечь вниманіе непріятели отъ этого главнаго пункта, помѣшать сосредоточенію его силъ и разстроить

¹⁾ Итакъ, все дѣло сводится къ обходамъ и занятію оборонительныхъ линій; живая сила непріятели, очевидно, не имѣла въ глазахъ этихъ стратеговъ никакого значенія.

²⁾ Наполеонъ, какъ мы увидимъ это ниже, не придавалъ ни малѣйшаго значенія этой позиціи и не принялъ никакихъ мѣръ для ея защиты.

въ самомъ началѣ его вооруженія. Съ этой цѣлью силезская армія должна занять угрожающее положеніе на среднемъ Рейнѣ у Майнца и предпринимать демонстраціи на лѣвый берегъ рѣки. Далѣе необходимо составить множество партизанскихъ отрядовъ, по преимуществу изъ казаковъ, и двинуть ихъ, не теряя ни минуты времени, во внутрь Франціи. Отряды эти должны распространиться по всей странѣ, занимать пути сообщенія, захватывать и разгонять конскриптовъ на ихъ сборныхъ мѣстахъ, уничтожать магазины и склады непріятеля и подавить такимъ образомъ въ самомъ зародышѣ начинающіяся вооруженія Франціи. На этихъ-же партизанскихъ отрядовъ необходимо возложить и другую важную задачу. Они должны поддерживать связь между отдѣльными союзными арміями и установить сообщеніе съ войсками герцога Веллингтона, вступающими въ юго-западную Францію ¹⁾).

Таковъ былъ планъ, предложенный отъ имени князя Шварценберга еще во Франкфуртѣ, но составленный главнымъ образомъ генераломъ Лангенау. Несомнѣнно, что планъ этотъ могъ произвести сильное впечатлѣніе на людей, незнакомыхъ практически съ военнымъ дѣломъ, что онъ подкупалъ своими, повидимому, чисто-научными основами, что онъ открывалъ широкія перспективы и вносилъ единство и связь въ движенія союзныхъ армій, разбросанныхъ на громадномъ протяженіи между устьями Рейна и Пиренеями. Императоръ Александръ, всегда увлекавшійся сложными и грандіозными комбинаціями, не могъ не одобрить предложеній Лангенау уже и потому, что они были поддерживаемы не только Шварценбергомъ, Радецкимъ, Ф. Кнезебекомъ, но также прусскимъ королемъ и многими русскими генералами. Въ пользу плана говорило, повидимому, и то обстоятельство, что противъ него возражали всѣ лю-

¹⁾ Этому послѣднему обстоятельству придавали особенное значеніе австрійскіе стратеги. Они намѣтили даже заранѣе партизана, который долженъ былъ пробраться къ Веллингтону. То былъ смѣлый и искусный русскій партизанъ, Сеславинъ. Императору Александру понравилась также эта мысль, но объ ея осуществленіи не было внослѣдствіи и рѣчи.

ди, черезъ чуръ осторожныя и методичныя, что противъ него протестовалъ генераль Дука, называя зимній походъ во Францію безумнымъ предпріятіемъ, что противъ него высказывался и Бернадотъ, утверждая съ своею обычною гасконскою развязностью, что вторженіе союзниковъ во Францію повлечетъ за собою страшное, поголовное возстаніе всего французскаго народа ¹⁾.

Понятно, что такія трусливыя и коварныя внушенія не могли произвести на императора Александра желаннаго дѣйствія; напротивъ, они только утверждали его и безъ того уже въ твердомъ намѣреніи перенести немедленно войну въ предѣлы Франціи. Иное дѣло возраженія Гнейзенау, начальника штаба силезской арміи. Если устами Лангенау говорила кабинетная стратегія Маковъ, Вейротеровъ и другихъ членовъ вѣнскаго Гофскригсрата, то въ энергическихъ рѣчахъ Гнейзенау слышалась чисто-практическая стратегія истиннаго полководца, избравшаго своими образцами Суворова и Наполеона. Гнейзенау предполагалъ оставить на линіи Рейна и въ Голландіи лишь небольшіе отряды для наблюденія за крѣпостями, перевести немедленно всю армію черезъ средній Рейнъ и идти прямо на Парижъ, черезъ Намси и Мецъ. Онъ доказывалъ, что движеніе черезъ Швейцарію отниметъ у союзниковъ нѣсколько драгоцѣнныхъ недѣль времени и что непріятель съумѣетъ воспользоваться ими, какъ нельзя лучше, для окончанія своихъ вооруженій. Походъ Шварценберга черезъ Швейцарію и трудно проходимую, особенно въ зимнее время, Юру можетъ подвергнуть кромѣ того величайшей опасности силезскую армію, оставляемую на среднемъ Рейнѣ. Легко можетъ случиться, что Наполеонъ оставитъ на-время безъ вниманія главную армію, бросится со всѣми своими силами на Блюхе-

¹⁾ Дука предлагалъ расположить арміи на зимнія квартиры и начать войну, въ духѣ добраго, стараго премеци, весною, приступивъ къ осадѣ Майнца. Бернадотъ прямо заявилъ, что партизаны и казаки будутъ перебиты одними стариками и бабами, безъ участія молодежи и населенія средняго возраста, которые соберутся подъ знаменами Наполеона. См. Бергарди, *Toll's Denkwürdigkeiten*, т. IV, полов. I, стр. 25, 26, 41.

ра, уничтожить его армию и перенесетъ вновь войну въ Германію. О Лангрскомъ плато и его стратегическомъ значеніи Гнейзенау выражался съ величайшимъ презрѣніемъ. Онъ доказывалъ, что географическіе пункты сами по себѣ не могутъ имѣть никакого военнаго значенія, что смѣшно и странно утверждать, что возвышенность, сама по себѣ ничтожная, можетъ господствовать надъ всею Франціею, лишь потому что на ней находятся истоки нѣкоторыхъ французскихъ рѣкъ. Наполеонъ, говорилъ Гнейзенау далѣе, навѣрное не придаетъ ни малѣйшаго значенія этому горбу, онъ не поставитъ для его защиты ни одного своего солдата; онъ сумѣетъ найти себѣ иныя позиціи и остановитъ союзниковъ иными болѣе реальными способами, нежели занятіемъ воображаемыхъ господствующихъ пунктовъ. Съ такимъ полководцемъ какъ императоръ французовъ надо вести войну такимъ-же образомъ, какъ ведетъ ее онъ самъ. Живая сила непріятеля должна составлять единственный объектъ нашихъ военныхъ операцій ¹⁾.

Какъ ни убѣдительно говорилъ Гнейзенау, но императоръ Александръ, не желая расходиться съ своими союзниками, не счелъ возможнымъ стать рѣшительно на его сторону. Лишь въ одномъ отношеніи онъ не согласился съ планомъ Лангенау и потребовалъ его существеннаго измѣненія. Силезская армія не должна была оставаться на правомъ берегу Рейна и ограничиваться „какими-то демонстраціями“, стараго Блюхера не слѣдовало сажать на цѣпь и тѣмъ лишать дѣйствующую армию союзниковъ ея острѣйшаго меча и популярнѣйшаго вождя. Александръ потребовалъ и настоялъ на своемъ, чтобы силезская армія перешла черезъ Рейнъ у Майнца и приняла самое дѣятельное участіе въ

¹⁾ Рѣчь, вложенная здѣсь въ уста Гнейзенау, не была буквально произнесена имъ именно въ этомъ видѣ, но всѣ мысли и доводы, сжатые здѣсь въ нѣсколькихъ фразахъ, были неоднократно и подробно излагаемы имъ какъ письменно, такъ и устно. И тутъ мы слѣдуемъ примѣру, поданному великими историками древности. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что идеи Гнейзенау встрѣчали противорѣчіе въ средѣ самой силезской арміи. Противъ нихъ высказались генералы Йоркъ и Мюфлингъ.

нашествіи на Францію. Внося это коренное измѣненіе въ планъ Лангенау, Александръ отлично понималъ, что онъ разстраивалъ тѣмъ самымъ одинъ изъ важнѣйшихъ затаенныхъ замысловъ вѣнскаго кабинета. Устраненіе Блюхера было, по всей вѣроятности, дѣломъ самого Меттерниха. Онъ хотѣлъ лишить Александра его главной поддержки и сосредоточить все веденіе войны въ рукахъ Шварценберга.

Съ планомъ Лангенау соединялись и другія заднія мысли чисто политическаго свойства. Намѣчая Лангрское плато, какъ главную стратегическую цѣль вторженія союзниковъ во Францію, Шварценбергъ и его совѣтники тщательно умалчивали о томъ, что-же должно воспослѣдовать послѣ занятія плато въ томъ случаѣ, если Наполеонъ не поспѣшитъ заявить свою покорность. Очевидно, что и въ такомъ случаѣ, они вовсе не намѣревались идти далѣе въ глубину Франціи. Мысль о походѣ на Парижъ, о сверженіи Наполеона съ престола не входила ни въ ихъ желанія, ни въ расчеты. Они смотрѣли на предстоящую кампанію не какъ на рѣшительное предпріятіе, а какъ на набѣгъ, долженствовавшій сломить упрямство императора французовъ и побудить его заключить миръ на условіяхъ предложенныхъ Сентъ-Эльяну ¹⁾. Понятно, что императоръ Александръ ни коимъ образомъ не могъ примириться съ подобными идеями, но Меттернихъ надѣялся тѣмъ или инымъ способомъ обойти и обмануть русскаго государя.

Походъ черезъ Швейцарію, на которомъ такъ упорно настаивали Шварценбергъ и Лангенау, имѣлъ также свою политическую подкладку, не имѣвшую ничего общаго съ главною цѣлью войны. Проходя черезъ Швейцарію ²⁾, австрійцы рассчитывали подчинить эту страну своему вліянію, уничтожить ея политическое устройство, основанное на равноправ-

¹⁾ Бернгарди, т. IV, пол. II, стр. 26.

²⁾ Подробности о Швейцарскихъ дѣлахъ см. *Diplomatische Geschichte d. Jahre 1812—15*, гдѣ на стр. 339—344 помѣщены и нѣкоторые документы; Бернгарди, т. IV, пол. I, главы 1 и 2, гдѣ все это дѣло изложено съ большою подробностью; Богдановичъ, императоръ Александръ, т. IV, стр. 342 и слѣдующія; Перцъ, *Stein's Leben*, т. 3 глава IX.

ности кантоновъ и возстановить ненавистное для народа господство Бернской аристократіи. Какъ ни тщательно держалъ Меттернихъ въ тайнѣ этотъ свой замыселъ, но интриги его агентовъ и Бернскихъ патриціевъ повели къ его скорому и внезапному разоблаченію. Лагарпъ, бывшій воспитатель Александра, уроженецъ кантона Ваадта, независимости котораго угрожала опасность въ случаѣ удачи задуманнаго австрійцами переворота, поспѣшилъ увѣдомить русскаго императора о замыслахъ Меттерниха и умолялъ его взять подъ свою защиту свободную Швейцарію. Александръ, глубоко возмущенный новымъ коварствомъ австрійскаго канцлера, немедленно принялъ самыя энергическія мѣры. Онъ объявилъ императору Францу и его канцлеру, что онъ не только не намѣренъ принимать участіе въ ихъ замыслахъ, но что онъ беретъ Швейцарію подъ свою защиту. вмѣстѣ съ тѣмъ императоръ потребовалъ, чтобы союзная армія переправилась черезъ Рейнъ, ниже Базеля въ Баденскихъ владѣніяхъ и вступила во Францію, не касаясь нейтральной Швейцарской территоріи. Наконецъ, императоръ предложилъ отправить немедленно-же въ Цюрихъ, гдѣ находилось швейцарское союзное правительство, союзныхъ комиссаровъ и вступить въ дружественныя переговоры съ республикою. Комиссары должны были заявить швейцарскимъ правителямъ, что союзные монархи питаютъ къ Швейцаріи самыя благосклонныя чувства и намѣренія и что они приглашаютъ ее присоединиться къ союзу противъ общаго врага европейскаго порядка и свободы.

Меттернихъ, захваченный въ расцлохъ, не рѣшился открыто противорѣчить Александру. Онъ согласился даже на всѣ его требованія, хотя въ душѣ вовсе не думалъ отказываться отъ своихъ замысловъ. Князь Шварценбергъ долженъ былъ заявить русскому государю, что, согласно его волѣ, союзная армія переправится черезъ Рейнъ ниже Базеля, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ разрѣшенія занять постоянный мостъ въ самомъ Базелѣ, ссылаясь на стратегическую важность этого пункта. Александръ далъ охотно свое согласіе на эту послѣднюю просьбу, замѣтивъ, что въ такомъ слу-

чаѣ линія швейцарской нейтральной территоріи можетъ быть отодвинута на одну милю назадъ. Въ то же время назначенъ былъ австрійскимъ комиссаромъ въ Швейцарію Ф. Лебцельтернъ; выборъ же Александра палъ на графа Каподистрію, состоявшаго тогда директоромъ канцеляріи главнокомандующаго русскими войсками Барклая-де-Толли.

Полная уступчивость австрійскаго канцлера возбудила подозрѣнія Александра. Онъ предчувствовалъ что-то недоброе и рѣшился для предупрежденія новыхъ интригъ Меттерниха дать самыя точныя инструкціи своему уполномоченному. Императоръ потребовалъ къ себѣ графа Каподистрію и обратился къ нему съ такими словами: „Я очень доволенъ вашею прежнею службою и намѣренъ возложить теперь на васъ важное порученіе. Ваши правила и чувства мнѣ извѣстны. Вы любите республики и я также люблю ихъ. Дѣло состоитъ въ томъ, чтобы спасти одну изъ нихъ, поработленную французскимъ деспотизмомъ и угрожаемую такою-же участію, какая постигла вольные германскіе города, а равно Геную и Венецію. Я говорю о Швейцаріи. Государи наканунѣ перехода ихъ арміи черезъ Рейнъ должны убѣдиться въ расположеніи честнаго и воинственнаго народа этой страны, содѣйствовать его возрожденію и дать ему возможность принять вмѣстѣ съ нами участіе въ великомъ дѣлѣ возстановленія европейской системы. Возвратить каждой изъ націй полное и совершенное пользованіе ея правами и учрежденіями; ввѣрить защиту ихъ и свою собственную общему союзу; остерегаться самимъ и охранять ихъ отъ властолюбія завоевателей: таковы основанія, на коихъ, съ помощью Божіею, мы падѣмся утвердить нашу новую систему. Всевышній Промыслъ указалъ намъ путь къ этой цѣли. Мы уже прошли часть его; осталая часть усѣяна преградами. Необходимо устранить ихъ, и вы будете содѣйствовать этому трудному дѣлу. Союзъ противъ Франціи образовался самъ собою въ силу необходимости; подобно снѣжному кому, росъ онъ на своемъ пути, увлекаая все за собою. Трудно представить себѣ сколько нужно было благоразумія, умѣренно-

сти и настойчивости, чтобы упрочить союзъ и не дозволить общему непріятелю разъединить союзниковъ“.

Перейдя затѣмъ къ положенію дѣлъ въ Швейцаріи, Александръ сказалъ: „Упрямые бернскіе аристократы не хотѣли сдѣлать никакой добровольной уступки требованіямъ вѣка и общественнаго прогресса швейцарской націи. Это дало возможность усилиться революціонной партіи, которую старалась образовать Франція въ земляхъ, подвластныхъ кореннымъ кантонамъ и французскія войска, пользуясь тѣмъ, овладѣли безъ труда Швейцаріею. Послѣ многихъ бѣдствій, ею перенесенныхъ, договоръ о посредничествѣ, которымъ Бонапарте успокоилъ страну, былъ несомнѣннымъ благодѣяніемъ. Если-бы власть, даровавшая его, могла внушить довѣріе, то швейцарцы сдѣлали-бы очень дурно, пожелавъ возвратиться къ прошлому и подвергнувъ себя опасностямъ новаго политическаго устройства. Какова-бы ни была развязка этого вопроса, мы не имѣемъ права рѣшить его. Союзныя державы должны соблюдать и охранять положеніе дѣлъ, нынѣ существующее въ Швейцаріи. На этомъ основаніи, непреложно условленномъ мною съ моими союзниками, мы желаемъ указать гражданамъ швейцарской республики истинныя выгоды ихъ отечества и постепенно побудить ихъ къ содѣйствію намъ. Но для этого необходимо на первый разъ потребовать отъ нихъ истиннаго нейтралитета въ настоящую войну. Такова цѣль даннаго вамъ порученія. Мы не знаемъ, что теперь происходитъ въ Швейцаріи. И потому вы отправитесь туда въ качествѣ путешественника. По прибытіи на мѣсто, вы будете доставлять мнѣ донесенія, содержаніе которыхъ опредѣлитъ свойства вашей миссіи. Австрійцы посылаютъ съ такими-же предосторожностями барона Лебцельтерна, съ которымъ вы будете дѣйствовать за одно“.

Каподистрія, выслушавъ государя, замѣтилъ, что онъ сомнѣвается въ своей способности къ таковой миссіи. „Я знаю Швейцарію только изъ книгъ, я не говорю по-нѣмецки и что самое главное,—я буду имѣть товарища“, замѣтилъ онъ.

Государь возразилъ: „Я отвѣчу только на послѣднее затрудненіе. На счетъ прочихъ могу отдать справедливость

вашей скромности. Что-же касается до вашего товарища, то поступайте на основаніи, данныхъ вамъ инструкцій. Ежели онъ отклонится отъ нихъ, дѣйствуйте такъ, какъ вамъ указано и присылайте мнѣ ваши донесенія. Мы будемъ близко. Въ нѣсколько дней вы получите отвѣтъ“¹⁾).

Бесѣда государя съ Канонистріею бросаетъ яркій свѣтъ и на положеніе Швейцаріи, и на благородныя, безкорыстныя цѣли русской политики. До самыхъ временъ французской революціи, въ Швейцаріи господствовалъ порядокъ, созданный вѣками и основывавшійся на привилегированномъ положеніи и господствѣ однихъ, на зависимости и угнетеніи другихъ. Коренные кантоны, отличавшіеся впрочемъ самымъ различнымъ политическимъ устройствомъ, одни считались полноправными членами союза и составляли союзный совѣтъ. Другіе кантоны, носившіе названіе примкнувшихъ областей, находились только въ оборонительномъ союзѣ или со всѣми старыми кантонами или съ однимъ изъ нихъ. Они не имѣли своихъ представителей въ союзномъ совѣтѣ, но пользовались полною внутреннею самостоятельностью. Въ числѣ ихъ были вольные города, какъ на примѣръ, Женева, республики, какъ на примѣръ, Граубюнденъ и маленькія монархическія государства, какъ графство Невшательское и С. Галленское аббатство. Наконецъ, въ составъ старой Швейцаріи входили такъ называемыя подчиненныя области, завоеванныя однимъ или нѣсколькими кантонами. Такія области не имѣли никакихъ политическихъ правъ; онѣ находились въ строгой зависимости отъ владѣтельныхъ кантоновъ. Ими управляли по большей части жестоко и несправедливо ландфогты. Бернъ, самый старшій и могущественный изъ коренныхъ кантоновъ, владѣлъ большею частью такихъ зависимыхъ областей. Ему принадлежали Ааргау и Ваадтъ, родина Лагарпа. Бернскіе ландфогты, грубые и жестокіе „мужики стараго покроя“, тяжело давали чувствовать свою власть болѣе образованному

¹⁾ Весь этотъ разговоръ, равно какъ и инструкція Канонистріи помещены у Богдановича, Т. IV, стр. 343—345 и приложенія стр. 44—45, который взялъ ихъ изъ собственноручной рукописи Канонистріи, хранящейся въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

населенію подвластныхъ областей. Ихъ тиранія принесла самыя горькіе плоды Швейцаріи. Когда войска революціонной Франціи вторгнулись въ страну, то населеніе подвластныхъ земель встрѣтило ихъ какъ своихъ освободителей. Старые кантоны утратили свое господствующее положеніе и Наполеонъ своимъ посредническимъ актомъ превратилъ Швейцарію въ Гельветическую республику, состоявшую изъ совершенно равноправныхъ и автономныхъ кантоновъ, устроенныхъ демократически и поставленныхъ подъ покровительство Франціи.

Но понятно, что бернскіе аристократы не могли примириться съ этимъ новымъ порядкомъ вещей. Они молчали и повиновались лишь до тѣхъ поръ, пока оставалось неизбѣжимымъ могущество Наполеона; когда-же могущество это пошатнулось и арміи соединенной Европы придвинулись къ самымъ границамъ Швейцаріи, то они рѣшили добиться во-что-бы то ни стало своего прежняго господствующаго положенія. Всѣ свои надежды бернскіе патриціи возлагали при этомъ на Австрію и на руководителя габсбургской политики Меттерниха. Они видѣли, что Австрія начертала на своемъ знамени безусловное возстановленіе до-революціонныхъ порядковъ и ожидали съ увѣренностью, что она съумѣетъ возвратить и имъ ихъ прежнее положеніе. Ничто не усиливало такъ ихъ надеждъ, какъ успѣхи, достигнутые Австріею въ Германіи при содѣйствіи англійскихъ торіевъ и вопреки Россіи и Пруссіи. Бернскіе аристократы полагали совершенно основательно, что если Меттернихъ успѣлъ возстановить даже Гессенскаго курфюрста, то никто не съумѣетъ помѣшать ему возстановить и въ Швейцаріи старые порядки.

Едва только союзные государи и министры прибыли во Франкфуртъ, какъ швейцарскіе патриціи вступили въ тайныя сношенія съ австрійскимъ канцлеромъ. Меттернихъ обѣщалъ сдѣлать для нихъ все, но потребовалъ, чтобы они сами взяли на себя починъ дѣла и немедленно организовали тайный комитетъ дѣйствія. Патриціи послѣдовали совѣту своего высокаго покровителя. Они устроили комитетъ,

получившій въ послѣдствіи характерное названіе „Вѣнскаго комитета“ ¹⁾). Въ составъ комитета вошли самые отвѣтственные реакціонеры и ловкіе интриганы: Тутъ мы встрѣчаемъ и генеральнаго комиссара Висса, принимавшаго самое дѣятельное участіе во всѣхъ прежнихъ смутахъ и интригахъ въ Швейцаріи и фанатика Карла ф. Галлера выступившаго въ послѣдствіи въ качествѣ научнаго реставратора стараго государственнаго права, и графа Салисъ-Оглю, австрійскаго камергера, богатаго швейцарскаго землевладѣльца, потерявшаго всѣ свои имѣнія вслѣдствіе вторженія французовъ въ Швейцарію и произведеннаго ими въ ней переворота.

Комитетъ началъ свою дѣятельность, не теряя ни минуты времени и уже въ началѣ ноября поднялъ на ноги всю бернскую мужицкую аристократію. Бернскій государственный совѣтъ ²⁾ предпринялъ цѣлый рядъ мѣръ, шедшихъ въ разрѣзъ съ дѣйствіями союзнаго совѣта, засѣдавшаго въ Цюрихѣ. Союзный совѣтъ объявилъ торжественно нейтралитетъ Швейцаріи; бернскій совѣтъ издалъ прокламацію, въ которой заявлялъ, что онъ сѣмѣетъ поддержать порядокъ и спокойствіе въ кантонахъ и подвластныхъ земляхъ даже въ томъ случаѣ, если союзныя арміи вступятъ въ Швейцарію. Союзный совѣтъ выслалъ на границу 12,000 отрядъ войска подъ начальствомъ генерала Ваттевиля для охраненія швейцарскаго нейтралитета; бернскіе патриціи отправили посланіе къ князю Шварценбергу, въ которомъ просили его не обращать никакого вниманія на швейцарскій нейтралитетъ и ввести въ страну, какъ можно скорѣе, союзныя войска, такъ какъ этого требуетъ громадное большинство швейцарскихъ гражданъ. Патриціи препроводили это свое посланіе въ Цюрихъ къ австрійскому и русскому комиссару и просили ихъ засвидѣтельствовать крайнюю необходимость таковой мѣры и подписать въ свою очередь ихъ заявленіе. Лебцельтернъ, дѣй-

¹⁾ Вѣнскій комитетъ засѣдалъ въ Вальдегутѣ, неподалеку отъерна и управлялъ отсюда дѣйствіе бернскаго государственнаго совѣта.

²⁾ Этотъ совѣтъ учрежденъ былъ на основаніи посредническаго акта; въ прежнее время верховная власть находилась въ рукахъ бернскаго городского совѣта, состоявшаго изъ однихъ патриціевъ.

ствовавшій на основаніи тайныхъ инструкцій Меттерниха, немедленно исполнилъ желаніе патриціевъ и объяснилъ Каподистрію, что онъ подписываетъ этотъ страшный документъ, исходящій отъ собранія чисто частнаго, единственно изъ опасенія, что въ противномъ случаѣ онъ можетъ разстроить тайные, неизвѣстные ему лично, планы своего двора. Каподистрія съ своей стороны, послѣ нѣкотораго раздумья, также подписалъ бернскую декларацію. Онъ рѣшился на этотъ шагъ, опасаясь, что въ противномъ случаѣ разногласіе между Россією и Австрією станетъ для всѣхъ очевиднымъ и можетъ причинить вредъ общему дѣлу союзниковъ.

Между тѣмъ наступили первыя числа декабря и союзныя войска, согласно принятому рѣшенію, двинулись по Рейну къ Базелю. Князь Шварценбергъ, посвященный во всѣ дипломатическія интриги Меттерниха, „далъ такое направленіе колоннамъ союзной арміи, что австрійскія войска шли въ авангардѣ ея и должны были первыя вторгнуться въ Швейцарію, тогда какъ русскій корпусъ генерала Витгенштейна былъ расположенъ у Келя для наблюденія за Страсбургомъ“, русско-прусская гвардія оставлена далеко позади, а остальныя русскія войска втиснуты такъ искусно между австрійскими колоннами, что должны были по необходимости слѣдовать за ними. Одновременно съ этими стратегическими мѣропріятіями, Меттернихъ отправилъ въ Швейцарію въ качествѣ тайнаго агента, графа Зенфть-Пильзаха, бывшаго саксонскаго министра, выгнаннаго изъ Саксоніи за различныя темныя продѣлки Наполеономъ и вступившаго теперь въ австрійскую службу. Графу дано было секретное порученіе побудить бернскихъ патриціевъ произвести внутренній переворотъ, какъ только австрійскія войска войдутъ въ Швейцарію ¹⁾.

Предпринимая всѣ эти тайные ходы и обманывая самымъ безчестнымъ образомъ своихъ союзниковъ, Меттернихъ старался въ тоже время изо всѣхъ силъ задержать, какъ можно долѣе, императора Александра вдали отъ швейцарской гра-

¹⁾ Подробности объ интригахъ Зенфта см. у Бернгарди, Т. IV, ст. 79—81.

пицы и держать его въ полномъ невѣдѣніи на счетъ всѣхъ швейцарскихъ дѣлъ. Обстоятельства благопріятствовали ему какъ нельзя болѣе въ исполненіи этого послѣдняго замысла.

Императоръ Александръ выѣхалъ изъ Франкфурта 30-го ноября ¹⁾, но опъ не послѣдовалъ прямо за арміею, а заѣхалъ въ Карлсруэ, чтобы провести тамъ нѣсколько дней въ кругу близкихъ родныхъ своей супруги. Меттернихъ, знавшій заравѣе о предположеніи Александра, спѣшилъ воспользоваться этою случайностью. По его мановенію, австрійскія военныя и политическія власти снялись съ мѣста и поспѣшили впередъ съ совершенно несвойственною имъ быстротою. Князь Шварценбергъ выѣхалъ изъ Франкфурта 27-го ноября и уже 29-го ²⁾ прибылъ въ Фрейбургъ неподалеко отъ швейцарской границы. Императоръ Францъ, не отличавшійся въ другихъ случаяхъ особенною подвижностью, послѣдовалъ на этотъ разъ очень скоро за своимъ главнокомандующимъ и уже 2-го декабря ³⁾ торжественно вступилъ въ Фрейбургъ на копѣ во главѣ своихъ войскъ. Населеніе этого бывшаго габсбургскаго города встрѣтило императора не только съ подобающимъ почетомъ, но и съ шумными оваціями. Меттернихъ сопровождалъ своего монарха; ему надо было быть какъ можно ближе къ мѣсту дѣйствій. Весь Фрейбургъ и окрестности были переполнены австрійскими войсками; всѣ квартиры въ городѣ заняты австрійскими придворными и гепералами. Меттернихъ, горячо принимавшій къ сердцу удобства русскаго государя и правила этикета и высокаго уваженія, подобающихъ его особѣ, сообщилъ русскому военному агенту, что императору Александру и его свитѣ приготовлены уже приличныя помѣщенія въ Фрейбургѣ, не смотря на всю тѣсноту въ этомъ маленькомъ городкѣ, и что комендантъ императорской главной квартиры, подковникъ Ставраковъ можетъ немедленно занять эти помѣщенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Меттернихъ и Шварценбергъ заявили Толлю, что въ городѣ можно будетъ найти мѣсто и

¹⁾ 12-го декабря н. ст.

²⁾ 9-го и 11-го декабря н. ст.

³⁾ 15-го дек. новаго ст.

для двухъ русскихъ гвардейскихъ полковъ, но что войска эти могутъ вступить въ Фрейбургъ никакъ не ранѣе 21-го декабря, такъ какъ до этого дня городъ будетъ переполненъ австрійскими войсками ¹⁾).

Австрійская интрига становилась уже очень прозрачною. На письмо Толля, увѣдомлявшаго объ австрійскихъ заявленіяхъ, князь Волконскій отвѣчалъ, по распоряженію государя, что походъ русской гвардіи задержался вслѣдствіе распоряженій князя Шварценберга и что было-бы крайне интересно узнать, какія причины побудили фельдмаршала измѣнить свои первоначальныя диспозиціи ²⁾. Высказывая такимъ образомъ свое недоумѣніе по поводу дѣйствій австрійскихъ властей, императоръ Александръ не находилъ, однако-же, возможнымъ оставить Карлсруэ и послѣшить немедленно въ Фрейбургъ, такъ какъ считалъ неудобнымъ и неловкимъ останавливаться въ городѣ, занятомъ одними австрійцами. Самъ не подозрѣвая того давалъ онъ такимъ образомъ Меттерниху возможность и время продолжать свои интриги.

Уже 7-го декабря авангардъ австрійской арміи, подъ начальствомъ генерала Бубны, явился на швейцарской границѣ у Лёрраха. При этомъ отрядѣ находился и главный помощникъ Шварценберга, генераль Лангенау. Онъ потребовалъ свиданія съ полковникомъ Геррепшвандомъ ³⁾, командовавшимъ расположенными въ этомъ мѣстѣ швейцарскими войсками, и объявилъ ему, что сила необходимости и военныя соображенія заставляютъ союзную армію направить свой походъ на Францію черезъ Швейцарію и что войска князя Шварценберга сегодня-же вечеромъ перейдутъ черезъ гра-

¹⁾ Всѣ эти заявленія были переданы Толлю генераль-квартирмейстеромъ австрійской арміи, графомъ Радецкимъ. Бернгарди, *Toll's Denkwürdigkeiten*. Т. IV, п. I, стр. 73.

²⁾ Извлеченіе изъ письма кн. Волконскаго см. у Бернгарди, Т. IV, стр. 74.

³⁾ Геррепшваидъ явился на свиданіе въ сопровожденіи полковника Фюсли изъ Цюриха и адъютанта капитана Фишера. Съ австрійской стороны кромѣ Лангенау при разговорѣ присутствовалъ графъ Бубна. Подробности у Бернгарди, Т. IV. пол. I, стр. 82--84.

ницу. Отъ образа дѣйствій швейцарскихъ военнопочальниковъ будетъ зависѣть теперь врагами или друзьями войдутъ союзники въ Швейцарію. Впрочемъ, заключилъ свою рѣчь Лангенау, союзные монархи, одушевлены самыми благосклонными намѣреніями по отношенію къ Швейцаріи. Они не только твердо намѣрены охранять ея самостоятельность, но и желаютъ освободить ее отъ двойнаго ига, наложеннаго на нее актомъ о посредничествѣ.

Полковникъ Герреншвандъ возразилъ, что онъ не имѣетъ никакого права вести переговоры, что онъ поставленъ здѣсь лишь для охраненія нейтральной швейцарской территоріи и что онъ желалъ-бы получить письменное заявленіе отъ Лангенау для препровожденія его своему начальству. Лангенау замѣтилъ на это, что о письменномъ заявленіи не можетъ быть и рѣчи, но что онъ готовъ дать всѣ необходимыя словесныя разъясненія. Въ виду такого категорическаго отвѣта, швейцарскій офицеръ поневолѣ долженъ былъ вступить въ дальнѣйшія объясненія съ Лангенау. Онъ выразилъ свое удивленіе, почему такія важныя рѣшенія не могутъ быть облечены въ письменную форму. Если союзные монархи, сказалъ онъ далѣе, дѣйствительно желаютъ перемѣнъ въ швейцарской конституціи, то съ такими предложеніями слѣдовало-бы обратиться къ признанному правительству республики, ибо всѣ иныя пути могутъ бросить ложный свѣтъ на намѣренія союзныхъ державъ, и напомнить несчастныя времена революціи, насильственно впесенной въ Швейцарію французскими республиканцами. Въ заключеніи Герреншвандъ заявилъ, что онъ имѣетъ приказъ силою отражать всякую попытку нарушенія нейтралитета.

Лангенау отвѣчалъ, что союзники дѣйствуютъ согласно желанію самихъ швейцарцевъ, что швейцарцы сами съ нетерпѣніемъ ожидаютъ возстановленія своего прежняго устройства и своихъ старыхъ правительствъ. „Не слѣдуетъ смѣшивать интересовъ отдѣльныхъ партій, возразилъ ему швейцарецъ, съ общими интересами страны“. „Но швейцарское правительство дѣйствуетъ само партейно, отвѣчалъ Лангенау; оно выставило войска только противъ союзниковъ, по

не противъ Франціи; его границы, его нейтралитетъ остаются безъ всякой охраны со стороны Франціи. Швейцарія не въ состояніи, слѣдовательно, дать союзникамъ ручательство, что она сумѣетъ охранить свой нейтралитетъ отъ всякихъ покушеній Наполеона. Въ виду этого послѣдняго обстоятельства союзникамъ не остается иного средства обезпечить свои интересы, какъ занять Швейцарію своими войсками“.

Разговоръ принималъ съ каждою минутою все болѣе возбужденный характеръ. Герреншвандъ началъ ссылаться на обѣщаніе императора Александра уважать швейцарскій нейтралитетъ; Лангенау не отрицалъ этого факта, онъ объявилъ, что дипломаты готовы были признать этотъ нейтралитетъ, но что военныя власти не согласились съ ними. „Въ такомъ случаѣ“, возразилъ Герреншвандъ, „вамъ слѣдуетъ обратиться съ вашимъ требованіемъ непосредственно къ швейцарскому главнокомандующему Ваттевилю“. „Для этого нѣтъ у насъ времени“, рѣзко прервалъ его Лангенау; „войска наши должны перейти черезъ Рейнъ сегодня-же вечеромъ“. „Если такъ“, воскликнулъ швейцарскій капитанъ, Фишеръ, присутствовавшій при совѣщаніи, „то намъ не остается ничего иного, какъ пастъ до послѣдняго человѣка, подобно нашимъ предкамъ при с. Якобѣ, защищая границу отечества!“

Смѣлое восклицаніе Фишера видимо озадачило Лангенау. Тонъ его сразу понизился. Кровавая схватка съ швейцарцами вовсе не входила въ расчеты коварной австрійской политики. Лангенау отлично повималъ, что ради успѣха интриги, затѣянной Меттернихомъ, слѣдуетъ тщательно избѣгать всякаго шума, а тѣмъ болѣе открытаго насилія. Онъ тотчасъ-же объявилъ, что входя въ стѣсненное положеніе швейцарскихъ офицеровъ, онъ готовъ отсрочить переходъ войскъ черезъ границу на двадцать четыре часа.

Понятно, что швейцарцы ни коимъ образомъ не могли осуществить своей угрозы. Превосходство силъ союзниковъ было слишкомъ колоссально; оставалось покориться необходимости. Уже 7-го декабря вечеромъ пришло приказаніе отъ генерала Ваттевиля немедленно очистить границу, от-

ступить во внутрь страны и избѣгать, по возможности, всякой встрѣчи съ союзными войсками. Полковникъ Герреншвандъ тотчасъ-же приступилъ къ исполненію приказа. Онъ оставилъ въ Базелѣ 1000 ч., состоявшихъ изъ войскъ этого кантона, для охраненія порядка въ городѣ, но предписалъ имъ тотчасъ-же разойтись по домамъ, какъ только союзники вступятъ въ городъ. Одновременно съ этимъ онъ отправилъ капитана Фишера въ Лёррахъ и поручилъ ему заявить австрійскимъ генераламъ, чтобы они поторопились занять Базель, такъ какъ въ противномъ случаѣ городъ можетъ подвергнуться нападенію гарнизона сосѣдней французской крѣпости Гюнненгена. Фишеру дано было также порученіе заключить возможно выгодную капитуляцію для Базеля, и онъ снабженъ былъ на всякій случай проектомъ таковой капитуляціи.

Утромъ 8-го декабря Фишеръ прибылъ въ Лёррахъ и засталъ здѣсь большое оживленіе. Князь Шварценбергъ перенесъ уже сюда свою главную квартиру. Все мѣстечко было переполнено австрійскими генералами и офицерами. Огромныя массы войскъ придвинуты были къ самому Рейну. Всеобщее вниманіе было поглощено предстоящимъ вступленіемъ въ Швейцарію. Почти никто не обратилъ вниманія на Фишера. О капитуляціи Базеля не было и рѣчи; но швейцарскимъ войскамъ сдѣланы были всевозможныя уступки. Они могли отступить со всѣми военными почестями, оружіемъ и багажемъ. Городу Базелю гарантирована была защита отъ покушеній Гюннингенскаго гарнизона. Относительно же сохраненія кантональных войскъ, переговоровъ съ центральнымъ правительствомъ и другими властями, Фишеру указано было на обѣщанія заключавшіяся въ прокламаціи князя Шварценберга. Обѣщанія эти отличались впрочемъ характеромъ слишкомъ общимъ и ни коимъ образомъ не могли стѣснить свободу дѣйствій австрійскаго главнокомандующаго ¹⁾).

¹⁾ Въ прокламаціи были даже такія мѣста, которыя должны были дѣйствовать подстрекающимъ образомъ на приверженцевъ старшины. Между прочимъ

Уже въ тотъ-же вечеръ 8-го декабря началась переправа союзныхъ войскъ черезъ Рейнъ и вступленіе ихъ въ Швейцарію. Австрійскія войска перешли черезъ рѣку нѣсколькими колоннами на пространствахъ между Базелемъ и Шафгаузеномъ, еще въ теченіе ночи съ 8-го на 9-е число. 10-го декабря переправился въ Базель баварско-австрійскій корпусъ подъ начальствомъ графа Вреде. Что же касается русско-прусской гвардіи, то намѣренно задержанная Шварценбергомъ, она прибыла только 1-го января 1814 года.

Князь Шварценбергъ чувствовалъ себя въ эти дни крайне неловко и тяжело. Удручаемый тяжелыми политическими заботами, князь волновался въ тоже время самыми неосновательными военными опасеніями. Ему доносили, что въ Страсбургѣ собираются значительныя французскія военныя силы и что туда ожидаютъ прибытія самого Наполеона. На основаніи этихъ совершенно ложныхъ извѣстій, главнокомандующій началъ трепетать за свой правый флангъ и опасаться, чтобы Наполеонъ, переправившись черезъ Рейнъ у Страсбурга, не отрѣзалъ ему сообщеній съ южною Германіею. Желая предупредить эту воображаемую опасность, Шварценбергъ составилъ диспозицію движенія войскъ, поражающую на первый взглядъ своими странностями, почти что несообразностями. Союзная армія раздѣлена была на семь колоннъ и каждой изъ этихъ колоннъ предписано было направленіе. Первая колонна, подъ начальствомъ графа

фельдмаршалъ высказывалъ убѣжденіе, что вступленіе союзныхъ войскъ въ Швейцарію обрадуетъ всѣхъ тѣхъ швейцарцевъ, которые понимаютъ истинныя интересы страны, всѣхъ друзей старой швейцарской независимости старой швейцарской славы и стараго федеративнаго устройства Швейцаріи. Онъ ожидаетъ, что всѣ, безъ сомнѣнія, многочисленныя швейцарскіе истинные патриоты встрѣтятъ австрійскихъ воиновъ, какъ друзей въ увѣренности, что восстановление мудрой и справедливой политической системы въ Европѣ окажетъ въ будущемъ соответствующее вліяніе и на Швейцарію. Князь ожидаетъ недоброжелательства лишь отъ тѣхъ извращенныхъ и ослѣпленныхъ швейцарцевъ, которые готовы предпочесть чуждое иго благосостоянію своихъ согражданъ.

Бубны, состоявшая изъ дивизіи Бубны и отряда князя Лихтенштейна, должна была, переправившись черезъ Рейнъ у Базеля, двинуться черезъ Гауенштейнъ и Золотурнъ на Бернъ и швейцарскій Фрейбургъ и прибыть въ этотъ послѣдній городъ уже 25-го (13-го) декабря. Вторая колонна, составленная изъ дивизій Біанхи и Кренневиля, должна была, по переправѣ черезъ Рейнъ у Базеля, двинуться вправо отъ первой по Мюнстерской долинѣ, прикрывать ея правый флангъ со стороны Франціи и достигнуть Биля 12 декабря. Третья колонна, подъ начальствомъ Коллоредо, переправившись черезъ Рейнъ у Лауфенбурга, лѣвѣе первой колонны, должна была двинуться вверхъ по долинѣ Аары и прибыть 12 декабря въ Аарвангенъ. Четвертая колонна, подъ начальствомъ Піулая, переправившись черезъ Рейнъ также у Лауфенбурга, должна была повернуть направо, достигнуть у Листаля дороги, по которой двигалась первая колонна, слѣдовать за нею до Золотурна, а затѣмъ повернуть налѣво и достигнуть Аарберга 14-го декабря. Пятая колонна, подъ начальствомъ наслѣднаго принца Гомбургскаго, должна была составить крайній лѣвый флангъ всей арміи. Перейдя черезъ Рейнъ у Шафгаузена, она имѣла направиться на Ленцбургъ на Ааръ, а оттуда на Аарбургъ и Бернъ, куда она должна была прибыть 29-го (17-го) декабря. Шестая колонна, подъ предводительствомъ Вреде, должна была перейти черезъ Рейнъ у Базеля и взять на себя охрану праваго фланга и тыла арміи, вступившей въ Швейцарію. Съ этой цѣлью Вреде долженъ былъ завладѣть горнымъ фортомъ, Ландскрономъ, обложить Гюингенъ и выдвинуть одну изъ своихъ дивизій къ Бельфору. Седьмая колонна, состоявшая изъ Вюртембергскихъ войскъ, подъ начальствомъ своего кронъ-принца, должна была направляться черезъ Лёррахъ и Базель по пути первой колонны. Войскамъ Витгенштейна было предписано обложить Кель и наблюдать Страсбургъ. Наконецъ русско-прусской гвардіи, подъ командою Барклая, велѣно было выступить изъ своихъ квартиръ въ окрестностяхъ Дурлаха 10 декабря и, достигнувъ Лёрраха, ожидать здѣсь дальнѣйшихъ приказаній.

Независимо отъ диспозиціи ¹⁾, князь Шварценбергъ разослалъ еще начальникамъ колоннъ особыя объясненія, бросающія нѣкоторый свѣтъ на планы и опасенія главнокомандующаго. Особенно интересны въ этомъ отношеніи инструкции, данныя Вреде, Витгенштейну, кронъ-принцу Виртембергскому и Барклаю. Во всѣхъ ихъ проглядываетъ одна и та-же мысль. Шварценбергъ страшно боится наступательнаго движенія Наполеона изъ Эльзаса; для предупрежденія этой воображаемой опасности онъ употребляетъ дѣлую половину своей арміи. Положеніе по-истинѣ трагикомическое! Во всемъ Эльзасѣ находилось въ это время не болѣе 10,000 французскихъ войскъ, а Наполеонъ, занятый приготовленіями къ защитѣ Франціи, находился въ Парижѣ, не собирався выѣзжать въ скоромъ времени изъ своей столицы и не помышлялъ ни о какомъ вторженіи въ Германію.

Диспозиція Шварценберга опредѣлялась, впрочемъ, не одними военными, но и политическими соображеніями. Странное скрещиваніе и путаница колоннъ на лѣвомъ крылѣ объясняется ни чѣмъ инымъ, какъ желаніемъ оставить въ сторонѣ Цюрихъ, резиденцію швейцарскаго союзаго совѣта и сосредоточить войска у Берна, гдѣ засѣдали друзья и сторонники австрійской интриги. Къ чести Шварценберга слѣдуетъ замѣтить, что онъ дѣйствовалъ, въ видахъ интриги Меттерниха, крайне неохотно, скрѣпя сердце ²⁾. Не одна

¹⁾ О диспозиціяхъ и инструкціяхъ Шварценберга см. Бернгарди, Т. IV, стр. 88--92.

²⁾ Лучшимъ доказательствомъ этому могутъ служить собственноручныя письма Шварценберга къ Меттерниху. Приведемъ изъ нихъ два отрывка: „L'affaire de la Suisse a grand besoin de votre attention toute particulière. Vous recevrez ci-joint une piece que je m'empresse de vous communiquer et qui prouve que pour empêcher de grands inconvenients, il faut travailler les esprits d'une manière bien délicate. Il me semble que tous les cantons sentiront également la nécessité urgente d'établir une constitution différente de celle qui les attache à la France, mais le joug bernois ne sera supporté que lorsqu'il sera soutenu par la force des baionnetes. La grande question à résoudre, c'est de faire entendre raison aux Bernois, car il paraît que, si les nouveaux cantons ne sont pas rayés et effacés, ils épousseront volotiers la cause des allies; l'attachement à la France ne tient qu'à l'idée que ce n'est qu'auprès de cette puissance qu'ils

перспектива страшной борьбы съ Наполеономъ, но и вмѣшательство въ швейцарскія дѣла лежало тяжело на его душѣ. „И такъ началось“, писалъ онъ въ эти дни своей сургутѣ. „Швейцарія, Франція давятъ меня своею тяжестью. Да поможетъ мнѣ небо! Я чуждъ всякаго тщеславія; я не жажду славы; добиться мира,—вотъ мое высочайшее желаніе. И гдѣ, и когда будетъ конецъ всему этому? Я не знаю. Франція такъ богата средствами и нигдѣ не умѣютъ такъ хорошо выжимать все до послѣдней капли, какъ въ этой странѣ. Тяжелая работа предстоитъ мнѣ, моя маленькая слава поставлена на карту. Если счастье не будетъ покровительствовать мнѣ, то общественное мнѣніе уронитъ меня ниже, нежели оно подняло меня до сихъ поръ.—Мнѣ предстоитъ самая гигантская задача. Если меня будутъ поддерживать, то миръ можетъ и долженъ быть достигнутъ. Если же сѣверная армія, Веллингтонъ и Итальянская армія не будутъ сопровождать мои шаги, то я могу пасть низко, но я съумѣю снести это, ибо моя совѣсть оправдываетъ меня“¹⁾.

И другія письма фельдмаршала изъ этой эпохи полны самыми мрачными опасеніями. Ему кажется, что надъ его головою виситъ мечъ Дамокла; онъ дрожитъ передъ несуществующими силами непріятели, онъ приписываетъ Наполеону самые невѣроятные и невозможные планы. Никогда еще полководецъ, стоявшій во главѣ такихъ подавляющихъ силъ, имѣвшій передъ собою такого слабого противника, не обна-

peuvent trouver un appui“. Письмо изъ Лѣрраха отъ 28 декабря 1813 года. „Nos troupes ont été parfaitement reçues dans le pays de Vaud, mais la déclaration bernoise a faila plus mauvaise sensation. Bubna est convaincu, que du moment où l'on y saura queles alliés desavouent la de marche du canton de Bern, les esprits seront entièrement tranquillises en notre faveur, tandis que la guerre civile, serait inevitable, au moment même ou les troupes sortiraient de la Suisse, dans le cas ou on voudraiss soutenir la question“. Письма эти, напечатанныя въ самое недавнее время, доказываютъ до очевидности, что князь Шварценбергъ не одобрялъ безчестной и близорукой политики Меттерниха. См. известный сборникъ документовъ: Oesterreichs Theilnahme an den Befreiungskriegen et...

Вѣна 1887 года, стр. 783 и 784.

¹⁾ Изъ писемъ кн. Шварценберга къ его женѣ, изъ Воспоминаній Тилена, стр. 164—170.

руживалъ столько нерѣшительности, не смотрѣлъ на свою задачу такъ безнадежно, какъ Шварценбергъ наканунѣ своего вступленія во Францію. Понятно, что такое настроеніе главнокомандующаго не могло отразиться благопріятнымъ образомъ на дѣйствіяхъ арміи. Моментъ, тормозившій союзниковъ въ теченіи всей кампаніи 1814 года, ставившій на пути ихъ самыя непреодолимыя преграды, обрисовывается передъ нами ясно въ самомъ началѣ похода. Не отчаянныя усилія Наполеона, а настроеніе союзнаго главнокомандующаго и коварная политика его двора продлили еще на нѣсколько мѣсяцевъ борьбу и едва не погубили въ концѣ правое дѣло.

Между тѣмъ наступила минута полного разоблаченія интригъ Меттерпиха. Императоръ Александръ провель по выѣздѣ изъ Франкфурта нѣсколько дней въ Карлсруэ. Окруженный здѣсь своими родными и вѣрными приверженцами, онъ отдохнулъ отъ франкфуртской суеты и собрался съ силами для новыхъ тяжкихъ трудовъ и испытаній ¹⁾. Штейнъ, бывшій при императорѣ, свидѣтельствуетъ, что Александръ вполне наслаждался счастьемъ, доставляемымъ ему тѣснымъ фамилнымъ кружкомъ. Онъ производилъ чарующее впечатлѣніе не только своимъ обращеніемъ, но и всею своею личностію. Высокое спокойствіе, внутреннее удовлетвореніе,—эти прямыя послѣдствія глубокаго и чистаго религіознаго настроенія,—свѣтились въ его прекрасномъ лицѣ, во всей его одухотворенной личности. Необычайная, благородная простота выражалась во всѣхъ его словахъ и движеніяхъ. Онъ относился съ глубокою сыновнею почтительностію къ тещѣ своей, маркграфинѣ, онъ былъ сердеченъ и любезенъ со всѣми родными, внимателенъ и предупредителенъ къ своимъ подчиненнымъ. „Нельзя было смотрѣть на него, иначе, какъ съ высокимъ удовольствіемъ“, замѣчаетъ Штейнъ.

Австрійскіе происки не замедлили, однакоже, помрачить это удовольствіе и нарушить душевный миръ Александра.

¹⁾ О пребываніи Александра въ Карлсруэ см. Перцъ, Stein's Leben, Т. III, стр. 487 и Шишковъ, Записки, Т. I, стр. 249.

Уже въ Карлсруэ сдѣлались извѣстными интриги Меттерниха въ Саксоніи, а по прибытіи императора Александра въ Фрейбургъ 10 декабря получены были официальные доносенія отъ князя Репнина, саксонскаго генераль-губернатора, что австрійскіе офицеры, подосланные Лангенау, вѣдять по странѣ, дѣятельно интригуютъ противъ Россіи и Пруссіи и составляютъ партію для защиты Саксонской самостоятельности. Штейнъ былъ внѣ себя отъ гнѣва, онъ совѣтовалъ императору призвать къ отвѣту Меттерниха и пригрозить ему немедленнымъ арестомъ австрійскихъ агентовъ. Александръ, глубоко возмущенный подпольными дѣйствіями австрійцевъ, послѣдовалъ этому совѣту и потребовалъ категорическихъ объясненій отъ Меттерниха. Канцлеръ съ своею ему наглостію отвѣчалъ, что ему ничего не извѣстно объ этомъ дѣлѣ, что онъ порицаетъ происки агентовъ и пріиметъ мѣры для ихъ пресѣченія ¹⁾. Императоръ удовлетворился на первый разъ этимъ заявленіемъ, но послѣдовавшія вслѣдъ за тѣмъ разоблаченія образа дѣйствій австрійцевъ въ Швейцаріи возстановили его окончательно противъ Меттерниха.

Едва только Александръ прибылъ въ Фрейбургъ, какъ ему стало извѣстно, что Каподистрія подписалъ вмѣстѣ съ Лебцельтерномъ извѣстную уже намъ Бернскую декларацію. Самъ Каподистрія, поспѣшившій въ Фрейбургъ на встрѣчу государю, увѣдомилъ его объ этомъ обстоятельстве. „Надѣюсь, что вы не подписали австрійской деклараціи?“ такими словами встрѣтилъ государь графа, входившаго въ его кабинетъ. -- „Напротивъ того“, отвѣчалъ Каподистрія, „я подписалъ ее и явился къ вамъ, чтобы довести до вашего свѣдѣнія, какія выгоды для Швейцаріи и для общаго дѣла могутъ произойти отъ этого неожиданнаго случая“. — „Я не думалъ, чтобы вы начали свои дѣйствія“, возразилъ государь, „совершеннымъ уклоненіемъ отъ данныхъ мною инструкцій“. — „Благоволите меня выслушать, а потомъ судите“, отвѣчалъ Каподистрія. — „Если-бы я не подписалъ деклараціи, то швей-

¹⁾ Объ интригахъ въ Саксоніи см. Перцъ, Stein's Leben. Т. III стр. 495

царцы, замѣтивъ разногласіе между союзниками и опасаясь послѣдствій бернскаго переворота, быть можетъ, обратились бы къ помощи Наполеона. Въ настоящихъ-же обстоятельствахъ, ваше величество можете потребовать отъ вѣнскаго кабинета отреченія отъ всего сдѣланнаго графомъ Зенфтомъ; въ случаѣ-же несогласія на то, вы не утвердите подписанной мною деклараціи. Австрія не можетъ признать своего тайнаго агента и потому принуждена будетъ соображаться съ планомъ дѣйствій, условленнымъ въ Франкфуртѣ. Къ тому-же австрійскія войска вступили уже въ Швейцарію, и все, что мы можемъ сдѣлать, состоитъ въ охраненіи девятнадцати кантоновъ отъ междуусобной войны, и европейскихъ армій отъ всѣхъ опасностей, которыя были-бы ея послѣдствіями“¹⁾.

Александръ, выслушавъ объясненія Каподистри, послѣдовалъ его совѣту. Онъ объявилъ оффиціально, что онъ порицаетъ декларацію и не одобряетъ подпись своего уполномоченнаго. Онъ потребовалъ, чтобы и австрійское правительство не одобрило дѣйствій Лебцельтерна. Этого мало. Императоръ заявилъ, что онъ не намѣренъ принимать съ своей стороны никакого участія въ нарушеніи швейцарскаго нейтралитета и что русско-прусскія войска не послѣдуютъ за швейцарцами въ глубину Швейцаріи. Императоръ сдержалъ свое слово. Русскіе и пруссаки, а равно и германскія войска прошли всего одну милю по швейцарской территоріи и вступили вслѣдъ за тѣмъ во Францію. Эта первая мѣра Александра не особенно смутила Меттерниха и не остановила его на разѣ намѣченномъ пути. Канцлеръ былъ, правда, недоволенъ, что русскій государь рѣшительно сталъ на сторону новыхъ кантоновъ и взялъ ихъ подъ свое покровительство, но съ другой стороны, ему было вполнѣ на руку, что въ Швейцарію вступили лишь одни австрійскія войска, и что задуманная реставрація могла быть произведена при ихъ помощи, безъ всякой помѣхи.

Графъ Зенфтъ и бернскіе патриціи не дремали; они спѣшили ковать желѣзо пока оно было горячо. Едва только

¹⁾ См. Богдановичъ, исторія царствованія Александра I, т. IV, стр. 347—348.

первыя австрійскія войска подъ начальствомъ графа Бубны вступили въ Бернъ, какъ большой и малый совѣтъ Бернскаго кантона, подстрекаемые австрійскимъ агентомъ, объявили, что актъ о посредничествѣ отмѣняется, что они отрекаются отъ своей незаконной власти и передаютъ власть въ руки законнаго правительства, т. е. большаго и малаго совѣта города Берна. Возстановленный, такимъ образомъ, патриціанскій совѣтъ приступилъ къ дѣлу, не теряя ни минуты времени. Немедленно повелѣлъ онъ своимъ подданнымъ встрѣчать австрійцевъ какъ друзей, причемъ подъ подданными онъ разумѣлъ не только жителей Бернскаго кантона, но и население Ааргау и Ваадта. Всѣмъ властямъ въ этихъ двухъ кантонахъ было предписано адресовать всѣ донесенія въ Бернъ „своимъ милостивымъ господамъ“, этимъ-же господамъ должны были доставить они и всѣ общественныя кассы, находившіяся подъ ихъ охраною.

Распоряженія „милостивыхъ господъ“ встрѣтили, однако же, рѣшительный отпоръ въ новыхъ кантонахъ. Кантональныя власти не думали посылать донесеній и денегъ въ Бернъ и бернскіе патриціи тщетно ожидали, что австрійцы принудятъ ихъ къ этому силою. Графъ Бубна имѣлъ, правда, секретное порученіе возстановить мимоходомъ старыя порядки въ Ваадтѣ, но прибывъ на мѣсто, графъ не замедлилъ убѣдиться въ крайне враждебномъ настроеніи населенія противъ бернскихъ господъ, а потому и счелъ неудобнымъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла кантона ¹⁾. Поспѣшно двинулся онъ далѣе на Жепеву, при чемъ строго предписалъ своимъ войскамъ избѣгать всякихъ столкновеній съ жителями.

Извѣстія о продѣлкахъ графа Зенфта и бернскихъ мужиковъ не замедлили достигнуть до Фрейбурга. Императоръ Александръ, взволнованный до глубины души, категорически объявилъ Меттерниху, что тайный австрійскій агентъ долженъ быть немедленно отозванъ изъ Швейцаріи и всѣ перемѣны, произведенныя въ Бернѣ, объявлены незаконными

¹⁾ См. приведенное выше, на стр. 68 письмо князя Шварценберга.

и недѣйствительными. Меттернихъ принужденъ былъ покориться. Съ обычною своею лживостью онъ свалилъ всю вину на Зенфта, объявилъ, что онъ преступилъ свое полномочіе и далъ предписаніе своему агенту выѣхать изъ Швейцаріи. Саксонскій графъ убрался въ тихомолку, и Меттернихъ долженъ былъ оффиціально заявить всѣмъ швейцарскимъ кантональнымъ правительствамъ, что союзные государи желаютъ лишь полнаго возстановленія независимости Швейцаріи и ея старыхъ границъ, но что они предоставляютъ самимъ швейцарцамъ уладить свои внутреннія дѣла.

Императоръ Александръ вовсе не намѣренъ былъ, однакоже, довольствоваться этими уступками. Онъ потребовалъ безусловно, чтобы бернскій городской совѣтъ возвратилъ захваченную имъ власть большому и малому совѣту кантона и чтобы порядокъ, установленный въ Швейцаріи актомъ о посредничествѣ, былъ возстановленъ повсемѣстно. Австрійскій кабинетъ принужденъ былъ преклониться и передъ этимъ требованіемъ. Благодаря великодушной инициативѣ русскаго государя, Швейцарія была спасена отъ возстановленія тиранскихъ и отжившихъ свой вѣкъ порядковъ прежней эпохи ¹⁾.

Меттернихъ потерпѣлъ полное и постыдное пораженіе. Всѣ его хитросплетенія и интриги разсѣялись какъ дымъ передъ прямымъ и могучимъ словомъ русскаго государя. Александръ понялъ теперь окончательно коварнаго и вѣроломнаго канцлера, онъ понялъ, что въ его интригахъ скрывается теперь самая страшная опасность для великаго дѣла. Государь рѣшился держать себя постоянно на сторожѣ противъ этого внутренняго врага и не довѣрять ничему, что исходило отъ него прямымъ, или косвеннымъ образомъ.

Съ своей стороны Меттернихъ и австрійцы вообще ничего не желали теперь такъ сильно, ни къ чему не стреми-

¹⁾ Волненія въ Швейцаріи продолжались впрочемъ и по выходѣ австрійскихъ войскъ изъ страны; впослѣдствіи они повели къ отжианію конституціи и къ страшной враждѣ между кантонами. Таковы были послѣдствія благотельной политики Меттерниха.

лись такъ настойчиво, какъ къ возможно скорѣйшему прекращенію войны и къ сохраненію Наполеона на французскомъ престолѣ. Въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ усматривали они единственное спасеніе Европы отъ тяжелаго преобладанія Россіи. Велика была поэтому радость австрійскаго канцлера, когда 7 января (26 декабря ст. ст.) получено было совершенно неожиданно письмо отъ Колинкура изъ Люневилля. Французскій министръ увѣдомлялъ въ немъ, что императоръ Наполеонъ, желая дать союзникамъ доказательство, какъ искренно стремится онъ къ восстановленію всеобщаго мира, посылаетъ его, Колинкура, съ необходимыми полномочіями къ союзнымъ монархамъ. Онъ, Колинкуръ, находится въ настоящую минуту на французскихъ форпостахъ и проситъ, чтобы ему были доставлены немедленно паспорты и проводники для свободнаго прослѣдованія въ главную квартиру государей.

Меттернихъ, обладавшій при всѣхъ своихъ иныхъ, некрасивыхъ качествахъ, громадною долею легкомыслія, былъ въ восторгѣ отъ этого неожиданнаго инцидента. Онъ вообразилъ, что письмо Колинкура открываетъ ему путь къ серьезнымъ мирнымъ переговорамъ и даетъ ему въ то же время возможность удержать императора Александра отъ слѣдованія за арміею. Особенно эта послѣдняя возможность радовала канцлера. Онъ полагалъ не безъ основанія, что отсутствіе русскаго государя дастъ Шварценбергу возможность вести войну по своему т. е. систематически избѣгать всякихъ рѣшительныхъ дѣйствій и всякаго столкновенія съ непріятелемъ. Съ обычною своею наглою развязностью, какъ бы забывая все только что случившееся, Меттернихъ началъ разъяснять Александру, что трудно отыскать болѣе удобное мѣсто для мирнаго конгресса какъ Фрейбургъ въ Брейсгау, и предложилъ въ концѣ концовъ, чтобы государи и дипломаты остановились здѣсь въ ожиданіи прибытія Колинкура и открытія мирныхъ переговоровъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, канцлеръ получилъ подобающій отвѣтъ. Возмущенный наглою назойливостью Меттерниха, Александръ отбросилъ на этотъ разъ въ сторону столь

свойственныя ему мягкость и деликатность, и отвѣчалъ канцлеру такими словами: „Я далекъ отъ признанія тѣхъ выгодъ, которыя вы находите въ Фрейбургѣ. Чѣмъ болѣе сократимъ мы путь французскому уполномоченному, тѣмъ въ лучшее положеніе, кажется мнѣ, станемъ мы. Заставить Францію подписать миръ по сю или по ту сторону Рейна, въ самомъ сердцѣ Франціи, далеко не безразлично для союзныхъ государей. Такое историческое обстоятельство заслуживаетъ труда переѣхать съ одного мѣста на другое“ ¹⁾. Государь не ограничился на этотъ разъ одними словами; на дѣлѣ спѣшилъ онъ доказать австрійцамъ свою непреклонную рѣшимость. Вечеромъ, того-же 7 января онъ выѣхалъ изъ Фрейбурга въ Лёррахъ. Уже 13 января, въ день русскаго новаго года, онъ переправился черезъ Рейнъ въ Базель во главѣ своей гвардіи.

В. Надлеръ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Подлинныя слова императора Александра: *Je suis loin de reconnaitre les avantages que vous trouvez à ce Fribourg. Plus nous épargnons de chemin au negociateur français, plus il me semble que nous nous plaçons bien. Avoir fait signer la paix à la France de ce côté du Rhin ou bien de l'ouetre, au coeur de la France même, ne me paraît nullement indifférent pour les souverains alliés, et une circonstance historique pareille vaut bien la peine de se déplacer.*

РУССКАЯ И НѢМЕЦКАЯ ШКОЛА.

„Школьный вопросъ!“... Какую необъятную область исследований, споровъ, заботъ, мѣръ и проектовъ, смѣтъ и циркуляровъ, разъясненій и предписаній представляетъ собою этотъ „злосчастный“ „вопросъ“, этотъ запутавнѣйшій „Гордіевъ узелъ“ нашего вѣка! Какую даетъ онъ богатую, неисчерпаемую тему и педагогамъ—теоретикамъ и педагогамъ—практикамъ, и кабинетному ученому, и журнальному публицисту! Сколько онъ вызвалъ уже къ существованію ученыхъ и самихъ, повидимому, компетентныхъ комиссій и комитетовъ, педагогическихъ совѣтовъ и училищныхъ дирекцій! Сколько потрачено на его рѣшеніе денегъ, силъ, здоровья... И что-же достигнуто всѣми этими жертвами, всѣми этими напряженными усиліями?—Почти ничего, или-же только очень немногое! „Школьный вопросъ“ все еще остается вопросомъ. И трудно указать въ общественной жизни еще что-либо, что могло-бы такъ волновать общество, какъ школа. Въ рѣшеніи „школьнаго вопроса“ заинтересованъ каждый; каждый считаетъ школьное дѣло своимъ дѣломъ, близкимъ ему. Постановкою школьнаго дѣла не можетъ не интересоваться семья, потому что тамъ воспитываются ея члены-дѣти; къ школѣ не можетъ безразлично относиться Церковь, потому что въ школѣ воспитываются *христіанскія* дѣти, члены ея; школою не можетъ не интересоваться, не можетъ считать школьнаго дѣла чужимъ для себя обще-

ство, государство, потому что школа воспитываетъ не только малолѣтнихъ членовъ какъ общества, такъ и государства, но будущихъ общественныхъ и государственныхъ дѣятелей. Вотъ почему къ школѣ предъявляются требованія со всѣхъ сторонъ; частныя лица соединяютъ съ нею свои лучшія надежды, вручая ей своихъ дѣтей и ихъ будущность; государство и Церковь вступаютъ въ соревнованіе о томъ, кому изъ нихъ долженъ принадлежать высшій надзоръ, главная опека надъ школьнымъ дѣломъ, потому что въ связъ съ постановкою школы ставится будущее положеніе какъ Церкви, такъ и государства. Знамя школы поднято высоко. Въ обществѣ все больше и больше начинаютъ господствовать положенія: „Чья школа, того и все будущее!“ „Чья школа, того и народъ!“ Наконецъ, положенія эти заканчиваются прусскимъ афоризмомъ: „Францію побѣдилъ народный учитель!“... Школа возводится на недостигаемый пьедесталь величія и всеобщаго вниманія.

Тѣмъ не менѣе здѣсь у мѣста отмѣтить весьма характеристическій фактъ: всѣ признаютъ за школою безусловно важное значеніе, всѣ возлагаютъ на нее свои завѣтныя желанія, всѣ хлопочутъ о ней, стараются дать ей надлежащую постановку, свойственное ей направленіе, и—въ тоже время никто не бываетъ доволенъ своею школою въ данный моментъ ея существованія. Всегда окажется необходимымъ ввести въ ней *нѣкоторыя* преобразованія, пересмотрѣть ея уставъ, дать ей *иное* направленіе, поставить ее на *иныхъ* началахъ и т. д. Въ каждый данный моментъ школа вызываетъ сѣтованія со стороны своихъ радѣтелей, признающихъ ее или всецѣло, или только отчасти недостигающею своей цѣли, своего прямого назначенія, однимъ словомъ—одностороннею. Даже новоопредѣленный учитель пикогда не бываетъ доволенъ работою своего предшественника; онъ *сразу* замѣчаетъ многіе недостатки, ясно усматриваетъ, что дѣло велось не *такъ*, какъ слѣдовало-бы, и приходитъ къ убѣжденію, что ему нужно начинать *сначала*, что дѣло должно быть поведено *иначе*, поставлено на *совершенно другихъ* основаніяхъ. Тоже самое нужно сказать и о каждомъ новомъ

начальникѣ того или другаго учебнаго заведенія. Исключенія бываютъ крайне рѣдки. Но отъ всѣхъ этихъ *улучшеній*, производимыхъ школьными новаторами, школа не всегда становится *лучшею*. Плохо уже то, что она постоянно переходитъ отъ одного направленія къ другому, съ однихъ основаній на *совершенно иныя*, и очень часто начинаетъ свое дѣло *сначала*.

Такое непостоянство школы, частое измѣненіе ея характера и направленія, отсутствіе твердыхъ устоевъ, главнымъ образомъ, паходится въ причинной связи съ тѣми философскими воззрѣніями, которыя господствовали въ данную эпоху, и которыя овладѣвали умами педагоговъ какъ—теоретиковъ, такъ и практиковъ. Но тяжелѣе всего отразилось на школѣ вліяніе сенсуалистическаго и грубаго матеріалистическаго воззрѣнія. Послѣднее пробралось въ школы во Франціи чрезъ Ж. Ж. Руссо, въ Германіи—чрезъ Базедова. Школу старались поставить такимъ образомъ, чтобы, отказавшись отъ всѣхъ идеальныхъ стремленій, и переставъ служить высшимъ цѣлямъ, она могла какъ можно больше давать непосредственно осязательной пользы, исключительно матеріальной выгоды; хотѣли навязать ей грубый, коммерческій характеръ: требовали отъ нея, чтобы она учила лишь тому, за чтѣ даютъ деньги, отъ чего можно разбогатѣть, и изъ чего можно извлекать побольше процентовъ; что въ мірѣ существуетъ духъ, что человѣкъ призванъ служить добру, истинѣ, прекрасному,—объ этомъ и слушать не хотѣли, какъ о пустыхъ идеалистическихъ химерахъ. Въ этомъ отношеніи нашъ вѣкъ напомнилъ собою тотъ вѣкъ римскаго язычества, когда въ „міровой имперіи“ царилъ извѣстный лозунгъ: „хлѣба и зрѣлищъ“—„panem et circenses!“

Но мы были-бы несправедливы и близоруки, еслибы неустойчивость и односторонность въ постановкѣ школьнаго дѣла хотѣли объяснить только зависимоію школы отъ господства тѣхъ или другихъ философскихъ мировоззрѣній. Есть еще и другая существенная причина этого нежелательнаго и вреднаго для школы явленія. Выше мы сказали, что школа осаждается требованіями со стороны семьи, го-

сударства и Церкви. Что къ школъ предъявляются подобныя требованія и предъявляются цѣлыми массами,—это еще не бѣда, это—явленіе не только естественное, по и необходимое. Школа ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть цѣлію сама для себя и не должна быть таковою, и никто не будетъ отдавать дѣтей въ школу для того, чтобы они въ ней только учились и ничему не выучивались. Школа и должна служить семьѣ, Церкви и государству. Но бѣда въ томъ, что требованія, предъявляемыя къ школъ со стороны семьи, Церкви и государства, какъ они первоначально выразились въ западно-европейскомъ обществѣ, а оттуда перешли и къ намъ, бываютъ иногда разнорѣчивы до такой степени, что взаимно исключаютъ другъ друга,—и школа не знаетъ, какимъ изъ нихъ отдать преимущество, чьими требованіями руководствоваться въ своей дѣятельности, и какимъ образомъ избѣжать односторонности, являющейся необходимымъ слѣдствіемъ предпочтенія однихъ требованій другимъ. Бѣда въ томъ, что въ наше время—особенно среди представителей западно-европейской мысли нерѣдко заправляющей и нашею жизнію,—господствуютъ самыя ложныя представленія о томъ, въ какихъ отношеніяхъ должны находиться между собою три главнѣйшія функціи общественной жизни—семья, Церковь и государство. На Западѣ какъ семья, такъ и церковь положительно принесены въ жертву государству; такъ называемое „новѣйшее государство“, въ лицѣ Франціи достигшее своего апогея, своего крайняго выраженія, уже сдѣлало все отъ него возможное, чтобы совершенно „освободить“ школу, т. е. устранить ее отъ вліянія церкви; на Западѣ Европы еще и до сихъ поръ существуетъ совершенно ложное представленіе,—что при совершенствѣ государства, которое—къ слову сказать—признаютъ тамъ только какимъ-то *правовымъ учрежденіемъ*, не обязаннымъ удовлетворять никакимъ требованіямъ высшихъ цѣлей,—церковь будто-бы не имѣетъ даже права заявлять о своемъ самостоятельномъ существованіи. Но гдѣ существуютъ такія неестественныя отношенія между семьею, Церковью и государствомъ, тамъ и школа не можетъ занять своего надлежащаго мѣста, не мо-

жетъ имѣть твердыхъ устоевъ. Она постоянно будетъ переходить изъ однѣхъ рукъ въ другія, всегда будетъ отличатся односторонностію, служа интересамъ государства, пренебрегая въ то же время требованіями семьи и Церкви,—и наоборотъ. Устраняя отъ школы вліяніе Церкви, государство можетъ предъявлять къ школѣ лишь эгоистическія требованія: ему прежде всего нужны хорошіе исправники, хорошіе становые пристава, офицеры, чиновники, юристы, однимъ словомъ—охранители и возстановители права,—затѣмъ врачи, архитекторы, коммерсанты; только подъ вліяніемъ Церкви современное государство можетъ расширить требованія дальше языческаго міра напр. въ учрежденіи больницъ, богадѣлень и въ другихъ проявленіяхъ любви къ ближнему, заповѣданной Евангеліемъ. Но не менѣе эгоистичною въ своихъ требованіяхъ къ школѣ является и семья. Эгоизмъ семьи требуетъ отъ школы только того, чтобы она сообщала своимъ питомцамъ лишь свѣдѣнія практически-необходимыя, содѣйствовала устройству ихъ будущей карьеры и жизненной обстановки; выдавала дипломы и аттестаты съ наибольшимъ количествомъ правъ и съ наименьшимъ кругомъ обязанностей. Спросите любого отца, зачѣмъ онъ отдаетъ въ школу своего сына?—и вы увидите, что имъ руководитъ самый грубый эгоизмъ. Онъ отказывается себѣ часто въ необходимомъ ради только того, чтобы сынъ его „окончилъ курсъ“ въ университетѣ или другомъ какомъ-либо учебномъ заведеніи и могъ „устроить свое будущее“, т. е. получилъ такое „тепленькое мѣстечко“, на которомъ-бы ему пришлось поменьше работать и побольше получать „оклада“. Этотъ-же эгоизмъ семьи заставляетъ отца и мать почти всегда критически относиться къ школѣ, въ которой „Богъ знаетъ чему и зачѣмъ учать“, „лицинимъ хламомъ забиваютъ головы дѣтей“ и т. д. Этотъ-же эгоизмъ семьи заставляетъ родителей осуждать школьныхъ паставниковъ, которые всегда бываютъ „слишкомъ требовательными“, „придирчивыми“, даже „несправедливыми“, сухими, „не знающими жизни педагогами“. Этотъ-же эгоизмъ семьи заставляетъ родителей, въ теченіи года почти не обращающихъ никакого

вниманія на школьныя занятія своихъ дѣтей, болѣть за нихъ душею предъ экзаменами, опасаясь *двоекъ* и *единицъ* съ ихъ неизбѣжными послѣдствіями въ видѣ передержекъ экзамена, и рисуя себѣ „мрачную перспективу“ оставленія сына на повторительный курсъ или „исключенія“. Лѣнтя-сына выключили изъ учебнаго заведенія. Отецъ—въ страшномъ горѣ. Но его мучить не то, что его сынъ выключенъ за *малоуспѣшность*, которая зависѣла исключительно отъ лѣноты его и небрежности самого отца, его мучить не то, что сынъ его глупъ и не хочетъ работать надъ самимъ собою,—пѣтъ, его мучить опять-таки лишь эгоизмъ семьи, усиленный простыми коммерческими соображеніями. „Сколько онъ уже мнѣ стѣдитъ! И что мнѣ дѣлать съ нимъ дальше?“ говоритъ обыкновенно отецъ, узнавшій объ исключеніи своего сына изъ учебнаго заведенія.

Въ русской школѣ матеріалистическое направленіе вѣка нашло для себя сильную опору именно со стороны эгоизма семьи. Въ этомъ отношеніи русская школа превзошла собою песомнѣнно школы всѣхъ западно-европейскихъ народовъ. Всѣ классы русскаго общества, всѣ виды русской школы проникнуты однимъ и тѣмъ-же духомъ эгоистическаго матеріализма. Крестьянинъ отдаетъ въ школу своего сына прежде всего потому, что „*окончаніе курса*“ въ народной школѣ даетъ *право* на льготу четвертаго разряда по отбыванію воинской повинности; „*сыну меньше и легче*“ прійдется служить въ военной службѣ—вотъ главный двигатель нашей *народной* школы. Другіе мотивы также носятъ на себѣ грубый отпечатокъ матеріалистическаго проявленія эгоизма семьи. Рѣдкій крестьянинъ не смотритъ на школу какъ на *средство* освобожденія отъ тяжелаго физическаго труда. Отдавая сына въ школу, одинъ крестьянинъ мечтаетъ о томъ, какъ его сынъ, по выходѣ изъ школы, броситъ тяжелый трудъ хлѣбопашца и будетъ писаремъ въ сельской расправѣ или волостномъ правленіи; другой питаетъ затаенную надежду, „на земскій счетъ“ отправить сына въ земскую учительскую семинарію, третій желалъ-бы воспользоваться тѣмъ-же „*счетомъ*“ для того, чтобы помѣстить дочь свою, окон-

чившую хорошо курсъ народной школы, въ земскую акушерскую клинику и т. д. Но въ основѣ всѣхъ этихъ желаній лежитъ стремленіе семьи—увидѣть крестьянина бариномъ, который хорошо живетъ и ничего не дѣлаетъ. Меньше проявляется это начало лишь у тѣхъ крестьянъ, которые посылаютъ дѣтей въ школу только для того, „чтобы они не баловались дома“.

О среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, конечно, и говорить нечего. На первыя въ русскомъ обществѣ привыкли смотрѣть только какъ на переходную ступень къ послѣднимъ, безъ всякаго самостоятельнаго значенія. На высшее-же учебное заведеніе мы смотримъ не какъ на „храмъ науки“ (каковой эпитетъ теперь употребляется уже или ради шутки, или только какъ риторическое украшеніе рѣчи), а только какъ на учрежденіе, раздающее разнаго рода блага жизни въ видѣ дипломовъ, правъ, привилегій и соединенныхъ съ ними „теплыхъ мѣстечекъ“, доставляющихъ прекрасное содержаніе, при незначительности труда. Съ такимъ взглядомъ на высше-учебныя заведенія родители отправляютъ въ нихъ своихъ дѣтей, съ такимъ-же взглядомъ переступаютъ порогъ этихъ заведеній и дѣти. Матеріалистическій эгоизмъ овладѣваетъ ими въ такой-же мѣрѣ, какъ и родителями. Въ гимназіяхъ, какъ и другихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ, мотивомъ къ занятіямъ является не стремленіе ученика наилучшимъ образомъ усвоить преподаваемыя науки, а желаніе—получить только наилучшую отмѣтку, поскорѣе окончить курсъ, поступить въ университетъ, пробыть тамъ четыре года и затѣмъ—проложить себѣ широкую дорогу... Если хорошей отмѣтки нельзя получить прямымъ путемъ, т. е. трудомъ, аккуратнымъ усвоеніемъ уроковъ, наши дѣти пріучаются еще въ школѣ достигать своихъ цѣлей небезупречными средствами: отвѣтами по подсказкамъ, списываніемъ чужихъ письменныхъ работъ и т. п. способами, дающими ученику возможность обмануть или—по школьному выраженію—„обойти“ учителя. Преподаватели въ своихъ школьныхъ занятіяхъ также находятся подъ всеподавляющимъ гнетомъ эгоизма семьи, погони за матеріальною вы-

годою, уроками. Если для кого, то прежде всего для нихъ наука положительно обращается въ ремесло.

Эгоизмъ семьи и матеріалистическое направленіе вѣка замѣтны и на чисто формальномъ только отношеніи преподавателей къ своему дѣлу. Чтобы не потерять уроковъ, преподаватели обыкновенно стараются быть всегда аккуратными и исполнительными, но къ сожалѣнію только со стороны формальныхъ требованій. Преподаватель боится опоздать на урокъ, въ классъ является всегда во фракѣ, къ концу каждой четверти съ математическою точностію выводитъ общіе баллы и многоразличныя процентныя отношенія успѣвающихъ и неуспѣвающихъ, съ точностію *проходитъ* (характеристическое слово!) программу своего предмета и т. п. Но эта точность, къ сожалѣнію, часто бываетъ только механическая и безжизненно-формальная! Впрочемъ, при настоящемъ положеніи школы дѣло иначе и не можетъ быть поставлено: учебные предметы и могутъ быть только *проходимы*, но едва-ли могутъ быть изучаемы. Обратите, читатель, свое вниманіе на постановку дѣла лишь въ послѣднихъ, такъ называемыхъ повторительныхъ классахъ нашихъ гимназій, въ которыхъ долженъ быть *повторенъ* весь гимназическій курсъ. Въ теченіи одного учебного года (т.-е. въ теченіи 130—150 учебныхъ дней) дѣти должны *пройти* по Закопу Божію— молитвы съ объясненіями и точнымъ переводомъ на русскій языкъ, исторію ветхаго завѣта, исторію новаго завѣта, объясненіе православнаго богослуженія, катихизисъ и исторію христіанской Церкви; по гражданской исторіи— древнюю, среднюю, новую и русскую исторію—болѣе 800 страницъ; по географіи, законченной еще въ 4-мъ классѣ,—физическую географію, Европу, Азію, Африку, Америку, Австралію и географію Россіи, математическія науки—арифметику, алгебру, геометрію и тригонометрію, физіку, космографію, всю естественную исторію, повторительный курсъ русской грамматики, теоріи словесности, исторіи русской литературы, логики, церковно-славянскаго языка, новыхъ языковъ... Можетъ-ли быть все это прочно усвоено дѣтьми въ *одинъ* годъ?— Нѣтъ, оно только *проходится*, да и то лишь потому что то-

го требуетъ программа. Здѣсь, впрочемъ, открывается поле, на которомъ эгоизмъ семьи и матеріалистическое направленіе вѣка вступаютъ въ борьбу между собою. За стѣнами школы все громче и громче начинается раздаваться ропотъ родителей на чрезмѣрное обремененіе дѣтей... Школа и семья скоро, повидимому, образуютъ два противоположныхъ и другъ другу враждебныхъ лагеря. Не подлежитъ сомнѣнію фактъ, что за время своего школьнаго образованія наши дѣти значительно разстраиваютъ свое физическое здоровье, становятся чахлыми, захудалыми, блѣдными, теряютъ дѣтскую свѣжесть и бодрость, кажутся какъ-бы даже старѣе своихъ лѣтъ. Причину этого явленія семья обыкновенно (и не напрасно) усматриваетъ въ школѣ, въ непосильномъ обремененіи дѣтей уроками и домашними работами. Школа старается отклонить отъ себя это тяжелое обвиненіе и взваливаетъ его на нездоровыя условія мѣстности (какъ будто-бы въ доброе старое время эти условія мѣстности были иными!), на переполненіе классовъ (болѣе 45 учениковъ; а въ старое время въ одномъ классѣ бывало и по 80-ти!), на недостаточность освѣщенія, дурное отопленіе и т. п., а главнымъ образомъ на самую-же семью. „Необходимо принимать во вниманіе,—отвѣчаетъ одинъ учитель на возраженіе семьи,—частыя просиживанія гимназистовъ до поздней ночи за кружкою пива и карточною игрою, обезьяническое подражаніе ихъ разгульной студенческой жизни, раннее и совершенно ненужное пошеніе очковъ изъ подражанія модѣ и т. п. Если-бы, заключаетъ онъ свой отвѣтъ, родители и въ особенности маменьки не баловали, да не изнѣживали своихъ сынковъ, то не было-бы и этихъ несправедливыхъ жалобъ на школу“. Трудно, конечно, разобрать это дѣло; тѣмъ не менѣе фактъ остается фактомъ—время школьнаго обученія въ нашихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ кладетъ тяжелый отпечатокъ на физическое состояніе учащейся молодежи.

Теперь намъ слѣдовало-бы сказать нѣсколько словъ о религіозно-нравственномъ состояніи нашихъ средне-учебныхъ заведеній. Реалистическое направленіе Запада, долгое время всѣми силами старавшагося „объ освобожденіи школы отъ

опеки церкви, будто-бы стѣснявшей правильный ходъ самостоятельнаго развитія человѣчества“, слишкомъ сильно и надолго завладѣло умами русскихъ людей, чтобы у насъ могла явиться искренняя забота о правильной постановкѣ въ школахъ религіозно-нравственнаго воспитанія. Слишкомъ долго мы увлекались идеями Руссо и его вѣка, вступившаго въ непримиримую борьбу съ католическою церковію и вклерикализмомъ. При этомъ мы никакъ не можемъ понять того громаднаго различія между нашею и католическою церковію, которое образовало между ними непроходимую пропасть. Мы никакъ не можемъ понять, какимъ образомъ у насъ невозможна борьба съ клерикализмомъ, если на Западѣ она составляетъ одно изъ весьма крупныхъ явленій. Хотя не было вовсе для этой борьбы никакихъ основаній, но мы просто опасались, какъ-бы не уронить себя предъ нашими западными просвѣтителями, если не станемъ хотя въ нѣкоторую оппозицію къ Церкви, если оставимъ въ покоѣ наше духовенство. Мы забыли, что имело нашей Церкви мы обязаны первыми началами нашего просвѣщенія; въ „нашъ просвѣщенный вѣкъ“ намъ стало просто стыдно, что Европѣ, гордящейся именами такихъ лицъ, какъ Руссо, Базедовъ, Песталоцци, Дистервегъ и т. п., мы можемъ противопоставить единственно только стараго сельскаго дьячка, съ его часословомъ, съ его историческою указкою. Если даже тогдашнее наше министерство не рѣшалось ничего дѣлать для школы, не испросивъ предварительно совѣта у нѣмцевъ ¹⁾, то какъ-же частныя лица могли дѣйствовать иначе, т. е. не въ нѣмецкомъ, а въ русскомъ духѣ?.. А нѣмцы, несомнѣнно, народъ очень умный, хотя и всегда внутренно крайне враждебный намъ. Они ясно видятъ, какую неизблемую твердыню для нашей національной самостоятельности представляетъ папа православная Церковь, и имъ, конечно, ничего не оставалось, какъ посовѣтывать намъ „ос-

¹⁾ Такъ, въ Германіи былъ изданъ проектъ нашего устава народныхъ (земскихъ) школъ и педагогическихъ семинарій, переведенный и изданный въ свое время по распоряженію министерства подъ редакціей С. Танъева. Нѣмцы тогда очень одобряли этотъ проектъ, — и онъ былъ приведенъ въ исполненіе.

вободиться отъ вѣковыхъ узъ своей неподвижной, закаменѣвшей Церкви“. И мы послушались коварныхъ нѣмецкихъ совѣтовъ... Первымъ дѣломъ—мы удалили нашихъ архіереевъ отъ предсѣдательства въ губернскихъ училищныхъ совѣтахъ. Затѣмъ мы подняли крикъ на всю Россію противъ преподаванія Закона Божія священникамъ; намъ казалось, что это дѣло лучше-бы повели (а откровенно говоря, намъ хотѣлось, чтобъ его совсѣмъ никакъ не вели) педоучки изъ педагогическихъ семинарій и наши учительницы. Благодареніе Богу!— намъ въ этомъ отказали, хотя все-таки сдѣлали и уступку: 1) позволили преподавать Законъ Божій и не священникамъ, если они обучались въ духовныхъ семинаріяхъ и 2) намъ дали право—не давать жалованья духовенству за его труды по преподаванію Закона Божія въ народныхъ школахъ ¹⁾. Въ средне-учебныхъ заведеніяхъ было неудобно не ввести преподаванія Закона Божія, потому что у нѣмцевъ нѣтъ ни одной школы, въ которой бы не преподавали Закона Божія. За то въ этихъ заведеніяхъ постарались поставить Законъ Божій въ невозможныя для него условія. 1) Количество уроковъ крайне ограничено; 2) воспитанникамъ въ теченіи великаго поста не дано ни одной недѣли для выполненія важнѣйшей христіанской обязанности—очищать свою совѣсть покаяніемъ и дѣти привыкають къ той мысли, что требованія религіи, указываемыя законоучителями, не обязательны для выполненія въ жизни; говѣтъ ученики могутъ только въ свободное отъ классныхъ занятій время—Петровъ постъ и страстную седмицу, т. е. въ самое неудобное для нихъ время. Осуждать-ли послѣ этого тѣхъ благочестивыхъ родителей, которые, заставляя дѣтей говѣть вмѣстѣ съ собою въ одну изъ седмиць Великаго поста, училищному начальству объявляютъ ихъ больными? Наконецъ, 3) программы преподаванія Закона Божія составлены настолько небрежно, что трудно даже и требовать отъ школы правильной постановки

¹⁾ Въ Харьковскомъ уѣздѣ, напримѣръ, законоучители и теперь жалованья опредѣленнаго не получаютъ, хотя правда и получаютъ нѣкоторыя подачки отъ земства (отъ 15-ти до 50-ти рублей въ годъ) по личному каждый разъ усмотрѣнію земскихъ дѣателей...

этого предмета. Для примѣра возьмемъ прежде всего программу исторіи христіанской Церкви, т. е. одного изъ предметовъ, входящихъ въ составъ преподаванія Закона Божія въ нашихъ гимназіяхъ. При сравненіи ея даже съ учебникомъ Рудакова мы увидимъ ясно, какъ далека она отъ служенія религіозно-нравственнымъ цѣлямъ. Она требуетъ изложенія историческихъ фактовъ по преимуществу отрицательнаго характера—важнѣйшихъ *вопненій* на христіанъ со стороны іудеевъ и язычниковъ, изложенія *ересей* въ вѣкъ вселенскихъ соборовъ, *интригъ* папскаго абсолютизма, *отпаденія* церкви западной отъ союза съ восточной, политическихъ *интригъ*, вызвавшихъ *раздѣленіе* русской митрополіи, *противодѣйствія* *папизму*, *столкновенія* Филиппа съ Грознымъ, Никона съ Алексѣемъ Михайловичемъ, *ереси* *жидовствующихъ*, *раскола* *стригольниковъ* и *старообрядчества*. И это называется *Закономъ Божиимъ*... Грустно сказать, что почти вся положительная сторона исторіи христіанской Церкви, какъ она изложена въ учебникѣ Рудакова, вычеркнута изъ гимназической программы. Выкинута изъ первой части почти вся вторая глава: „Церковное ученіе“. Неужели ученіе Церкви стоитъ ниже ученія еретиковъ? Ученики, даже отлично ознакомившіеся съ личностями ересіарховъ—Арія, Македонія, Несторія, Евтихія и т. п., и получившіе наивысшую отмѣтку по исторіи христіанской Церкви, оканчиваютъ курсъ, не зная, какъ сложился канонъ книгъ Новаго Завѣта и никогда не слышавъ имени Варнавы, Ерма, Климента Римскаго, Діонисія Ареопагита, Игнатія Богоносца, Поликарпа Смирнскаго, Иустина мученика, Аѳинагора, Тертулліана, Оригена, Иринея, Кипріана, Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, Дамаскина и др. Неужели для христіанина знакомство съ Аріемъ важнѣе и нужнѣе знакомства съ Аѳанасіемъ Александрійскимъ? Для православныхъ воспитанниковъ оказалось излишнимъ знать то, какое вліяніе оказывало христіанство на языческое общество, нравы, обычаи, просвѣщеніе, чувство народнаго патриотизма и т. п. Вслѣдствіе этого программой вычеркнута изъ учебника Рудакова вся прекрасная глава о жизни древнихъ хри-

стіанъ ¹⁾. Судите теперь, читатель, какое представленіе о судьбахъ православной Церкви получить воспитанникъ нашихъ гимназій послѣ преподаванія по такой программѣ ея исторіи? Что остается въ его душѣ отраднаго, возвышающаго, облагораживающаго? Это-ли религіозно-нравственное воспитаніе и обученіе? Исторія русской Церкви излагается въ томъ же духѣ. О нравственномъ вліяніи Церкви на общество, о ея борьбѣ съ язычествомъ, о ея содѣйствіи народному просвѣщенію, однимъ словомъ о ея нравственно-возраждающей и просвѣтительной силѣ—въ программѣ—ни слова! То же самое нужно сказать и о программѣ другихъ учебныхъ предметовъ Закона Божія. Въ катихизисѣ оказалось *излишнимъ* ученіе Господа нашего Иисуса Христа о блаженствахъ! Неужели послѣдованіе этому ученію—одно изъ важнѣйшихъ средствъ къ пріобрѣтенію христіанской надежды—не нужно для христіанскихъ дѣтей нашего времени? Изъ объясненія православнаго богослуженія выкинуты всѣ христіанскія таинства и ихъ священнодѣйствія. А между тѣмъ самая цѣль преподаванія этого предмета, повидимому, состоитъ въ томъ, чтобы дѣти могли принимать сознательное участіе въ церковныхъ священнодѣйствіяхъ. Но для этого, конечно, недостаточно одного поверхностнаго ознакомленія съ священными одеждами да сосудами!...

Что касается учебниковъ по Закону Божію, то нѣсколькую популярностію пользуются не тѣ изъ нихъ, которые ближе стоятъ къ Библии, а тѣ, которые наиболѣе соотвѣтствуютъ духу и направленію общества. Въ этомъ отношеніи не мало грѣха на свою душу взялъ даже лучший изъ составителей школьныхъ учебниковъ—прот. Дмитрій Соколовъ. Нѣсколько примѣровъ. Въ Библии послѣ словъ творенія: „да будутъ свѣтила на тверди небесной“ (Быт. 1, 14) прямо сказано: „И создалъ Богъ два свѣтила великія... и звѣзды“ (ст. 16). У Соколова (изд. 18-е 1883 г., стр. 3)—изъ угожденія, ко-

¹⁾ Вотъ содержаніе этой главы: Вліяніе христіанской вѣры на общество. Образъ жизни древнихъ христіанъ. Монашество на востокѣ. Замѣчательнѣйшіе подвижники: св. Антоній Великій, св. Пахомій Великій, св. Макарій Египетскій, св. Сумеонъ Столпникъ. Монашество на Западѣ: св. Венедиктъ Нурсійскій.

нечно, *современной науки*—говорится объ этомъ *слишкомъ много*: „И на землѣ сталъ видѣнъ свѣтъ солнца, луны и звѣздъ“... Еще курьезнѣе у него разсказъ о потопѣ, наводненіе котораго—въ противоположность библейскому повѣствованію (Быт. гл. VII)—представляется ужь слишкомъ естественнымъ (точь въ точь, какъ у нѣмецкихъ раціоналистовъ): „Осенью пошелъ проливной дождь“ и т. д. (стр. 12). Желательно было бы знать, откуда достопочтеннѣйшій о. протоіерей православной Церкви взялъ эту *осень*?—Въ Библии объ этомъ ничего не сказано. Впрочемъ, о. Д. Соколова далеко превзошелъ его однофамилецъ, о. *Александръ* Соколовъ своею „Священною Исторіею“. Мы приведемъ изъ его книженки нѣсколько образчиковъ, которые ясно свидѣлствуютъ о томъ какъ о. А. Соколовъ понимаетъ требованія современной педагогика относительно ясности, живости, простоты и наглядности преподаванія. Вотъ отрывокъ изъ разсказа о столпотвореніи вавилонскомъ (стр. 33): „Однажды утромъ ѣшли каменщики и плотники на работу. Но никто не понималъ другъ друга, что ему надобно. Каменщикъ проситъ подать ему камень, ему даютъ воду; плотникъ проситъ топора, ему даютъ гвоздь. Если-бы вамъ пришлось играть съ чухонцами, нѣмцами и французами, неловко бы вышло: ты просишь мячикъ, онъ даетъ тебѣ палку; ты велишь ему стоять на одномъ мѣстѣ, а онъ бѣжитъ. Вотъ и строившіе башню изъ за того, что не понимали другъ друга, стали *ссориться* (?), *браниться* (?); дошло дѣло и до *драки*“ (Вонъ куда хватилъ!)... Изъ исторіи путешествія въ Іерусалимъ двѣнадцатилѣтняго Іисуса (стр. 36). „Іосифъ и Марія остановились ночевать... Смотрятъ, Отрока Іисуса нѣтъ!.. Дитя пропало. Что съ нимъ! Дитя могло захворать и лежать безъ всякой помощи, гдѣ-нибудь на дорогѣ, могло сбиться съ дороги и заблудиться! Дикій звѣрь могъ растерзать Его... Пресвятая Дѣва, не обращая вниманія на свою усталость, идетъ въ Іерусалимъ. За ней идетъ Іосифъ. Несчастливая Мать громко зоветъ: „Іисусъ, Іисусъ!“ Но никто не откликается на Ея зовъ.—Чу! гдѣ-то раздался голосъ,—„не нашъ-ли это милый Отрокъ? Нѣтъ! не Его голосъ!“ Это

пастухъ сгоняетъ своихъ овецъ.—Вотъ вдали стоитъ одинокое дерево: что-то чернѣется подъ нимъ. „Это вѣрно Іисусъ усталъ, легъ подъ дерево и уснулъ. Пойдемъ скорѣе!“ Подходятъ поближе. Бѣдная мать! Какъ ты обманулась. Это тѣнь отъ дерева... Куда-же дѣлся Іисусъ? Этотъ скромный Отрокъ не уйдетъ куда нибудь съ негодьями (!). не свяжется съ уличными мальчишками (!). А что, если Его убили? Продали какъ Іосифа? Что, если Онъ больной при смерти лежитъ въ какомъ-нибудь темномъ углу и ждетъ своей матери?“ и т. д. Теперь позвольте еще, читатель, познакомить васъ по школьному учебнику Соколова (стр. 92) съ причитаньемъ наинской вдовы у гроба сына: „Я думала: выростетъ мой милый сынъ, а я буду уже старушка, буду жить у него, онъ будетъ меня кормить и поить, онъ, добрый, будетъ меня беречь. И вдругъ ты померъ, мой дорогой сынъ. Куда я дѣнусь, когда состарѣюсь, когда не въ состоянїи буду работать,—придется жить въ чужихъ людяхъ, просить милостыню. Ахъ, я бѣдная, несчастная! Зачѣмъ ты покинулъ меня, умеръ, мой сынокъ?“ Хлопотливость евангельской Марѣы у Соколова (стр. 137) изображается такимъ образомъ: „Марѣа суетилась на кухнѣ, передвигала горшки, сковороды, варила, рубила, жарила; поминутно бѣгала въ кладовую, то понадобится мукъ, то масло, то что-нибудь другое. Совсѣмъ сбилась съ ногъ“.—Это-ли не пустая болтовня? Это-ли не профанація священныхъ сказанїй? Это-ли не грѣхъ противъ третьей заповѣди и здраваго разума? Но полюбуйте, читатель, еще и отдѣльными выраженїями этого злосчастнаго учебника: „Ну-да!—сказалъ Іосифъ (братьямъ,—пришедшимъ къ нему въ Египетъ) вы люди негодные... Зачѣмъ вы сдѣлали такую гадость?“.. „Чѣмъ богаче человѣкъ, тѣмъ болѣе люди стараются всячески *напакостить* ему“... „Соломонїа говорила сыну: не бойся этого *живодера*“ (Антїоха)... „Вдругъ подходитъ къ Іосифу госпожа и хочетъ обнять его“... „Давидъ пѣлъ не *веселенькія пѣсенки*, подъ которыя *хочется плясать*“ (не самому-ли достопочтеннѣйшему о. Александру?)... „Голїаѳъ *обручалъ* Давида и сказалъ: *поди-ка сюда, я покажу тебѣ, я сразу тебя убою. Давидъ, не задорясь, отвѣчалъ: „у*

тебя ника, а у меня дубинка"... Давидъ не зналъ, куда дѣваться, бросался то въ одинъ уголь, то въ другой". „Жители Назарета были народъ бѣдный, необразованный, что имъ ни говори, всему повѣрятъ"... „Что у васъ за суматоха? говоритъ Иисусъ Христосъ" и т. д. ¹⁾). Вотъ при помощи какихъ учебниковъ у насъ ведется дѣло религіознаго воспитанія и обученія.

О характерѣ и направленіи воспитанія въ нашихъ высше-учебныхъ заведеніяхъ мы много не будемъ говорить. Что положено въ основу въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, то находитъ для себя возможность систематическаго развитія и усовершенствованія въ заведеніяхъ высшаго разряда. Эгоистическія побужденія семьи, матеріалистическое направленіе общественной жизни здѣсь являются такими-же всесильными и почти исключительными факторами, какъ и въ низшихъ школахъ. Если-бы можно было заглянуть въ душу студента-медика, такъ меланхолически зѣвающего на лекціи нравственнаго богословія, то прежде всего, вѣроятно, мы нашли-бы въ немъ мечты о будущемъ, о предстоящей популярности въ медицинскомъ мірѣ, объ обширной врачебной практикѣ среди богачей и аристократовъ, о размѣрѣ платы за визитаціи больныхъ, о роскошной квартирѣ съ экзотическими растеніями самой рѣдкой породы, о сѣрыхъ рысакахъ, о кучерѣ „Ксенофонтѣ" или „Аристархѣ" и пр. и пр. У студента-юриста не столько въ головѣ мыслей о римскомъ правѣ, сколько о широкомъ полѣ русской адвокатуры съ ея живыми, реальными осуществленіями самыхъ высокихъ идеаловъ въ лицѣ Урусовыхъ, Плевако, Александровыхъ... Въ отдаленной перспективѣ въ самыхъ заманчивыхъ краскахъ и безпредѣльныхъ очертаніяхъ тянется рядъ блестящихъ процессовъ, гражданскихъ исковъ, судебныхъ взысканій, исполнительныхъ листовъ по неимовернымъ кушамъ; громы рукоплесканій и въ заключеніе—обильный гонораръ, за которымъ уже область адвокатуры

¹⁾ Сужденіе о характерѣ изложенія учебника А. Соколова можно читать подробнѣе у Ав. Соколова „Методика Закона Божія". 1881. стр. 89—94.

вполнѣ совпадаетъ съ областью врачебной практики: роскошная квартира, богатая обстановка, сѣрые рысаки и т. п. До послѣдняго, по крайней мѣрѣ, времени наши университеты даже, повидимому, вовсе не считали своею обязанностію обращать вниманіе на нравственно-религіозную сторону студенческой жизни, признавая студентовъ не столько *воспитанниками*, сколько полноправными гражданами. До послѣдняго времени университеты имѣли въ виду, по обще-принятому выраженію, одну *чистую науку*, т. е. сообщеніе одного *знанія*,—при чемъ университетское образованіе потеряло свой первоначальный, *общій* (*universalis*) характеръ, замкнувшись въ тѣсный курсъ узкихъ спеціальностей. Въ результатѣ получилось размноженіе профессорскихъ кафедръ, а вмѣстѣ съ ними, конечно, и солидныхъ окладовъ. Но и эта цѣль—сообщеніе знаній—была достигаема (до послѣдняго времени) развѣ только съ одной формальной стороны. Явился типъ профессора, который, составилъ въ первое время своей службы по нѣмецкимъ и французскимъ книгамъ курсъ своихъ лекцій, возлегаль съ благодушіемъ на лавры и преспокойно почиваль на нихъ въ теченіе всѣхъ двадцати пяти лѣтъ, принося пользу заведенію лишь своимъ умѣньемъ читать свою рукопись и прочитывая по ней студентамъ свои лекціи ежегодно отъ первой до послѣдней страницы. Пропади случайно эта рукопись, — и—увы!—г-нъ профессоръ—заслуженный онъ или не заслуженный, ординарный или экстро-ординарный—все равно,—оказался бы положительно несостоятельнымъ, ибо онъ уже давнымъ давно пересталъ слѣдить за своею наукою. Тѣмъ не менѣе такой профессоръ былъ вполнѣ доволенъ своимъ положеніемъ. Да отъ чего же ему и не быть довольнымъ? Жалованье онъ получалъ аккуратно каждое двадцатое число, чины шли своимъ порядкомъ, орденами его начальство также необходимо; а на студенческихъ вечерахъ его иногда студенты даже и на рукахъ покачивали.. Чего-же ему еще? Только одни развѣ выборы на *пятилѣтіе* производили волненіе въ его душѣ, но и то лишь тогда, когда въ профессорской корпораціи у него были *личные* недоброжелатели.. Впрочемъ,

успокоеніе найти было возможно даже и въ томъ случаѣ, если „прокачивали на воронныхъ“: ко времени выборовъ на различнаго рода пятилѣтня пенсіонъ—и пенсіонъ хорошій!—былъ уже выслуженъ.

Рядомъ съ такимъ типомъ профессора выработался и соответствующій типъ студента. До послѣдняго времени студенты высше-учебныхъ заведеній меньше всего вмѣняли себѣ въ обязанность серьезное занятіе науками. Ихъ вниманіе было направляемо на совершенно иные предметы. Важно было только поступить въ университетъ. А достигнуть этого сравнительно было не особенно трудно. Если молодой человѣкъ не имѣлъ аттестата зрѣлости, но имѣлъ достаточныя матеріальныя средства,—онъ нанималъ кого-либо и посылалъ его вмѣсто себя и подъ своимъ именемъ держать экзаменъ для полученія такого аттестата въ гимназію въ какомъ-либо уѣздномъ захолустномъ городишкѣ. Когда же все это было достигнуто и молодой человѣкъ былъ объявленъ принятымъ въ число студентовъ, онъ успокоивался и душою, и тѣломъ. Посѣщать аудиторіи онъ считалъ не только излишнимъ, но и совершенно бесполезнымъ. Подобно тому какъ у профессора и у студентовъ были записочки, переходившія отъ поколѣнія къ поколѣнію, и студенту было достаточно „проштудировать“ ихъ передъ экзаменами, чтобы перейти на слѣдующій курсъ. Писать сочиненія онъ также не имѣлъ охоты, считая это дѣломъ товарищей—честолюбцевъ, гонящихся за полученіемъ золотой медали. Вмѣсто такого рода студенческихъ занятій, онъ съ гораздо большимъ удовольствіемъ готовъ былъ хлопотать объ упорядоченіи „студенческихъ дѣлъ“, библіотекъ, читаленъ, сходокъ, объ устройствѣ вечеровъ въ пользу бѣдствующихъ студентовъ, бѣгалъ къ актерамъ и актрисамъ съ приглашеніемъ принять участіе „въ этомъ добромъ дѣлѣ“ и т. п. Иногда онъ совсѣмъ выѣзжалъ изъ своего университетскаго города, цѣлый годъ проживалъ у родныхъ или „на кондиціи“ и возвращался обратно только къ концу учебнаго года; къ своему собственному удивленію, онъ прекрасно выдерживалъ экзамены и переходилъ изъ одного курса на другой, пока не оставлялъ универси-

тета съ „ученою степенью“ кандидата юридическихъ, математическихъ, историко-филологическихъ и тому подобныхъ мудреныхъ наукъ.

Можно признать почти за аксіому, что школа и жизнь находятся между собою въ обратно-пропорціономъ отношеніи. И если жизнь оказала неотразимое вліяніе на постановку современной школы, то не осталась въ долгу въ свою очередь и школа: современная общественная жизнь своимъ характеромъ и направленіемъ во многомъ обязана именно школѣ. Эгоизмъ семьи сообщилъ нашей школѣ реалистическій, почти меркантильный характеръ; школа усилила въ жизни общества грубо-материалистическое направленіе и послужила главною причиною такихъ явленій, которыя въ корнѣй подтачиваютъ общественную жизнь и которыя чѣмъ скорѣе будутъ уничтожены, тѣмъ будетъ лучше и для общества, и для школы.

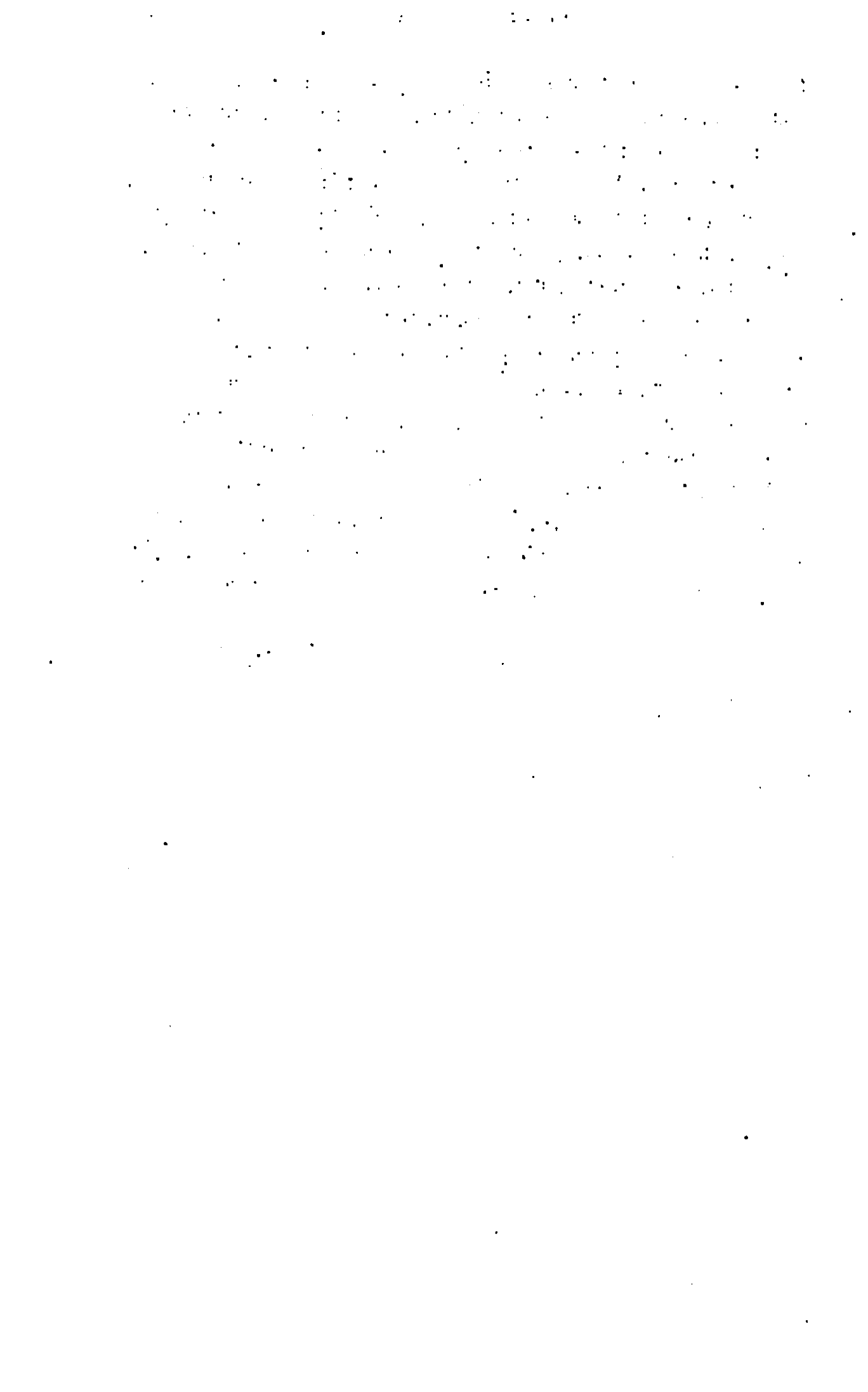
Привыкнувъ судить обо всемъ по статистическимъ даннымъ и процентнымъ отношеніямъ, русское общество долго гордилось тѣмъ громаднымъ количествомъ студентовъ, которые ежегодно выходили изъ нашихъ выше-учебныхъ заведеній съ блестящими дипломами, широкими правами и завидными привилегіями. При сравненіи съ западно-европейскими статистическими данными, оказывалось яснымъ, что мы не только не отставали отъ „просвѣщенной“ Европы, но иногда даже,—какъ на примѣръ, въ рѣшеніи женскаго вопроса, и опереживали ее. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ торжество русскаго общества было не слишкомъ продолжительно. Величественное, на первый взглядъ, зданіе русскаго школьнаго дѣла въ концѣ концовъ оказалось только призрачнымъ, которое тотъ-часъ-же исчезло, какъ только мы подошли къ нему поближе. Оказалось, что въ немъ не было ничего, чѣмъ-бы можно было любоваться. Оказалось, что изъ нашихъ школъ въ чрезмѣрномъ множествѣ выходили не ученые, а только съ учеными дипломами; оказалось, что наши школы, такъ громко кричація о наукѣ и практическихъ знаніяхъ, на самомъ дѣлѣ давали молодымъ людямъ не столько знаніе и научную подготовку,

сколько права и привилегіи, выпускали не столько людей образованныхъ, сколько надмѣнныхъ и заносчивыхъ съ единственнымъ стремленіемъ—хорошо пристроиться въ жизни по выходѣ изъ школы. И всѣ эти слабыя стороны нашей современной школы лучше всего обнаружила таже самая общественная жизнь, которая больше всего содѣйствовала ненормальной постановкѣ школьнаго дѣла. Она представила самыя несомнѣнныя доказательства, что наша школа совершенно не удовлетворяетъ своему назначенію. Въ самомъ дѣлѣ, даетъ-ли намъ школа вполне подготовленныхъ дѣятелей для жизни и не часто-ли приходится многоученнымъ учиться еще у людей малоучившихся въ школѣ?

Отрадно отмѣтить тотъ фактъ, что, насколько можно судить по обнародованнымъ распоряженіямъ, недостатки нашей школы, породившіе столь нежелательныя явленія въ жизни, уже обратили на себя серьезное вниманіе высшаго начальства.

Свящ. М. Буткевичъ.

(Продолженіе будетъ).

МЕТАФИЗИЧЕСКІЙ АНАЛИЗЪ РАЦІОНАЛЬНАГО ПОЗНАНІЯ.

(Окончаніе).

Въ предшествующемъ нашемъ изслѣдованіи о категоріяхъ мы подвергли критическому разсмотрѣнію двѣ противоположныя теоріи категорій: эмпирическую и идеалистическую, различивъ въ послѣдней два оттѣнка, принадлежащіе идеализму субъективному и объективному. Типическими представителями этихъ теорій мы избрали Локка для первой, Канта и Гегеля для послѣднихъ. Теперь намъ остается подвести итоги всего сказаннаго нами по поводу этихъ теорій и выяснить тѣ общіе, положительные результаты, къ которымъ приводитъ насъ критика указанныхъ одностороннихъ возрѣній. Изъ анализа ихъ можно видѣть, что въ ученіи о категоріяхъ насъ занимали главнымъ образомъ три вопроса: а) объ ихъ происхожденіи, б) значеніи и с) систематическомъ построеніи.

а) Вопросъ о первоначальномъ происхожденіи и дальнѣйшемъ образованіи категорическихъ понятій въ нашемъ разсудкѣ, повидимому, скорѣе долженъ-бы входить въ область психологіи, чѣмъ метафизики. Но тѣмъ не менѣе метафизика никогда не могла обойти его, потому что такое или иное рѣшеніе его имѣетъ существенное вліяніе на опредѣленіе гносеологическаго значенія категорій и отношенія ихъ къ реальному бытію. При томъ-же опытная психологія при своихъ наличныхъ сред-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1887 г. № 24.

ствахъ и не можетъ окончательно рѣшить этого вопроса, такъ какъ, по выраженію Канта, категоріи предшествуютъ всякому опыту и безъ ихъ невозможенъ самый опытъ; глубочайшіе корни категорическихъ понятій лежатъ за предѣлами эмпирическаго наблюденія и открыть ихъ можетъ только метафизическій анализъ.

Мы видѣли, что вопросъ о происхожденіи категорій не одинаково рѣшался эмпириками съ одной стороны, Декартомъ, Лейбницемъ, Кантомъ съ другой. Первые, согласно съ общими началами своей теоріи познанія, недопускаящими существованія въ нашемъ разумѣ никакого содержанія независимаго отъ опыта, почитали и категоріи понятіями, образовавшимися путемъ отвлеченія отъ данныхъ опыта. Послѣдніе признавали ихъ независимую отъ опыта, существенною принадлежностію самого разума. Въ борьбѣ между сенсуализмомъ и раціонализмомъ мы рѣшительно стали на сторону послѣдняго, признавъ категоріи, по терминологіи Декарта, врожденными; по терминологіи Канта—априорными понятіями нашего разсудка. Но затѣмъ возникаетъ дальнѣйшій вопросъ: какъ понимать эту врожденность? Такъ-ли, что категоріи существуютъ въ нашемъ разумѣ какъ готовыя, опредѣленные понятія, или въ немъ даны только нѣкоторые элементы для образованія этихъ понятій, въ дѣйствительности-же они возникаютъ только при воздѣйствіи на нашъ духъ предметовъ опыта,—и если вѣрно послѣднее, то является вопросъ: какимъ предметамъ и какого опыта принадлежитъ содѣйствующее участіе въ ихъ образованіи?

Декартъ, не давая опредѣленнаго отвѣта на вопросъ о первичной гносеологической формѣ своихъ врожденныхъ идей, въ составъ которыхъ входили и категоріи, позволялъ думать, что онъ понимаетъ эту врожденность въ смыслѣ существованія въ нашемъ разумѣ ясныхъ и опредѣленныхъ категорическихъ *понятій*. Противъ этой мысли главнымъ образомъ и была направлена вся полемика противъ врожденныхъ идей со стороны эмпириковъ,—и въ какой мѣрѣ они ограничивались одною критикою этой мысли они были правы. Категорическія понятія, какъ *понятія*, принадлежатъ къ числу самыхъ абстракт-

ныхъ понятій нашего разсудка и на нихъ слишкомъ замѣтна работа рефлектирующей философской мысли, чтобы они могли быть признаны первоначальнымъ и всеобщимъ достоинствомъ человѣческаго разума, врожденными понятіями въ точномъ смыслѣ. Но эмпиризмъ былъ не правъ въ томъ отношеніи, что отвергнувъ врожденность категорій въ смыслѣ декартовскомъ, онъ счелъ себя въ правѣ отвергнуть и существованіе какихъ-бы то ни было апріорныхъ элементовъ въ нашемъ познаніи. Въ этомъ заключалась двойная ошибка: во-первыхъ, изъ того, что опредѣленные и развитыя категорическія понятія не составляютъ первоначальнаго достоинства нашего разума, а образовались въ послѣдствіи, нисколько еще не слѣдуетъ, чтобы они образовались именно путемъ эмпирическимъ, по примѣру прочихъ, отвлеченныхъ отъ фактовъ опыта, понятій. Очень можетъ быть что они обязаны своимъ происхожденіемъ, если не исключительно, то главнымъ образомъ по крайней мѣрѣ, самостоятельной дѣятельности разума и составляютъ продуктъ раціональнаго раскрытія и опредѣленія первоначальныхъ, апріорныхъ элементовъ нашего познанія. Анализъ содержанія категорическихъ понятій показалъ намъ справедливость этого предположенія. Затѣмъ эмпиризмъ, въ увлеченіи борьбою противъ раціонализма, никогда не хотѣлъ надлежащимъ образомъ понять, что въ вопросѣ объ апріорномъ элементѣ нашего познанія дѣло идетъ не о тѣхъ болѣе или менѣе отчетливо сознаваемыхъ и опредѣленныхъ понятіяхъ, о причинѣ на примѣръ, субстанціи, тождествѣ и пр., какія встрѣчаются въ философскихъ сочиненіяхъ или въ общемъ научномъ словоупотребленіи, но о первоначальныхъ и присущихъ каждому мыслящему существу, на какой-бы то ни было степени умственнаго развитія, категорическихъ воззрѣніяхъ, условливающихъ всю познавательную дѣятельность человѣка,—словомъ, что раціонализмъ, выражаясь точнѣе, признаетъ врожденность не категорическихъ понятій, а категорій. Но при правильной постановкѣ вопроса о происхожденіи послѣднихъ, рѣшеніе его, какъ мы видѣли, должно быть несомнѣнно въ пользу раціонализма.

Но признавать апріорность основныхъ элементовъ нашего

раціональнаго познанія,—категорій, вовсе не значитъ утверждать совершенную независимость этого познанія отъ опыта; утверждать послѣднее,—значило-бы впасть въ противоположную эмпиризму крайность абсолютнаго идеализма, который (въ лицѣ Гегеля) думалъ вывести все содержаніе категорій изъ одного чистаго мышленія. Такую зависимость отъ опыта мы должны признать, какъ по отношенію къ первоначальному возникновенію категорій въ нашемъ разумѣ, такъ и по отношенію къ дальнѣйшему образованію изъ нихъ категорическихъ *понятій*. Что касается до категорій, то къ нимъ вполне можно примѣнить то, что замѣчено Кантомъ относительно апріорности формъ чувственнаго возрѣнія (пространства и времени); апріорность ихъ означаетъ лишь то, что *основаніе* къ категорическимъ опредѣленіямъ находится въ душѣ независимо отъ предметовъ опыта; но возникаютъ они въ нашемъ умѣ вмѣстѣ съ воздѣйствіемъ на насъ этихъ предметовъ, по поводу ихъ, хотя и не отъ нихъ. Хотя категоріи составляютъ существенную, апріорную принадлежность нашего разума, но вызываются къ дѣйствительному обнаруженію ихъ при помощи опыта. И это вполне понятно и естественно; человѣческое познаніе есть результатъ взаимодѣйствія двухъ факторовъ: познающаго и познаваемаго; самостоятельной, по извѣстнымъ законамъ совершающейся дѣятельности разума и воспринимаемыхъ душою объектовъ, на которые простирается эта дѣятельность. Отсутствие одного изъ этихъ факторовъ сдѣлало-бы невозможнымъ и самое познаніе. Еслибы возможно было представить такое состояніе вашего я, при которомъ на него ничего-бы не дѣйствовало, въ которомъ оно оставалось въ своемъ чистомъ, самозаключенномъ бытіи, то въ немъ не могли-бы возникнуть и категоріи точно также, какъ и вообще какое-бы то ни было познаніе, даже самая психическая жизнь. Мы-бы не могли напримѣръ имѣть понятія ни о качествѣ, ни о количествѣ, ни объ отношеніи, потому что всѣ эти категоріи предполагаютъ существованіе данныхъ предметовъ познанія, при которыхъ только и возможно ихъ различеніе по качеству, исчисленіе и поставленіе въ то или иное отношеніе къ намъ или между собою

Если теперь воздѣйствіе на наше познающее я множественнаго, разнообразнаго, предметнаго, въ самомъ общемъ и широкомъ смыслѣ можно назвать опытомъ, то мы конечно имѣемъ право сказать, что въ генезисѣ категорій, апріорное основаніе которыхъ заключается въ природѣ нашего разума, принимаетъ участіе и опытъ. При этомъ считаемъ не излишнимъ замѣтить, что обычное въ раціональной философіи выраженіе, что категоріи существуютъ a priori опыта, никакъ не должно понимать въ смыслѣ психологическомъ, какъ обозначеніе временнаго предшествованія ихъ въ нашемъ познающемъ разумѣ данному изъ опыта матеріалу познанія, такъ, какъ будто они существуютъ въ видѣ готовыхъ формъ или схемъ, которыя затѣмъ налагаются на привносимое отъ внѣшнѣ содержаніе. Такое пониманіе слова: a priori, можетъ возбуждать справедливое недоразумѣніе эмпириковъ. Психологически они могутъ быть названы апріорными развѣ въ томъ общемъ смыслѣ, что каждому опредѣленному познанію долженъ предшествовать производитель его—наше я съ имманентными ему законами познанія, хотя и въ этомъ смыслѣ выраженіе: a priori будетъ выражать скорѣе идеальный, чѣмъ дѣйствительный эмпирический фактъ. Ибо хотя первый моментъ или первый актъ нашей познавательной дѣятельности недоступенъ нашему самонаблюденію, какъ лежащій за предѣлами нашей сознательной жизни, но судя по тому, что дѣятельность нашихъ внѣшнихъ чувствъ обнаруживается съ самаго перваго момента существованія человѣка, что усвоеніе чувственныхъ впечатлѣній составляетъ уже нѣкоторый первоначальный видъ опыта, мы вправѣ предположить, что и въ первоначальной, предсознательной стадіи существованія души—категоріи возникаютъ одновременно съ опытомъ, а не прежде его. Но выраженія: „a priori опыта“, „составляютъ условія возможности самого опыта“, по отношенію къ категоріямъ имѣютъ тотъ опредѣленный смыслъ, что ими отрицается то ложное эмпирическое ученіе, будто они составляютъ результатъ обобщенія или комбинаціи чувственныхъ впечатлѣній, такъ какъ самая эта обобщающая и комбинирующая дѣятельность разума, даже въ самомъ первоначальномъ и грубомъ видѣ, невозможна.

безъ примѣненія къ опыту категорическихъ понятій. Самая простая комбинація чувственныхъ представленій по ихъ однородности, смѣжности, современности, сходству, предполагаетъ уже понятія тождества и различія, количества, качества и др. Въ этомъ отношеніи категоріи несомнѣнно составляютъ условія возможности самого опыта, какъ комбинаціи первоначальныхъ чувственныхъ воззрѣній.

Такимъ образомъ, потенциально заключающіяся въ природѣ нашего разума, категоріи получаютъ свою актуальность при помощи воздѣйствія на нашъ духъ впечатлѣній отъ внѣ, совокупность которыхъ мы называемъ опытомъ. Но не только въ первоначальномъ происхожденіи, но и въ дальнѣйшемъ образованіи ихъ въ сознательныя, категорическія *понятія*, мы должны признать также законную долю участія опыта. Для нашего сознанія категоріи первоначально не даны въ чистомъ и отрѣшенномъ отъ опредѣляемаго ими предметнаго или эмпирическаго содержанія видѣ; мы не знаемъ качества, количества, причины, дѣйствія и пр. самихъ по себѣ, но только качество, количество, причину чего нибудь. Чтобы получить чистыя категорическія понятія, мы должны выдѣлить ихъ изъ соединенія съ эмпирическимъ содержаніемъ, отличить въ этомъ содержаніи апріорный и апостеріорный элементы. Это достигается посредствомъ извѣстнаго логическаго пріема абстракціи и въ этомъ отношеніи, конечно, опредѣленныя категорическія понятія могутъ быть названы абстрактными понятіями. Но такой процессъ ихъ образованія нисколько не говоритъ въ пользу эмпирической теоріи познанія, которая ставитъ категоріи въ одинъ рядъ съ обыкновенными общими понятіями разсудка. Съ одной стороны этотъ процессъ состоитъ не въ обобщеніи только или объединеніи эмпирическихъ признаковъ общихъ многимъ эмпирическимъ представленіямъ, но въ отвлеченіи или аналитическомъ отдѣленіи отъ нихъ заключающагося въ нихъ не опытнаго или апріорнаго элемента ¹⁾. Съ другой, тѣ эмпирическія данныя, которыя служатъ, такъ ска-

¹⁾ Вотъ почему не вѣрно употребительное въ древней и встрѣчающееся иногда въ новой философіи названіе категорій наивысшими родовыми понятіями.

зять, матеріаломъ для извлеченія изъ нихъ категорическихъ понятій, вовсе не суть данныя внѣшняго опыта, но факты опыта внутренняго или самосознанія. Существенный недостатокъ эмпиризма состоитъ въ томъ, что говоря о категоріяхъ и ихъ эмпирическомъ происхожденіи онъ имѣетъ въ виду исключительно опытъ внѣшній,—чувственные впечатлѣнія и образованныя изъ нихъ представленія. Но мы видѣли, что изъ *такою* опыта нельзя объяснять происхожденія категорическихъ понятій. Иное дѣло если мы обратимся къ опыту внутреннему, какъ сознанію нашихъ собственныхъ психологическихъ состояній и самонаблюденій. По отношенію къ этому опыту мы дѣйствительно можемъ сказать, что данныя его служатъ для нашего разума тѣми фактами, посредствомъ наблюденія которыхъ и анализа мы получаемъ первоначально опредѣленные *понятія* о категоріяхъ. На такой путь образованія категорическихъ понятій указываетъ уже самый способъ или методъ, какимъ они были извлекаемы изъ общаго состава нашихъ познаній философами. Аристотель, которому принадлежитъ часть перваго научнаго раскрытія ихъ, вывелъ ихъ не изъ наблюденія надъ внѣшнею дѣйствительностію и общими свойствами эмпирическихъ предметовъ, но посредствомъ анализа грамматическаго предложенія или наблюденія надъ дѣятельностію нашего разума въ образованіи понятій, выраженіемъ которыхъ для него служили слова. Кантъ достигъ того-же при помощи логической формы сужденія. Не говоримъ о Гегелѣ и его попыткѣ вывести категорическія понятія изъ чистаго мышленія. Но и независимо отъ этихъ примѣровъ научнаго вывода категорій, слѣдя за генезисомъ категорическихъ понятій въ нашемъ познаніи, не трудно убѣдиться, что къ нимъ мы приходимъ путемъ не внѣшняго, а внутренняго опыта.

Такъ, самое близкое и непосредственное понятіе о *бытіи* мы получаемъ чрезъ сознаніе своего я, собственнаго существованія. Но сознаніе своего я, какъ сущаго, возможно не иначе, какъ чрезъ отличеніе себя отъ чего либо инаго, чрезъ противоположеніе себѣ *не я*. Я не могъ-бы и сознать себя, если-бы не было чего либо инаго, въ отношеніи къ чему я

могъ-бы утверждать или полагать свое бытіе. Если-бы мы стали анализировать этотъ коренной фактъ самосознанія далѣе, то легко могли-бы открыть въ немъ источникъ категорическихъ понятій: бытія и небытія, тожества и различія, утверждения и отрицанія, положенія и противоположенія.

Но наше я не есть простое и безразличное единство полагающее свое бытіе въ противоположность къ *не я*. Оно есть существо живое и дѣятельное и жизнь его обуславливается существованіемъ въ немъ различныхъ силъ и способностей, при помощи которыхъ оно вступаетъ въ разнообразныя отношенія къ окружающему его *не я* или міру внѣшнему. Сознаніе разнообразныхъ отношеній какъ къ своимъ собственнымъ силамъ и способностямъ и пріобрѣтенному при помощи ихъ содержанію психической жизни, такъ и ко внѣшней дѣйствительности, служитъ источникомъ дальнѣйшихъ категорическихъ понятій. По отношенію къ своимъ собственнымъ способностямъ и силамъ, наше я сознаетъ себя съ одной стороны ихъ началомъ и связующимъ единствомъ, съ другой, самыя эти способности, своими, себѣ принадлежащими; отсюда категория субстанціи и ея принадлежностей. По отношенію къ содержанію своей психической жизни оно различаетъ феномены, которые вполне или отчасти обязаны своимъ происхожденіемъ ему самому и феномены, которые оно сознаетъ не имъ произведенными, а только пассивно усвоенными или сознанвыми имъ. Къ числу первыхъ относятся, на примѣръ, наши свободныя дѣйствія, къ числу послѣднихъ впечатлѣнія отъ внѣшнихъ предметовъ. Первые пробуждаютъ въ насъ понятіе о причинѣ и дѣйстви; послѣднія—о воздѣйствіи на насъ и испытаніи воздѣйствія (такъ называемыя въ метафизикахъ: дѣйствіе и страданіе, — *actio et passio*). Наконецъ, обращая вниманіе на отношеніе различныхъ моментовъ нашего сознанія какъ между собою, такъ и къ предметамъ подпадающимъ нашему сознанію, наше сознаніе утверждаетъ прежде всего ихъ различіе и множественность, затѣмъ отношеніе ихъ между собою и къ нашему я; отсюда не трудно вывести категоріи: количества, качества и взаимоотношенія.

Такимъ образомъ въ самосознаніи, въ нашемъ внутреннемъ

опытъ, мы можемъ найти источникъ почти всѣхъ нашихъ категорическихъ понятій. Но такое происхожденіе этихъ понятій изъ опыта не имѣетъ ничего общаго съ эмпирическимъ ученіемъ объ опытномъ ихъ происхожденіи и вполнѣ можетъ быть соглашено съ ученіемъ объ ихъ апріорности. Ибо этотъ внутренній опытъ есть не что иное, какъ сознательное и раздѣльное умопредставленіе или воззрѣніе тѣхъ самыхъ формъ и природныхъ элементовъ нашего разума, которые и прежде въ немъ находились, но въ состояніи безотчетномъ и смѣшанномъ съ предметнымъ содержаніемъ.

Говоря о происхожденіи категорій, не можемъ оставить безъ вниманія одной современной теоріи, касающейся этого предмета,—теоріи, которая имѣетъ притязаніе положить конецъ безконечнымъ пререканіямъ между раціонализмомъ и эмпиризмомъ, между защитниками и противниками, такъ называемыхъ „врожденныхъ идей“ и установить между ними вѣчный миръ, признавъ въ извѣстномъ отношеніи правыми тѣхъ и другихъ. Исходя изъ началъ эволюціонной теоріи Дарвина и примѣняя ее къ объясненію психическихъ явленій, Спенсеръ и его послѣдователи полагаютъ, что категорическія понятія (равно какъ и представленія пространства и времени) можно признать въ то же время врожденными и вѣтъ,—врожденными по отношенію къ индивидууму и пріобрѣтенными по отношенію ко всему человѣческому роду, такъ какъ то, что апріорично для индивидуума, можетъ быть эмпирическимъ для рода. Человѣкъ, какъ выражается Кроманъ, можетъ быть урожденнымъ барономъ, между тѣмъ какъ его прадѣдъ пріобрѣлъ это достоинство ¹⁾. Существующіе въ разумѣ современнаго человѣка законы мысленія и такъ называемыя прирожденные понятія и истины суть только унаслѣдованные результаты опытовъ и ассоціацій идей предшествовающихъ поколѣній,—результаты, которые до такой степени отождествились съ нашимъ разумомъ, что могутъ показаться самою природою его; наследственность здѣсь принимаетъ видъ врожденности. Въ настоящее время человѣческій индивидуумъ уже не имѣетъ нужды доходить до

¹⁾ Unsere Naturerkenntniss. 1883. 4.

нѣкоторыхъ основныхъ идей нашего разума тѣмъ путемъ, какимъ шли его первые предки,—путемъ опытовъ и сочетаній идей или ощущеній; достаточно того, что они приобрѣтены уже предыдущими поколѣнiями; они переданы ему непосредственно и онъ пользуется ими, какъ будто онѣ составляютъ дѣйствительно первоначальную принадлежность его разума. Ничего не значитъ, что эти основные устои его интеллектуальной жизни образовались какъ нѣкоторыя скалы изъ прибавленiя песчинки къ песчинкѣ, благодаря медленному скопленiю ихъ; вѣка связали ихъ такимъ плотнымъ цементомъ, что они вполне исполняютъ роль врожденныхъ понятiй и аксиомъ прежней психологiи; но не должно забывать, что эти понятiя не всегда были аксиомами, но стали таковыми. Они вовсе не суть необходимы въ томъ смыслѣ, что они вѣчны, абсолютны, основаны на самомъ строенiи нашего духа; но они необходимы дѣйствительно въ томъ смыслѣ, что уже не могутъ исчезнуть, точно также какъ и другiя принадлежности челоуѣческаго организма, образовавшiяся и утвердившiяся путемъ наследственности.

По поводу спеціальнаго вопроса о категорiяхъ конечно было-бы неумѣстно входить въ обсужденiе основныхъ началъ эволюціонной теорiи и примѣненiя ея къ объясненiю происхожденiя челоуѣка съ его физическими и психическими особенностями. Но и съ перваго взгляда не трудно замѣтить, что въ сущности она нисколько не рѣшаетъ вопроса о происхожденiи категорическихъ понятiй, но только откладываетъ его въ сторону и отсылаетъ насъ за его рѣшенiемъ къ незапамятнымъ до-историческимъ временамъ нашихъ обезьяно-подобныхъ предковъ. Но отъ этого дѣло нисколько не становится яснѣе. Спрашивается, какимъ-же образомъ у этихъ нашихъ предковъ впервые образовались понятiя, которыя въ настоящее время мы находимъ прирожденными намъ? Мы теиерь урожденные бароны, но откуда-же получилъ баронское достоинство первый баронъ? Если, что и утверждаетъ эволюціонная теорiя, они первоначально образовались путемъ впечатлѣній чувственныхъ, то мы стоимъ на эмпирической теорiи познанiя со всѣми ея недостатками и эти недостатки нисколько не устраняются

тѣмъ, что объектомъ, получающимъ эти впечатлѣнія, считается архаическій, а не современный человѣкъ. Эволюціонная теорія особенно настаиваетъ на томъ, что эти понятія образовались постепенно и мало по-малу, также какъ изъ накопленія маленькихъ песчинокъ образуется скала. Роль песчинокъ здѣсь очевидно играютъ чувственные впечатлѣнія; но какъ изъ отдѣльныхъ чувственныхъ впечатлѣній, сколько-бы и какъ-бы долго мы ихъ ни складывали, могутъ образоваться такія, напримѣръ, понятія, какъ субстанціи, причины, качества, тождества и пр., для насъ совершенно непонятно, да и сама эволюціонная теорія здѣсь ничего не говоритъ, ограничиваясь только общимъ утвержденіемъ возможности такого образованія. Но критика эмпирическаго ученія показала намъ полную невозможность вывести категорическія понятія изъ чувственныхъ впечатлѣній; количество, равно какъ и постепенность историческаго наслоенія ихъ, здѣсь ничего не значить, то есть нисколько не измѣняетъ характера самыхъ впечатлѣній. Далѣе, если-бы образованіе апріорныхъ понятій стояло въ какой либо причинной связи съ постепеннымъ накопленіемъ въ душѣ человѣка эмпирическихъ впечатлѣній и составляло осадокъ и результатъ ихъ, то мы и въ настоящее время, по крайней мѣрѣ на исторической памяти людей, могли бы замѣтить слѣды подобнаго происхожденія этихъ понятій; законы, напримѣръ, мышленія и категоріи, по которымъ мыслить дикарь, были бы не тѣ же самые и не въ томъ же числѣ, какъ тѣ, по которымъ мыслить Европеецъ, тѣмъ болѣе высокоразвитый ученый. Но на самомъ дѣлѣ у всѣхъ существъ, называемыхъ людьми, природа разума одна и таже; всѣ они признаютъ одни и тѣ же логическіе законы и располагаютъ свои мысли по тѣмъ же категоріямъ и въ томъ же ихъ количествѣ. Точно также не замѣчаемъ мы никакого различія въ строеніи разума и между нами и народами, жившими тысячи лѣтъ назадъ. Могутъ быть чрезвычайно различны степени интеллектуальнаго развитія, но не самая природа разума съ его основными законами и понятіями. Такъ, культивированное растеніе можетъ быть больше, роскошнѣе, многоплоднѣе дикаго экземпляра той же породы; но и въ дикомъ и въ культур-

номъ состояніи оно одно и тоже и сохраняетъ неизмѣнные, характеристическіе признаки этого рода растеній. Наконецъ, играющее столь важную роль въ эволюціонной теоріи понятіе наслѣдственности никакъ не можетъ быть примѣнено къ объясненію факта закрѣпленія, такъ сказать, въ человѣческой природѣ и затѣмъ передачи цѣлаго состава апріорныхъ понятій нашего разума. Правда, опытъ показываетъ случаи когда по наслѣдству передаются нѣкоторые таланты (напримѣръ музыкальный), нѣкоторыя психическія настроенности, душевныя болѣзни. Но тотъ же опытъ показываетъ, что эти случаи вовсе не составляютъ какого-либо неизбежнаго закона природы, но суть факты исключительныя. Отъ умнаго отца не всегда рождаются умные дѣти; потомки извѣстнаго художника и музыканта часто вовсе не наслѣдуютъ талантовъ своихъ предковъ. Если-бы путемъ наслѣдственности мы получали и совокупность тѣхъ умственныхъ пріобрѣтеній, которыя называемъ апріорными понятіями, то человѣчеству и отдѣльнымъ лицамъ постоянно грозила-бы опасность потерять ихъ и вдругъ оказаться лишеными всѣхъ характеристическихъ особенностей человѣческаго разума. Притомъ, наслѣдственно, и то въ исключительныхъ случаяхъ, могутъ передаваться только нѣкоторыя особенности познавательной способности, касающіяся ея энергии и направленія, а никакъ не совокупность какихъ-либо опредѣленныхъ понятій и идей, даже въ самой зачаточной и элементарной ихъ формѣ. Совершенно не понятно, какимъ образомъ могутъ передаваться по наслѣдству изъ рода въ родъ благопріобрѣтенныя къ-мъ-либо понятія о причинѣ и дѣйствіи, тожествѣ и противорѣчій, сущности и явленіи и т. п., и притомъ такъ, что ни разу не было случая, чтобы кто-нибудь потерялъ хотя-бы одно изъ нихъ. Иное дѣло, если они составляютъ существенное достояніе самой духовной природы человѣка; въ такомъ случаѣ вполне объяснимо существованіе ихъ въ человѣкѣ, пока человѣкъ остается человѣкомъ и рождается отъ человѣка, существа той-же духовно-чувственной природы. Не понятно въ рассматриваемой нами гипотезѣ точно также и то, почему именно должны, такъ сказать, кристаллизоваться и передаваться по наслѣдству только апріорныя по-

нѣтія, болѣе сложныя продукты эволюціоннаго развитія, тогда какъ не сознаются въ насъ и не передаются представленія болѣе простыя и однородныя. Почему, на примѣръ, не врождены намъ понятія о солнцѣ, лунѣ, деревѣ, водѣ и пр., но каждый человѣкъ образуетъ ихъ вновь и ничего о нихъ не знаетъ, пока самъ не увидитъ этихъ предметовъ? Вѣдь во всякомъ случаѣ эти предметы дѣйствовали на чувства человѣка всегда со времени появленія его на земномъ шарѣ и притомъ гораздо постояннѣе и продолжительнѣе, чѣмъ тѣ неизвѣстныя и неуловимыя крайне слабыя въ началѣ впечатлѣнія, путемъ ассоціаціи которыхъ слагались въ насъ будто-бы идеи и апріорныя понятія. Почему же постоянное накопленіе и постоянное дѣйствіе на насъ этихъ эмпирическихъ представленій не образовало въ теченіе вѣковъ апріорныхъ идей о нѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ важнѣйшихъ эмпирическихъ объектахъ?

Такимъ образомъ объясненіе происхожденія категорическихъ понятій путемъ наслѣдственной передачи первоначально образовавшихся путемъ внѣшняго опыта, а затѣмъ принявшихъ неподвижную и устойчивую форму, представленій извѣстнаго рода, есть совершенно произвольная гипотеза, нисколько не примиряющая, какъ думаютъ, рациональнаго апріоризма съ эмпирическимъ, апостериоризмомъ. Въ сущности она чисто сенсуалистическая гипотеза, въ сравненіи съ обыкновеннымъ эмпиризмомъ имѣющая тотъ существенный недостатокъ, что тогда какъ послѣдній въ пользу своего воззрѣнія можетъ приводить нѣкоторыя основанія, заимствуемая изъ дѣйствительныхъ, хотя и одностороннихъ наблюденій надъ образованіемъ нашихъ понятій, эволюціонизмъ отсылаетъ насъ въ такую даль вѣковъ, гдѣ невозможно никакое, сколько-нибудь научное объясненіе процесса возникновенія основныхъ понятій нашего разума.

б) Второй вопросъ, касающійся категорій, есть вопросъ объ ихъ значеніи въ области нашего познанія. Мы признали ихъ апріорною принадлежностью нашей разумной природы; мы видѣли, что первоначальныя понятія о нихъ мы получаемъ не путемъ внѣшняго опыта, но сознательнаго наблюденія надъ нашею духовною природою и ея основными феноменами. Воз-

никаетъ вопросъ, имѣемъ-ли мы право эти субъективныя опредѣленія переносить на внѣ насъ лежащую, эмпирическую дѣйствительность, приписывать не только своимъ представленіямъ и понятіямъ, но и предметамъ качество, количество, сущность и т. п., какъ ихъ реальныя опредѣленія?

На этотъ вопросъ мы получили два притивоположныя отвѣта. Кантъ, съ которымъ въ этомъ случаѣ согласны и эмпирики, признаетъ за ними только субъективное значеніе. Будутъ-ли категоріи понятіями отвлеченными отъ эмпирическихъ данныхъ, какъ думаютъ эмпирики, или а priori принадлежащими нашей познавательной способности, какъ полагаетъ Кантъ, — во всякомъ случаѣ онѣ выражаютъ только способы или формы нашего субъективнаго познанія, не имѣющіе себѣ ничего соответствующаго внѣ насъ, въ познаваемой дѣйствительности. Гегель, напротивъ, признаетъ за ними объективное значеніе и притомъ въ самомъ обширномъ значеніи, почитая ихъ реальными опредѣленіями бытія не только міроваго, но и абсолютнаго, моментами діалектическаго развитія абсолютной идеи.

Критика какъ эмпиризма, такъ и субъективнаго идеализма, привела насъ къ заключенію объ объективномъ значеніи категорій, какъ опредѣленій не только нашего мышленія, но и познаваемаго при помощи нашего мышленія бытія. Противоположное воззрѣніе на нихъ, какъ мы видѣли, неизбежно должно привести къ скептицизму, къ уничтоженію истины и достовѣрности нашего познанія, которое какъ познаніе рациональное, очевидно, все основывается на предположеніи объективнаго значенія тѣхъ категорическихъ опредѣленій, при помощи которыхъ нашъ разумъ познаетъ дѣйствительное бытіе. Что воплѣтъ себя сознающее и послѣдовательно проведенное эмпирическое ученіе о категоріяхъ ведетъ къ скептицизму, это показали результаты философіи Юма. Что въ философіи Канта присутствуетъ скрытый скептической элементъ—это также несомнѣнно, и только быстрый поворотъ послѣдующей за нимъ философіи отъ крайняго субъективизма къ не менѣе крайнему идеализму воспрепятствовалъ высказаться этому элементу со всею ясностью. Отзвукъ этого скептицизма по от-

ношенію къ раціональному познанію вообще, філософскому въ особенности, мы видимъ въ современномъ ново-кантіанизмѣ и позитивизмѣ.

Итакъ, категоріи мы должны признать формами или опредѣленіями не только знанія, но и бытія. То обстоятельство, что онѣ составляютъ существенно принадлежащія нашему разуму формы познанія, нисколько не можетъ служить препятствіемъ быть имъ въ то же время и формами реального бытія. Я и не я, міръ внутренній и внѣшній, духовный и физическій, представляя существенныя отличія, не представляютъ однако-же абсолютной противоположности между собою, такъ чтобы одинъ составлялъ отрицаніе другаго; въ такомъ случаѣ невозможно было-бы не только познаніе, но и взаимное отношеніе ихъ другъ къ другу, дѣйствіе внѣшняго бытія на наше я и обратное воздѣйствіе на него. Если-же то и другое, какъ показываетъ опытъ, дѣйствительно существуетъ, то мы должны необходимо предположить, что между нашимъ познающимъ я и познаваемымъ имъ внѣшнимъ міромъ должно находиться что-либо общее, ихъ связывающее и объединяющее; этимъ объединяющимъ пачаломъ и служатъ (кромѣ формъ пространства и времени) категоріи.

Такому объективному значенію категорій нисколько не противорѣчитъ и то, что онѣ принадлежатъ нашему разуму а priori и что къ первоначальному познанію ихъ мы приходимъ путемъ не внѣшняго, а внутренняго опыта. Законы и формы нашего разума, составляющіе его природную принадлежность, могутъ быть въ то же время и законами бытія, а что они первоначально сознаются и познаются нами именно какъ субъективныя наши формы—это вполне естественно, такъ какъ мы сами всего ближе къ намъ самимъ и наше сознаніе всего яснѣе и непосредственнѣе обнаруживаетъ ихъ присутствіе въ нашемъ субъективномъ мірѣ. Но весь дальнѣйшій ходъ нашего познанія скоро удостовѣряетъ насъ, что мы имѣемъ полное право переносить ихъ на явленія міра внѣшняго и что они выражаютъ собою не мыслимыя только и нами полагаемыя, но дѣйствительныя опредѣленія вещей.

Но какъ скоро мы признали, что категоріи составляютъ не

только формы нашего познающего субъекта, но и опредѣленія внѣ насъ лежащаго объекта, то возникаетъ вопросъ: ограничивается-ли наше право приложенія ихъ къ дѣйствительному бытію только бытіемъ условнымъ и ограниченнымъ, или оно простирается и на бытіе абсолютное и безусловное? Такой вопросъ неизбежно вызывается нашею критикою ученія о категоріяхъ Гегеля. Что онѣ не могутъ быть послѣдовательно развивающимися моментами жизни самого абсолютнаго, что діалектической процессъ категорій вовсе не представляетъ собою процесса саморазвитія Божества, какъ оно есть въ своемъ вѣчномъ бываніи (Werden) прежде сотворенія природы и конечнаго духа, какъ училъ Гегель, это мы видѣли. Но отвергая воззрѣніе Гегеля на значеніе категорій, должны-ли мы вмѣстѣ съ тѣмъ отвергнуть и основную мысль этого воззрѣнія, — именно, что категоріи имѣютъ приложеніе не только къ міру эмпирическому, но и идеальному, не только къ бытію условному, но и безусловному.

Въ древней христіанской філософіи, подъ вліяніемъ отчасти неоплатонической мысли о непознаваемости абсолютнаго начала бытія, отчасти религіознаго ученія о безконечномъ совершенствѣ Творца и Его непостижимости для ограниченной силы человѣческаго разума, не разъ выражалась мысль о совершенной неприложимости категорій къ познанію Божества ¹⁾. Въ новой філософіи отрицаніе права разума прилагать категоріи къ познанію Божества есть естественный результатъ ученія о нихъ Канта. Приложеніе категорій въ дѣлѣ познанія у него строго ограничивается предметами опыта. Всякое употребленіе этихъ понятій для познанія предметовъ

¹⁾ Такъ, напримѣръ, по ученію Климента Александрійскаго, Богу невозможно приписывать никакихъ положительныхъ предикатовъ; мы знаемъ только то, что Онъ не есть. Онъ не есть ни родъ, ни видъ, ни индивидуумъ, ни различіе, ни число, ни свойство, ни что-либо такое, чему нѣчто прилвествуетъ, какъ признакъ (Strom, V, 1. 11. 12). По мнѣнію Діонисія Ареопагита, Богъ Самъ по Себѣ, въ своемъ дѣйствительномъ существѣ, непостижимъ и не выразимъ. Онъ ни есть ни сущность, ни жизнь, ни свѣтъ, ни чувство, ни умъ, ни мудрость, ни благость, ни божество, но нѣчто такое, что превосходитъ и превъше всего этого. Никакая монада или тріада, никакое число, никакое единство, никакое рожденіе, ничто сущее или то, что мы познаемъ о сущемъ, не изъясняютъ для

сверхъопытныхъ, въ частности для познанія Божества, невозможно. Богъ не есть и не можетъ быть предметомъ непосредственнаго опыта, а потому и понятіе о Немъ не можетъ быть опредѣляемо при помощи напр. категорій субстанціи, причины, качества и другихъ. Съ этою мыслию Канта вполне согласны нѣкоторые философы даже не раздѣляющіе общихъ его воззрѣній на субъективное значеніе категорій. Такъ напр. Тренделенбургъ, вопреки Канту защищая объективное значеніе категорій, считаетъ однакоже вопреки Гегелю необходимымъ ограничить это значеніе только областью бытія условнаго. Выводя категоріи изъ понятія движенія, которое по его мнѣнію есть актъ (That) конечнаго мышленія и конечнаго бытія, онъ на этомъ основаніи утверждаетъ, что и приложеніе они могутъ имѣть только къ конечному бытію. „Мы не имѣемъ никакого права“, говоритъ онъ, „пространство и время, количество и качество, субстанцію и акциденцію, дѣйствіе и взаимодействіе, такъ какъ они проистекаютъ изъ понятія движенія, простираетъ по ту сторону этой конечной области бытія. На границѣ этой области мы слагаемъ оружіе нашего конечнаго познанія“. Категоріи имѣютъ объективное значеніе только для міра, а не для Бога; конечное существо въ своемъ познаніи не можетъ перейти само за себя къ безконечному; безконечное не вмѣщается въ границахъ понятій, которыя и имѣютъ значеніе только для условнаго духа и условныхъ вещей ¹⁾).

Но главное и ничѣмъ не устранимое затрудненіе принять подобное воззрѣніе на категоріи состоитъ въ томъ, что послѣ-

нашего разума превосходящую всякій разумъ таинственность пресущественнаго и все происходящаго Превышебожества (Superdeitatis). (Uberweg, Gesch. d. Phil. 1873. II, 100. 101). Бл. Августинъ также полагаетъ, что категоріи не могутъ служить для опредѣленія природы божественной. Богъ не подходитъ ни подъ одну изъ категорій; мы должны мыслить Бога *sine qualitate bonum, sine quantitate magnum, sine indigentia creatorem, sine situ praesidentem, sine habitu omnia continentem, sine loco ubique totum, sine tempore sempiternum, sine ulla sui mutatione mutabilia facientem, nihilque patientem* (De Trin. V, 2). Даже понятіе субстанціи мы приписываемъ Богу въ несобственномъ смыслѣ (abusive).

¹⁾ Logisch. Untersuch. II, 338. 349. 368.

довательное проведеніе его ведетъ къ совершенному уничтоженію возможности какого-то ни было познанія о Богѣ. Имъ разомъ вычеркивается изъ ряда наукъ, какъ познаній о дѣйствительномъ бытіи, не только все богословіе, но и всякаго рода философское ученіе о Богѣ. Все наше познаніе основывается на приложеніи къ познаваемому категорическихъ понятій, какъ не субъективныхъ только, но и объективныхъ опредѣленій. Если въ познаніи о Богѣ они имѣютъ только субъективное значеніе, какъ способы нашего человѣческаго и совершенно не адекватнаго предмету пониманія, то все это познаніе превращается въ неимѣющій никакой дѣйствительной цѣнности субъективный миражъ. Всѣ наши мнимо-раціональныя понятія о Богѣ, въ сущности и по своему внутреннему достоинству, ничѣмъ не отличаются отъ самыхъ грубыхъ мнѳологическихъ представленій о Богѣ, ибо тѣ и другія одинаково составляютъ только человѣческіе и не соотвѣтствующіе своему предмету способы представленія чего-то совершенно неизвѣстнаго. Да и самое существованіе Бога, какъ неизвѣстной намъ причины міра, представляется сомнительнымъ потому, что вѣдь и самыя понятія бытія, причины и дѣйствія суть въ сущности категорическія, слѣдовательно, субъективныя понятія.

Если намъ скажутъ, что въ замѣнъ категорій у насъ остаются идеи, какъ болѣе адекватныя и болѣе содержательныя формы познанія Божества, то это нисколько не спасетъ объективнаго характера нашего познанія о Богѣ, какъ скоро будетъ отвергнутъ такой-же характеръ категорій въ дѣлѣ этого познанія. Прежде всего, раздѣляя подобное воззрѣніе, мы допустимъ противорѣчіе себѣ; ибо, признавая субъективное значеніе за категоріями, на какомъ основаніи мы станемъ утверждать объективное значеніе за идеями, тѣмъ болѣе что отвергнувъ вмѣстѣ съ апріорными элементами познанія всякую компетентность разума въ дѣлѣ познанія о Богѣ, мы отрѣзали себѣ и всякій путь раціонально доказать такое значеніе? Почему идеи того или другаго совершенства мы должны считать пригодными для опредѣленія понятія о Богѣ, а не придавать имъ, точно также какъ и категоріямъ, значенія субъективныхъ, чисто человѣческихъ воззрѣній? Затѣмъ, идеальныя опредѣле-

нія совершенствъ въ Богѣ невозможны и немыслимы безъ опредѣленій категорическихъ, и признавая за первыми реальное значеніе, мы необходимо придаемъ такое же и послѣднимъ, по ихъ существенной взаимной связи. Въ самомъ дѣлѣ, можно-ли, напримѣръ, утверждать единство Божества, не имѣя въ виду категорій *количества*, говорить о Его премудрости, святости, благости, отвергая реальное значеніе категоріи *качества*? Можно-ли говорить о Богѣ, какъ Творцѣ міра, считая не приложимымъ къ нему понятіе *причины*, говорить о промыслѣ не допуская *отношенія* Его къ міру и *дѣйствія* Его на міръ? Можно-ли говорить о какомъ либо истинномъ понятіи о Богѣ, не *противсполагая* его ложнымъ, не *отрицая* послѣднихъ?

Въ самомъ дѣлѣ, если возможно какое либо познаніе о Богѣ, то для осуществленія его мы необходимо должны допустить объективное значеніе категорій въ приложеніи къ бытію не только условному, но и безусловному. На право такого приложенія указываетъ уже самый характеръ категорическихъ понятій, какъ безусловно всеобщихъ и необходимыхъ опредѣленій нашего мышленія. Въ этомъ отношеніи разсудокъ не дѣлаетъ и не можетъ дѣлать различія между мыслимыми объектами, и какъ скоро что-либо *мыслится* и познается, оно необходимо мыслится и познается при помощи категорій; это законъ разума, самая природа его. Этимъ и объясняется противорѣчіе себѣ всѣхъ тѣхъ философовъ, которые, рѣшительно отвергая значеніе категорій въ дѣлѣ познанія Божества, въ то же время предлагаютъ намъ, какъ истинныя, положительныя понятія о Богѣ, которыя не могутъ не образоваться въ ихъ собственномъ разумѣ, ни быть передаваемы другимъ иначе, какъ при помощи тѣхъ самыхъ категорій, примѣненіе которыхъ въ дѣлѣ богопознанія въ теоріи отвергается.

Итакъ, и на основаніи самаго факта существованія различныхъ, признаваемыхъ за истинныя понятій о Богѣ, даже у тѣхъ философовъ, которые въ принципѣ отвергаютъ возможность такого рода понятій,—и на основаніи свойствъ самаго разума, какъ единственной и всеобщей познавательной способности, мы должны допустить право приложенія категорій

не только къ бытію эмпирическому и условному, но и къ безусловному и сверхчувственному ¹⁾).

в) Третій вопросъ, касающійся категорій, есть, какъ мы сказали, вопросъ объ ихъ систематическомъ построеніи. Систематическое построеніе категорій, конечно, предполагаетъ нѣкоторое начало или принципъ, изъ котораго они должны быть выведены съ логическою послѣдовательностію. Но возможно ли найти такой принципъ? На этотъ вопросъ мы имѣемъ два противоположные отвѣта у философовъ, которые избраны нами какъ представители двухъ различныхъ воззрѣній на категоріи: субъективнаго и объективнаго,—Канта и Гегеля. По мнѣнію Канта, на вопросъ, почему мы имѣемъ тѣ или другія категоріи, въ томъ, а не иномъ числѣ, точно также не можетъ быть дано отвѣта, какъ и на то, почему мы имѣемъ именно тѣ, а не другія формы сужденія или почему пространство и время суть единственныя формы нашего чувственнаго воззрѣнія ²⁾. При такомъ взглядѣ на категоріи, метафизическое выведеніе ихъ или построеніе изъ одного принципа очевидно невозможно. Если категоріи суть природныя, субъективныя формы дѣятельности нашего разсудка, то стараться вывести ихъ изъ одного какого-либо начала было бы также странно какъ вывести, напримѣръ, пять нашихъ чувствъ изъ одного какого-либо чувства или искать отвѣта на вопросъ, почему мы имѣемъ именно пять чувствъ, не болѣе ни менѣе, и почему именно этихъ, а не другихъ какихъ либо? По отношенію къ категорическимъ понятіямъ поэтому возможенъ не гегетическій выводъ, но только чисто логическая систематизація, сведеніе ихъ въ различныя группы по сходству и различію. Опытъ такой систематизаціи и даетъ намъ Кантъ въ своей таблицѣ категорій. Совершенно иначе смотритъ на задачу построенія ка-

¹⁾ Ближайшее разъясненіе вопроса о возможности и границахъ богопознанія, равно какъ и о томъ, какія категоріи и въ какомъ смыслѣ могутъ быть примѣняемы въ дѣлѣ познанія о Богѣ,—принадлежитъ раціональному богословію. Нѣкоторыя данныя для рѣшенія этого вопроса см. въ нашей статьѣ: „Теизмъ“, въ „Прав. Обозр.“ за 1883 г. май, іюнь, іюль.

²⁾ Kritik d. r. Vernunft. Ed. v. Kirchmann. 1877. p. 148.

тегорій Гегель. Въ своей Логикѣ онъ представляетъ намъ первый въ философіи и замѣчательный по своей оригинальности опытъ вывода не только категорическихъ понятій въ точномъ смыслѣ, но вмѣстѣ съ ними и самыхъ основныхъ законовъ и формъ мышленія, равно какъ и идей изъ одного общаго принципа,—понятія *бытія*. Такой выводъ имѣетъ значеніе не только логическое, какъ болѣе или менѣе удачная систематизація ихъ, но и метафизическое, какъ построеніе основныхъ началъ знанія и бытія.

Если независимо отъ частныхъ недостатковъ построенія категорій у Канта и Гегеля (о которыхъ мы говорили) обратимъ вниманіе лишь на главную задачу философской систематики категорій, то должны будемъ признать, что эта задача поставлена гораздо вѣрнѣе и шире у послѣдняго, чѣмъ у перваго. Идеаль философскаго мышленія есть вообще сведеніе всего частнаго и разнообразнаго къ единству принципа и выводъ его изъ этого принципа съ строгою необходимостію и послѣдовательностію; идеаль философскаго построенія категорій есть поэтому именно тотъ, который имѣлъ въ виду Гегель,—генетическое развитіе ихъ изъ одного начала. Въ метафизическомъ отношеніи выводъ категорій у Гегеля имѣетъ и то несомнѣнное преимущество, что онъ смотритъ на нихъ не какъ на формы только нашего субъективнаго познанія, но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ на опредѣленія и самого бытія и потому источника ихъ ищетъ не въ нашемъ только я или въ самосознаніи, но въ общемъ реальномъ принципѣ какъ бытія, такъ и мышленія.

Возможно-ли и въ какой мѣрѣ осуществленіе этого идеала философскаго построенія категорій,—идеала, съ такою ясностію выставленнаго Гегелемъ, хотя его собственное построеніе, какъ мы видѣли, оказалось неудачнымъ? Рѣшеніе этого вопроса должно составлять одну изъ задачъ спеціальнаго метафизическаго ученія о категоріяхъ, въ отношеніи къ которому наше изслѣдованіе, начавшееся преимущественно вопросомъ объ ихъ происхожденіи и значеніи, имѣетъ значеніе общаго введенія. Содержаніе этого ученія должно состоять въ систематическомъ построеніи категорическихъ понятій, бли-

жайшемъ опредѣленіи каждаго изъ нихъ, въ выводѣ понятій производныхъ и второстепенныхъ и затѣмъ цѣлыхъ категорическихкихъ положеній, имѣющихъ значеніе аксіомъ раціональнаго познанія.

В. Кудрявцевъ.

МОРАЛЬНАЯ ФИЛОСОФІЯ СТОИКОВЪ

ВЪ

ОТНОШЕНІИ КЪ ХРИСТІАНСТВУ.

ВВЕДЕНІЕ.

Ни одна изъ религіозныхъ и философскихъ системъ языческой древности по своимъ возрѣніямъ не подошла такъ близко къ христіанству, какъ подошла къ нему философія стоиковъ. Стоицизмъ выработалъ сравнительно возвышенное понятіе о единомъ Богѣ, указалъ человѣку высокую задачу жизни въ нравственномъ самоусовершенствованіи и проповѣдывалъ, что только одна добродѣтель есть высшее благо человека. Вслѣдствіе этой близости стоицизма къ христіанству уже рано долженъ былъ возникнуть вопросъ объ отношеніи между этими двумя ученіями. Дѣйствительно, мы видимъ, что уже древніе учителя Церкви обращаютъ вниманіе на сходство стоической философіи съ ученіемъ христіанства. Такъ Тертулліанъ, желая выразить близость въ нѣкоторыхъ пунктахъ ученія Сенеки къ христіанству, говоритъ о Сенекаѣ, что онъ „часто нашъ“ (saepe poster) ¹⁾. Оригенъ указываетъ на сходство стоическихъ парадоксовъ со многими мѣстами Св. Писанія ²⁾ Лактанцій удивляется согласію Сенеки съ хри-

¹⁾ De anima. Cap. 20

²⁾ In Ioann. 11. 10.

стіанствомъ. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій онъ говоритъ о Сенекаѣ слѣдующее: „Анней Сенека, который былъ самымъ проникательнымъ стоикомъ изъ римлянъ, весьма часто воздавалъ заслуженную хвалу величайшему Богу... какъ много и другаго, сходнаго съ нашими понятіями, высказалъ онъ о Богѣ!“ ¹⁾. Бл. Иеронимъ и бл. Августинъ—оба находятъ сходство между стоическимъ ученіемъ и христіанскимъ. Бл. Иеронимъ говоритъ: „стойки въ весьма многомъ согласуются съ нашимъ ученіемъ“ ²⁾. Бл. Иеронимъ пораженъ сходствомъ въ особенности Сенеки съ христіанствомъ, такъ что безъ колебанія рѣшился внести Сенеку въ списокъ христіанскихъ писателей (in catalogo sanctorum) на основаніи существовавшей въ его время переписки между ап. Павломъ и Сенекою ³⁾. Бл. Августинъ также упоминаетъ объ этой перепискѣ между апостоломъ и Сенекою въ слѣдующихъ словахъ: „Справедливо, говоритъ Сенека, который жилъ во времена апостоловъ и котораго существуютъ даже нѣкоторыя письма къ ап. Павлу: „Всѣхъ ненавидитъ тотъ, кто ненавидитъ дурныхъ (людей)“ ⁴⁾. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что Сенека въ своемъ сочиненіи о суевѣріи (не дошедшемъ до насъ) не рѣшился упоминать о христіанахъ „или потому, чтобы не похвалить ихъ противъ древняго обыкновенія своего отечества, или потому, чтобы не повредить имъ противъ, можетъ быть, своей воли“, ибо тогда іудеи были весьма враждебно настроены по отношенію къ христіанамъ ⁵⁾.

Уваженіе къ Сенекаѣ, замѣтное у нѣкоторыхъ учителей Церкви, перешло и къ писателямъ среднихъ вѣковъ. Второй соборъ въ Турѣ (567) въ своемъ 14-мъ правилѣ приводитъ

¹⁾ „Annaeus quoque Seneca, qui ex Romanis vel accerimus stoicus fuit, quam saepe summum Deum merita laude prosequitur!... quam multa alia de Deo nostris similia locutus est“. Div. inst. 1, 5

²⁾ „Stoici nostro dogmati in plerisque concordant“ In Esai. XI.

³⁾ De viris illustribus, c. 12.

⁴⁾ Epist. 153 (ad Maced. 14). „Merito ait Seneca, qui temporibus Apostolorum fuit cujus etiam quaedam ad Paulum Apostolum leguntur epistolae: „Omnes odit, qui malos odit“.

⁵⁾ „...ne vel laudaret contra suae patriae veterem consuetudinem vel repunderet contra propriam forsitan voluntatem“. De Civ. Dei 6, 10.

одно изъ изреченій Сенеки ¹⁾. Изреченія этого нѣтъ въ наличныхъ сочиненіяхъ Сенеки, но оно находится въ сборникѣ изреченій „de moribus“, который въ большей части своей составленъ изъ изреченій, выбранныхъ изъ сочиненій Сенеки. Сборникъ этотъ приписывается обыкновенно епископу Мартину, современнику турецкаго собора, былъ въ средніе вѣка любимую настольною книгою. Сочиненіе „Imitatio Christi“, появившееся въ концѣ среднихъ вѣковъ, также цитируетъ изреченія Сенеки.

Мнѣніе о значительномъ согласіи стоиковъ съ христіанствомъ находило защитниковъ и во время послѣ возрожденія наукъ (хотя появлялись и противники этого мнѣнія, напримеръ Эразмъ). Густъ Липсіусъ въ своихъ сочиненіяхъ о Сенеке и стоической философіи высказывалъ ту мысль, что сочиненія Сенеки запечатлены христіанскимъ характеромъ. Д. Гюйо (ум. 1721) утверждалъ, что христіанскій догматъ о Троицѣ высказанъ буквально Сенекою. Де-Местръ совпаденіе мыслей Сенеки съ истинами христіанскими считаетъ возможнымъ объяснить только тѣмъ обстоятельствомъ, что Сенека зналъ христіанскіе догматы. Тропловъ (1843) также признаетъ вліяніе христіанства на Сенеку. Такого-же взгляда держатся С. Шмидтъ (1853) и А. Флѣри. А. Флѣри поставилъ задачею своего обширнаго сочиненія научно оправдать то мнѣніе, что Сенека философствовалъ подъ вліяніемъ христіанства. Въ своемъ сочиненіи: *Saint Paul et Sénèque. Recherches sur les rapports du philosophe avec l'apôtre et sur l'infiltration du christianisme naissant a travers le paganisme. Paris 2 vol.* (1853) Флѣри доказываетъ, что Сенека познакомился съ ап. Павломъ во время пребыванія послѣдняго въ Римѣ, находился съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ, даже состоялъ въ перепискѣ съ нимъ и былъ, наконецъ, обращенъ имъ въ христіанство. Свои идеи Сенека, по мнѣнію Флѣри, почерпнулъ изъ книгъ Священнаго Писанія. Для иллюстраціи этой мысли овѣ

¹⁾ „Aliqui laici dum diversa perpetrant adulteria, hoc quod de se sciunt in aliis suspicantur. Sicut ait Seneca pessimum in eo vitium esse qui in id quo insanit caeteros putat furere“.

приводить длинный рядъ параллелей изъ сочиненій Сенеки и изъ книгъ Священнаго Писанія, доказывающихъ большое сходство мыслей Сенеки съ христіанскими. Сочиненіе Флэри вызвало противъ себя горячую полемику со стороны нѣкоторыхъ изслѣдователей. Сильнымъ противникомъ Флэри выступилъ К. Обертинъ въ своемъ сочиненіи: „Etude critique sur les rapports entre Sénèque et saint Paul. Paris. 1857. К. Обертинъ основательно отрицаетъ достовѣрность традиціи, защищаемой Флэри, относительно личнаго знакомства Сенеки съ апостол. Павломъ и доказываетъ, что Сенека могъ придти къ идеямъ, проповѣдуемымъ имъ и безъ вліянія христіанства, такъ какъ подобныя идеи высказывались уже древними философами и поэтами. Къ сожалѣнію, Обертинъ слишкомъ много занимается опроверженіемъ историческихъ соображеній Флэри о личномъ знакомствѣ Сенеки съ апостоломъ Павломъ, вмѣсто того, чтобы опровергать это мнѣніе, главнымъ образомъ, путемъ сравненія воззрѣній Сенеки и апостола Павла. Онъ, хотя и обращаетъ вниманіе на различіе нѣкоторыхъ пунктовъ ученія Сенеки отъ ученія христіанскаго, но не потрудился указать принципиальнаго различія въ цѣломъ стоическомъ системѣ отъ христіанской. Недостатокъ этотъ до нѣкоторой степени постарался восполнить Хр. Бауръ. Въ своемъ сочиненіи: „Seneca und Paulus“, напечатанномъ въ журналѣ Гильгенфельда „Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie“ (1858) и въ другой разъ изданномъ Целлеромъ въ „Drei Abhandlungen zur Geschichte der alten Philosophie und ihres Verhältnisses zum Christenthum“ (1876), Бауръ не признаетъ необходимости и даже возможности объяснять сходство воззрѣній Сенеки съ христіанскими воззрѣніями заимствованіемъ ихъ Сенекою изъ христіанства. Во-первыхъ, противъ Флэри Бауръ указываетъ тотъ фактъ, что когда писалъ Сенека, многія сочиненія нашего каюна, какъ на-примѣръ Евангелія, еще не существовали ¹⁾. Во-вторыхъ, по мнѣнію Баура, хотя между стоицизмомъ Сенеки и христіанствомъ есть значительное сходство, родство, но между ними есть и значительныя различія. Совпаденія нѣкоторыхъ мыслей

¹⁾ Baur. Drei Abbandl. стр. 456.

Сенеки съ христіанствомъ, по Бауру, можно объяснить тѣмъ, что христіанство, кромѣ истинъ положительныхъ, откровенныхъ, имѣетъ истины чисто раціональныя, которыя разумное мышленіе уяснило себѣ и которыя восприняло въ себѣ общее сознаніе. „Поэтому, говоритъ Бауръ, можно-ли удивляться тому, что уже до христіанства и независимо отъ него мыслящіе люди думали и высказывали столь многое изъ того, чему научаетъ насъ христіанство — пусть (оно научаетъ) лучше и опредѣленнѣе и въ другой связи, но тѣмъ-же самымъ образомъ“ ¹⁾ Для признанія положительныхъ христіанскихъ элементовъ у Сенеки мы не имѣемъ никакого достаточнаго основанія, говоритъ Бауръ. Христіанство могло уже существовать вблизи него и дойти до его свѣдѣнія, и однако онъ могъ относиться къ нему совершенно чуждо и равнодушно, подобно тому, какъ очень многихъ, даже Тацита, чисто римское презрѣніе къ іудейству заставляло видѣть и въ христіанствѣ не болѣе того, что они уже привыкли видѣть въ іудействѣ. Поэтому, думаетъ Бауръ, должно только обратиться къ самому стоицизму, чтобы изъ него изъяснить, какъ на такой почвѣ могъ образоваться родственнѣе христіанству образъ мыслей ²⁾. Стоическая система заключала въ себѣ ученіе, по своимъ основнымъ принципамъ, родственное ученію христіанскому. „Такъ какъ Сенека былъ просвѣщеннымъ послѣдователемъ стоической философіи, то можно ближайшимъ образомъ обратиться къ принципамъ этой философіи и опредѣляемому ими направленію духа, чтобы объяснить, почему стоицизмъ во многомъ болѣе или менѣе сходится съ ученіемъ и правилами христіанства. То, что у Сенеки есть аналогичнаго христіанству, есть только дальнѣйшее развитіе находящихся уже въ стоической системѣ элементовъ или, по крайней мѣрѣ, не лежитъ внѣ круга его зрѣнія“ ³⁾. Извѣстный историкъ А. Неандеръ въ своихъ „Vorlesungen über Geschichte der christlichen Ethik“ (1864) старается опредѣлить отношеніе вообще стоицизма къ хри-

¹⁾ Baur Drei. Abbandl. стр. 472.

²⁾ Jbid. стр. 464.

³⁾ Jbid. стр. 466.

стіанству. Изъ разсмотрѣнія морали стоической Неандеръ приходитъ къ тому заключенію, что стоицизмъ правильно поставилъ нравственныя задачи, но что онъ самъ не могъ указать средствъ къ ихъ выполненію. Средства эти дало только христіанство. Для доказательства этой мысли Неандеръ проводитъ параллели между нравственными воззрѣніями, высказанными стоиками, и истинами христіанскими и находитъ между ними совпаденіе (не признавая однакоже причинной зависимости однихъ мыслей отъ другихъ), но совпаденіе только принципиальное, идеальное. Мысли стоической философіи были раскрыты вполне и получили возможность своего осуществленія только въ христіанствѣ. Чтобы показать, какъ Неандеръ ведетъ сопоставленіе стоическаго ученія съ христіанскимъ, мы приведемъ изъ его сочиненія одинъ примѣръ. Сопоставленіе стоицизма и христіанства Неандеръ начинаетъ съ основнаго этическаго принципа. Основнымъ нравственнымъ требованіемъ стоическая философія, говоритъ Неандеръ, признаетъ требованіе жизни, сообразной съ природою. Жизнь, соответствующая природѣ, есть жизнь добрая, добродѣтельная. При этомъ предполагается, что природа отдѣльнаго человѣка есть часть природы міроваго цѣлаго, что законъ для природы цѣлаго и природы человѣка — одинъ, что между тою и другою природою существуетъ гармонія, такъ что человѣкъ можетъ быть добродѣтельнымъ и счастливымъ только повинаясь закону цѣлаго. Такимъ образомъ здѣсь должно быть сознаніе согласія между индивидуальнымъ и цѣлымъ, сознаніе нравственнаго міропорядка, который все подчинилъ нравственному, и цѣлое и частное направляетъ къ одной цѣли. Но эта точка зрѣнія, говоритъ Неандеръ, отсутствуетъ въ стоицизмѣ. Стоицизмъ не могъ дать себѣ яснаго отчета въ томъ, въ чемъ состоитъ *общій* законъ для цѣлаго и частнаго, и впалъ въ противорѣчіе съ собою, такъ какъ позволилъ мудрецу окончить жизнь свою самоубійствомъ, чѣмъ ясно обнаружилъ, что онъ не могъ на практикѣ строго выдержать свой принципъ гармоніи міроваго цѣлаго и природы человѣка. Только христіанство могло привести къ ясному сознанію и осуществленію ту задачу, что каждый отдѣльный человѣкъ долженъ жить въ согласіи со

всеобщимъ закономъ міроваго порядка. Христіанство могло сдѣлать это на основаніи своего живаго теизма и идеи о царствѣ Божіемъ, въ которомъ цѣль и стремленіе частнаго, какъ и міроваго цѣлаго, есть прославленіе Бога. Съ христіанской точки зрѣнія міровое тѣло предвазначено къ тому, чтобы въ немъ открывался и прославлялся Богъ; человѣкъ предвазначенъ къ тому, чтобы воспринимать откровеніе Бога въ природѣ. Христіанство научаетъ насъ, что *весь* міръ предвазначенъ къ представленію царства Божія. Только въ христіанствѣ приходитъ къ сознанію общая задача для всего міра и потому здѣсь только можетъ быть поставлено и выполнено требованіе, чтобы человѣкъ жилъ сообразно со своею истинною индивидуальною природою и въ согласіи съ закономъ міроваго цѣлаго, съ божественнымъ міроуправленіемъ. Стоицизмъ-же, говоритъ Неандеръ, оказывается не въ состояніи свой собственный принципъ привести къ полному осуществленію и этимъ невольно становится указаніемъ (Hinweisung) на христіанство ¹⁾. Нужно, однако, замѣтить, что Неандеръ находитъ нѣкоторыя существенныя различія между стоицизмомъ и христіанствомъ, на примѣръ въ ученіи о злѣ. Но вообще нужно сказать о Неандерѣ, что его приѣмъ сопоставленія стоическаго ученія съ христіанскимъ заводитъ его слишкомъ далеко. Въ исканіи аналогій между стоицизмомъ и христіанствомъ онъ прибѣгаетъ къ натяжкамъ и къ рѣшительно невѣрнымъ положеніямъ. На примѣръ, онъ утверждаетъ, что идеаль стоическаго мудреца мы находимъ осуществленнымъ только во Христѣ. Въ Немъ только стоическая идея мудреца получила свою совершенную реальность ²⁾. Мы потомъ покажемъ насколько невѣрно это утвержденіе Неандера.

Въ 70-хъ годахъ нашего столѣтія рѣшеніе вопроса объ отношеніи стоицизма къ христіанству приняло совершенно новое направленіе. До сихъ поръ одни доказывали, что позднѣйшіе стоики, наиболѣе приближающіеся къ христіанству, по-

¹⁾ A. Neander. Vorlesungen über Geschichte der christlichen Ethik. Herausgegeben von Dr. Erdman 1864, стр. 30—33.

²⁾ Ibid. стр. 39.

заимствовали свои идеи изъ христіанства, другіе старались опровергнуть это мнѣніе. Теперь-же вопросъ поставленъ въ совершенно противоположномъ направленіи. Стали доказывать, что не стоицизмъ позаимствовалъ свои идеи изъ христіанства, но что, наоборотъ, христіанство восприняло въ себя тѣ возрѣнія, которыя были выработаны уже стоическою философіею. По этому взгляду, христіанство не есть явленіе самостоятельное, самобытное, сверхъестественное; оно есть явленіе естественное, продуктъ историческаго развитія человѣчества и выражалось, главнымъ образомъ, изъ стоицизма. Такое мнѣніе высказали: Бинклеръ, Бруно Бауэръ, Вейгольдтъ.

Наша задача будетъ состоять въ томъ, чтобы чрезъ сопоставленіе стоической морали съ христіанскою и разборъ мнѣній, относящихся къ этому предмету, указать истинное отношеніе къ христіанству моральной философіи стоиковъ. Для достиженія этой цѣли мы прежде всего изложимъ съ возможною полнотою самую систему стоической морали, чтобы легче можно было проникнуть въ духъ ея и яснѣе представить себѣ основныя требованія этой морали въ ихъ связи и съ ихъ основаніями. Далѣе, мы сдѣлаемъ сопоставленіе морали стоической съ нравоученіемъ христіанскимъ. Наше сравненіе стоической этики съ христіанскимъ нравоученіемъ будетъ касаться слѣдующихъ пунктовъ: а) общаго характера обоихъ ученій нравственности и б) рѣшенія этими ученіями основныхъ вопросовъ этики: вопроса о высшемъ благѣ, о добродѣтели и нравственномъ идеалѣ и вопроса объ обязанностяхъ человѣка. По каждому изъ этихъ пунктовъ мы будемъ приводить и критически разбирать результаты изслѣдованій ученыхъ отрицательнаго направленія. Наконецъ мы посвятимъ нѣсколько строкъ разсмотрѣнію историческихъ данныхъ, приводимыхъ обыкновенно для доказательства вліянія стоицизма на христіанство въ лицѣ его Основателя и продолжателя Его дѣла—ап. Павла. Въ заключеніе мы постараемся кратко представить тѣ выводы, къ какимъ мы пришли въ рѣшеніи вопроса объ истинномъ отношеніи стоической философіи къ христіанству.

Моральная философія стоиковъ ¹⁾.

Хотя этика и не имѣетъ у стоиковъ такой тѣсной связи съ ихъ метафизикою, какъ это имѣетъ мѣсто въ системахъ другихъ философовъ, однако-жъ она не можетъ быть совершенно отрѣшена отъ нея. Поэтому, приступая къ изложенію этики стоиковъ, мы не можемъ не сказать нѣсколько словъ объ ихъ метафизикѣ ²⁾.

По ученію стоиковъ, все существующее въ послѣднемъ своемъ основаніи выходитъ изъ одного начала. Теплота или огонь есть сила, къ которой мы должны свести жизнь и составъ всего міра. Этотъ огонь, который обозначается еще какъ эфиръ, воздухъ, чаще же какъ дыханіе (*πνευμα*), проникающее всѣ вещи, какъ душа міра, какъ всеобщій разумъ,—называется божествомъ. Божество заключаетъ въ себѣ зародыши всѣхъ вещей и производитъ эти вещи изъ себя по внутреннему не-

¹⁾ Основателемъ стоической школы былъ Зенонъ, родомъ изъ кипрскаго Китіума. Около 320 г. до Р. Хр. Зенонъ пришелъ изъ своего отечества въ Аѳины и здѣсь примкнулъ прежде всего къ цинику Кратею. Но въ цинизмѣ онъ не нашелъ удовлетворенія своимъ нравственнымъ и умственнымъ потребностямъ и скоро оставилъ Кратея. Потомъ онъ, по слѣдствію Діогена Лаэртскаго, слушалъ Стильпона, Ксенократа, Полемона и діалектика Діодора. Послѣ долгаго научнаго приготовленія онъ выступилъ въ качествѣ самостоятельнаго учителя. Свои рѣчи онъ держалъ въ зданіи, наз. *στόα ποιικίλη*. Отсюда его школа получила названіе стоической. Въ началѣ-же послѣдователи Зенона назывались—*Ζηνοῦχοι*. Школа Зенона приобрѣла для себя много послѣдователей и продолжателей. Между ними особенно выдающимися были: Клеанъ изъ Ассоса въ Троадѣ, дѣятельность котораго падаетъ на четвертое и пятое десятилѣтіе третьяго вѣка; Хризиппъ изъ Киликіи (280—205 гг. до Р. Хр.), старавшійся научно обосновать и изложить стоическую систему; Зенонъ изъ Тарса, Діогенъ изъ Селевкии, Антипатръ изъ Тарса, Боэцій, Панэцій (185—110 г. до Р. Хр.) изъ Родоса и Посидоній (ум. ок. 50—46 г. до Р. Хр.) изъ Апамен. Уже во второмъ столѣтіи до Р. Хр. стоическая философія сдѣлалась извѣстною и Римлянамъ. Самыми извѣстными стоиками римскими были Л. А. Сенека, Музоній, Эпиктетъ и М. Аврелій. Всѣ они принадлежатъ времени послѣ Рожд. Христ.

²⁾ Изложеніе стоической системы представляетъ не мало затрудненій. Дѣло въ томъ, что всѣ сочиненія болѣе древнихъ стоиковъ уже рано утеряны. Отъ нѣкоторыхъ стоиковъ мы имѣемъ только незначительные отрывки. Если-же мы имѣемъ связныя произведенія позднѣйшихъ стоиковъ—Сенеки, Эпиктета, М. Аврелія, Гераклита, Корнута, то по нимъ мы все-таки не можемъ возстановить

измѣнному закону. Стоики говорятъ часто о божествѣ, какъ о сущности отдѣльной отъ міра. Они въ образованіи міра различаютъ божество и первоматерію ¹⁾. Божество или первосила опредѣляется ими какъ душа міра, какъ высочайшій разумъ, какъ благодѣтельное и дружественное къ человѣку существо. Въ мірѣ, какъ и въ каждомъ сложномъ существѣ, отъ остальныхъ частей, говорятъ стоики, должна быть отличаема господствующая часть, въ которой должно обитать совершенство, приличествующее всему міру. Мѣстопробываніе этой господствующей надъ міромъ силы большинство стоиковъ полагали на небѣ. Однако нельзя не видѣть изъ ученія стоиковъ, что между божествомъ и матерією, вообще—міромъ у нихъ нѣтъ никакого реального различія. Въ самомъ дѣлѣ, стоическое понятіе о божествѣ заключаетъ въ себѣ двѣ стороны—физическую и духовную. Въ выраженіяхъ стоиковъ о божествѣ сильнѣе выступаетъ то матеріальная, то духовная сторона понятія; обыкновенно же обѣ связываются въ однихъ выраженіяхъ. Бо-

первоначального стоическаго ученія. Эти стоики жили во времена римскихъ императоровъ, когда всѣ философскія школы начали поддаваться чуждымъ вліяніямъ и воспринимать въ себя чуждые элементы. Слѣдовательно сочиненія стоическихъ философовъ этого времени не могутъ сообщить намъ стоическаго ученія въ его чистомъ видѣ. Въ виду этого намъ приходится при изложеніи стоической философіи ограничиваться, главнымъ образомъ, тѣми свѣдѣніями, какія даютъ о стоикахъ посредствующіе источники стоическаго ученія: Цицеронъ, Плутархъ, Діогенъ Лаэртскій и др. При этомъ мы, конечно, не можемъ точно опредѣлить ученія каждого философа въ отдѣльности, а можемъ только представить общее ученіе стоиковъ, отмѣчая тѣ различія въ ученіи отдѣльныхъ философовъ, установить которыя позволяютъ намъ наши источники.

Есть еще одно неблагопріятное обстоятельство, съ которымъ мы встрѣчаемся при изложеніи стоической философіи; обстоятельство это вытекаетъ изъ характера нашихъ источниковъ стоическаго ученія. Свѣдѣнія, какія намъ передаютъ извѣстные писатели,—отрывочны. Намъ сообщаются обыкновенно только отдѣльныя научныя положенія стоиковъ. Внутреннюю-же связь этихъ положеній ихъ первоначальные мотивы мы должны, по большей части, восполнять собственными заключеніями.

При написаніи этой главы мы пользовались слѣдующими источниками и пособиями: сочиненіями Сенеки, Цицерона, Діогена Лаэртскаго; исторією философіи Ибервега, изложеніемъ стоической философіи Вейгольда и, главнымъ образомъ, исторією греческой философіи Целлера (3-й т.).

¹⁾ Diog. l. VII, 134; Seneca, ep. 65.

жество описывается какъ огонь, какъ эфиръ, какъ воздухъ, какъ проникающее всѣ вещи дыханіе. Но оно описывается также какъ душа или разумъ міра, какъ связь вещей, всеобщій законъ, природа, судьба, провидѣніе, какъ совершенное, всеблагое, всевѣдущее существо. Наконецъ, того и другаго рода опредѣленія соединяются въ утверженіи, что божество есть огненный разумъ міра, духъ въ матеріи, всепроникающее разумное дыханіе, образующій вещи огонь. Единство бога и матеріи, духовнаго и тѣлеснаго для стоиковъ вытекало уже изъ ихъ общаго воззрѣнія, по которому реально можетъ существовать только тѣлесное, вещественное ¹⁾. Такимъ образомъ матерія и божество, по ученію стоиковъ, въ сущности одно и то же существо; оно называется матеріею безъ свойствъ, если оно мыслится, какъ общій субстратъ, мыслимое же какъ дѣйствующая сила, оно называется всепроникающимъ эфиромъ, всеогрѣвающимъ огнемъ, воздухомъ, природою, міровою душою, міровымъ разумомъ, провидѣніемъ, судьбою, божествомъ, Зевсомъ или волею Зевса ²⁾. „Вещество и сила, матерія и форма здѣсь не различны первоначально принципы, какъ у Аристотеля, хотя онѣ и связаны отъ вѣчности; но формирующая сила живетъ въ матеріи, какъ такой, она и сама по себѣ есть вѣчно тѣлесное, она совпадаетъ съ эфиромъ или съ огненнымъ веществомъ, съ пневмою. Противоположность дѣйствующихъ причинъ и вещества, божества и матеріи сводится, посему, къ противоположности *πνεύμα* и остальныхъ веществъ. Но эта противоположность вовсе не есть первоначальная и послѣдняя: по стоическому ученію, всѣ частныя вещества только въ теченіи времени развиваются изъ первоогня или божества, и они

¹⁾ Diog. VII, 148: οὐσίαν δε θεοῦ Ζήνων μὲν φησι τὸν ὅλον κόσμον καὶ τὸν οὐρανόν.

²⁾ Sen. Quaest. natur. LII, 45... Cui (т. е. Iovi) nomen omne convenit. Vis illum fatum vocare? non errabis. Hic est eaquo suspensa sunt omnia, ex quo sunt omnes causae causarum. Vis illum Providentiam dicere? recte dices. Est enim, cujus consilio huic mundo providetur, ut inconfutus eat, et actus suos explicet. Vis illum Naturam vocare? non peccabis. Est enim, ex quo nata sunt omnia, cujus spiritu vivimus. Vis illum vocare mundum? non falleris. Ipse enim est totum, quod vides, totus suis partibus inditus et se sustinens vi sua.

въ концѣ каждаго міроваго періода снова разрѣшаются въ него“ ¹⁾). Божество есть первоогнь, содержащій въ себѣ Бога и матерію какъ элементы. Отсюда видно, что стоическая система склоняется къ пантеистическому понятію о Богѣ.

Въ происхожденіи и существованіи міра господствуетъ абсолютная необходимость, которая тождественна съ законообразностью природы, съ божественнымъ разумомъ; эта необходимость есть судьба (*είμαρμένη*) и вмѣстѣ провидѣніе, управляющее всѣмъ. Понятія: міровой разумъ, природа, всеобщій законъ, провидѣніе, судьба означаютъ одно и то же: единую, всеопредѣляющую съ абсолютною законосообразностью, весь міръ проникающую первосилу. Абстрактныя выраженія: законъ, провидѣніе, судьба имѣютъ для стоиковъ совершенно реальное значеніе и служатъ обозначеніемъ первоначально не простыхъ формъ міроваго течения и міроваго устройства, но субстанціального существа міра, какъ силы, господствующей надъ всѣмъ частнымъ. Различіе между ними можетъ состоять только въ томъ, что эти три понятія представляютъ одно первоначальное существо на различныхъ ступеняхъ его развитія и откровенія ²⁾). Изъ этого первосущества развиваются отдѣльныя вещи съ необходимостью. Такимъ образомъ, все въ мірѣ происходитъ вслѣдствіе естественной и неизмѣнной связи причинъ и слѣдствій, такъ, какъ требуетъ того природа и законъ цѣлаго. Что касается человѣка, то и онъ не долженъ быть исключеніемъ изъ этого всеобщаго міроваго порядка. Божественная сила, господствующая въ мірѣ, не могла-бы быть дѣйствительною абсолютною причиною всѣхъ вещей, если-бы въ мірѣ существовали явленія, независимыя отъ нея. Съ этой точки зрѣнія стоицизмъ не могъ допустить свободы воли человѣка. Но такъ какъ такимъ детерменизмомъ воли уничтожалось нравственное вмѣненіе и вообще всякое нравственное достоинство человѣческихъ поступковъ, а между тѣмъ стоики очень высоко ставили исполненіе нравственныхъ требованій, то имъ необходимо было какъ нибудь примирить возможность

¹⁾ Zeller. Die Philosophie d. Griechen. 3 Theil. стр. 145.

²⁾ Ibid.

нравственнаго вмѣненія и оцѣнки человѣческихъ поступковъ съ господствующею въ мірѣ абсолютною необходимостью. Въ виду этого они хотя и не признавали свободы воли въ собственномъ смыслѣ, однако держались того мнѣнія, что всякій поступокъ опредѣляется связью вещей и причинами, лежащими въ свойствахъ самого поступающаго, такъ что онъ (поступокъ) свободенъ и вытекаетъ изъ собственнаго влеченія и рѣшенія человѣка. Свобода воли человѣка состоитъ только въ томъ, что воля опредѣляется не со внѣ, но подъ воздѣйствіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, своею собственною природою. Конечно, это пониманіе свободы воли человѣка не безъ труда могло мириться съ общимъ міровоззрѣніемъ стоиковъ. Вообще же въ ученіи о человѣкѣ стоики остались вѣрными общимъ началамъ своей метафизики. Какъ духъ, вообще по ученію стоиковъ, есть огненное дыханіе, такъ и человѣческая душа описывается стоиками то какъ огонь, то какъ дыханіе, то точнѣе, какъ теплое дыханіе, которое должно распространяться по тѣлу. Душа по существу своему едипа. Το ἡγεμονικόν (т. е. разумъ) есть основная сила, всѣ остальные силы суть производныя. Ощущеніе и желаніе—не самостоятельныя способности души, но сводятся къ ἡγεμονικόν. — Частная душа такъ относится къ міровой душѣ, какъ часть къ цѣлому. Душа человѣка составляетъ часть и истеченіе изъ общей жизненной силы. Вслѣдствіе своей разумности она стоитъ въ особомъ родственномъ отношеніи къ божественному существу; это родственное отношеніе тѣмъ сильнѣе выступаетъ, чѣмъ исключительнѣе въ насъ господствуетъ божественное, или разумъ. Судьба души человѣческой тѣсно связана съ судьбою цѣлаго міра,—и она, по общему ученію стоиковъ, въ концѣ міроваго времени должна возвратиться въ первовещество, или божество. По смерти всѣ души, по мнѣнію Клеанѳа, по Хризиппу-же, только души мудрыхъ продолжаютъ жить до конца міра. Мнѣніе Сенеки колеблется между признаніемъ безсмертія души и отрицаніемъ его.

Рѣшеніе трехъ важнѣйшихъ вопросовъ метафизики, вопросовъ о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ имѣетъ для стоиковъ не столько теоретическій интересъ, сколько практическое значеніе. Существенная

цѣль философіи лежитъ, по мнѣнію стоиковъ, въ нравственномъ поведеніи человѣка. Для того, чтобы человѣкъ могъ жить и дѣйствовать надлежащимъ образомъ въ мірѣ, ему необходимо научно познать этотъ міръ. Человѣкъ можетъ устроить счастье своей жизни только въ томъ случаѣ, если онъ постигнетъ законы міроваго устройства и будетъ стараться слѣдовать этимъ законамъ ¹⁾. Человѣкъ—часть міроваго цѣлаго, поэтому онъ долженъ подчиняться законамъ этого цѣлаго. Отсюда вытекаетъ основной принципъ стоической этики: только жизнь, сообразная съ природою, есть жизнь добродѣтельная и потому счастливая. Философія должна научить человѣка этой сообразной съ природою жизни, она должна руководить его къ правильному поведенію, къ добродѣтели. Въ этомъ пунктѣ своего ученія стоики приближались къ Сократу. Подобно Сократу, они учили о необходимости званія для добродѣтели; они даже опредѣляли добродѣтель какъ знаніе, порокъ какъ незнаніе. Не только философія, говорили они, есть добродѣтель, но безъ философіи и невозможна добродѣтель ²⁾.

Итакъ высшее благо или счастье, по ученію стоиковъ, заключается въ добродѣтели или дѣятельности, сообразной съ природою, съ разумомъ. Это положеніе свое стоики доказывали слѣдующимъ образомъ. Общее основное стремленіе всѣхъ существъ есть стремленіе къ самосохраненію ³⁾. Каждое существо стремится къ тому, что сообразно съ его природою. Такъ какъ въ человѣкѣ главная составная часть—разумъ, то сообразная съ природою его жизнь есть жизнь, сообразная съ его разумомъ. Но разумъ человѣческой есть часть разума міроваго ⁴⁾, поэтому для него можетъ быть сообразнымъ съ его природою только то, что сообразно съ міровымъ разумомъ, со всеобщимъ закономъ, господствующимъ въ мірѣ ⁵⁾. Жить

¹⁾ Sen. ep. 66: Quid est ergo ratio? Naturae imitatio. Quod est summum hominis bonum? Ex naturae voluntate se gerere.

²⁾ Sen. ep. 89: Nec philosophia sine virtute est, nec sine philosophia virtus est.

³⁾ Diog. L. VII, 85.

⁴⁾ Sen. ep. 66: Ratio autem nihil aliud est, quam in corpus humanum pars divini spiritus mersa.

⁵⁾ Diog. L. VII, 88.

сообразно съ своею собственною природою или разумно жить и жить сообразно съ природою вообще—для стоиковъ означаетъ одно и то же понятіе, именно, что жизнь отдѣльнаго человѣка приближается къ цѣли счастья или удаляется отъ нея въ той мѣрѣ, въ какой она согласна со всеобщими законами міровой жизни и законами разумной человѣческой природы, или идетъ же въ разрѣзъ съ ними ¹⁾. Эта разумность жизни или согласіе со всеобщимъ міровымъ порядкомъ есть добродѣтель. „Посему стоическій моральный принципъ можетъ быть кратко выраженъ въ положеніи, что только одна добродѣтель—благо; счастье состоитъ исключительно въ добродѣтели. Или, если благо опредѣлить, по примѣру Сократа, какъ полезное, то должно сказать: только добродѣтель—полезна, польза неотдѣлима отъ обязанности; напротивъ, для дурныхъ людей нѣтъ ничего полезнаго, ибо для разумнаго существа добро и зло имѣетъ основаніе не въ томъ, что съ нимъ случается, но единственно въ его дѣйствіи. Такимъ образомъ здѣсь проглядываетъ такое воззрѣніе на жизнь, по которому счастье непременно совпадаетъ съ добродѣтелью, доброе и полезное съ дѣятельностью, сообразною съ обязанностию и разумомъ“ ²⁾.

Благомъ, по ученію стоиковъ, можетъ быть названо лишь то, что *само по себѣ* имѣетъ безусловную цѣну, чтò-же имѣетъ только относительное достоинство, то не заслуживаетъ этого имени. Различіе между добрымъ и недобрымъ заключается не только въ степени, но и въ родѣ; чтò само по себѣ не составляетъ блага, то не можетъ быть такимъ ни при какихъ

¹⁾ Diog. L. VII, 87: διόπερ πρῶτος ὁ Ζήνων ἐν τῷ περὶ ἀνθρώπου φύσεως τέλος εἶπε τὸ ὁμολογουμένως τῇ φύσει ζῆν, ὅπερ ἐστὶ κατ'ἀρετὴν ζῆν· ἄγει γὰρ πρὸς ταύτην ἡμᾶς ἡ φύσις. Ὀμίως δὲ καὶ Κλεάνθης ἐν τῷ περὶ ἡδονῆς καὶ Ποσειδώνιος καὶ ἑκάτων ἐν τοῖς περὶ τελῶν· πάλιν δ' ἴσον ἐστὶ τὸ κατ' ἀρετὴν ζῆν τῷ κατ' ἐμπειρίαν τῶν φύσει συμβαινόντων ζῆν, ὡς φησὶ Χρυσίππος ἐν τῷ πρώτῳ περὶ τελῶν· μέρη γὰρ εἰσὶν αἱ ἡμέτεραι φύσεις τῆς τοῦ ὄλου. Sen. ep. 41: Quid est autem quod ab illo (homine) ratio haec exigit? Rem facillimam: secundum naturam suam vivere.

²⁾ Ed. Zeller. Die Philosophie d. Griechen. 3 Theil, стр. 212.

обстоятельствахъ. Зло такъ-же не различается въ степени, какъ и добро. Зло, какъ и добро, можетъ быть только абсолютнымъ. Добродѣтель есть абсолютное благо, порокъ есть абсолютное зло. Остальныя вещи не относятся ни къ нравственно доброму, ни къ нравственно злему; онѣ нравственно безразличны (*ἀδιάφορα*). Къ безразличному стойки причисляютъ все то, что не вполнѣ зависитъ отъ насъ самихъ: красоту, почести, богатство, здоровье и даже самую жизнь, равнымъ образомъ и противоположное всему этому: безобразіе, позоръ, бѣдность, болѣзнь, смерть. Человѣка дѣлаетъ вполнѣ счастливымъ только добродѣтель. Ничто другое не можетъ вліять на его счастье. Всего менѣе удовольствіе можетъ быть признано благомъ или послѣднею высшею цѣлью жизни. Хотя исполненіе нравственныхъ обязанностей и сопровождается внутреннимъ удовлетвореніемъ, ясностью и спокойствіемъ духа, и только мудрецъ испытываетъ истинную радость ¹⁾, однако это наслажденіе нравственнымъ превосходствомъ не должно быть разсматриваемо какъ *цѣль*, а только какъ *слѣдствіе* добродѣтельной дѣятельности. Нельзя думать, что удовольствіе необходимо связано съ добродѣтелью. Удовольствіе и добродѣтель различны по существу. Добродѣтель можетъ быть соединена съ огорченіями, напротивъ дурной поступокъ можетъ сопровождаться удовольствіемъ. Добродѣтель возвышенна, удовольствіе низко и преходяще. Поэтому удовольствіе никогда не должно служить мотивомъ нашихъ поступковъ. Добродѣтель въ себѣ самой заключаетъ всѣ условія счастья ²⁾. И такъ какъ добродѣтельная дѣятельность вытекаетъ только изъ разумнаго самоопредѣленія, то человѣкъ сознаетъ себя въ этой дѣятельности независимымъ отъ всего внѣшняго, свободнымъ и находящимъ удовлетвореніе въ самомъ себѣ. Самую высшую цѣну для стойковъ имѣетъ свобода отъ душевныхъ возмущеній, безусловная твердость и увѣренность въ себѣ. Отсюда видно, что счастье человѣка понимается стойками болѣе въ отрицательномъ смы-

¹⁾ Sen. ep. 23; 27; 59; Vita beata 3, 4. De ira 11, 6.

²⁾ Diog. L. VII, 127: αὐτάρχη τε εἶναι αὐτῶν (т. е. ἀρετῆν) πρὸς εὐδαιμονίαν.

слѣ, какъ независимость и свобода отъ сильныхъ душевныхъ движеній, какъ душевный покой, чѣмъ въ положительномъ смыслѣ наслажденія, слѣдующаго за нравственною дѣятельностью. „Въ покоѣствіи духа, говоритъ Цицеронъ, когда онъ высказывается, какъ стоикъ, заключается несчастіе; въ его успокоеніи—счастіе. Чего можетъ недоставать для счастія тому, спрашиваетъ онъ, котораго его собственное мужество охраняетъ отъ печали и страха, его самообладаніе—отъ страстнаго удовольствія и желанія“ ¹⁾. Быть свободнымъ отъ покоѣствія, говоритъ Сенека, есть особенное преимущество мудреца ²⁾.

Человѣкъ счастливъ при томъ условіи, если онъ стремится къ достиженію высочайшаго блага; благо это, обоснованное во всеобщемъ міровомъ порядкѣ, имѣетъ для человѣка значеніе закона. Но этотъ-же самый законъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и законъ его собственной природы. Посему нравственныя требованія разума должны быть признаны требованіями всеобщаго міроваго закона; въ нихъ стоики видѣли заповѣдующій и запрещающій законъ божества ³⁾. Такимъ образомъ божественный законъ служитъ основаніемъ закона человѣческаго; нравственный и юридическій законы имѣютъ своимъ основаніемъ заповѣдь божества, имѣющую для всякаго разумнаго существа безусловное значеніе. Третья этихъ законовъ не только поставляются человѣку со внѣ, но заложены и въ его собственной природѣ. Благо, такимъ образомъ, есть естественный предметъ его желанія и стремленія.

Однакожъ человѣкъ не всегда старается осуществить въ своей жизни это благо. Причиною такого ненормальнаго въ человѣкѣ явленія служитъ то обстоятельство, что въ немъ, кромѣ разумныхъ влеченій, есть еще и неразумныя—аффекты. Человѣкъ лишь постепенно становится добродѣтельнымъ чрезъ препобѣжденіе аффектовъ. Аффектъ, или страсть есть движеніе души противоразумное и противоестественное, влеченіе,

¹⁾ Tusc. V, 15, 43. 14, 42.

²⁾ De const. sapientis 13, 5.

³⁾ Diog. VII, 88; Cic. Leg. 1, 6.

которое переступаетъ правильную мѣру ¹⁾. Аффекты, какъ всѣ вообще влеченія, суть извѣстнаго рода состоянія разума (ἡγεμονικόν). Впрочемъ это не то значить, что аффектъ есть простое теоретическое состояніе; въ этомъ понятіи ясно мыслятся и слѣдствія ложнаго представленія—чувства и движенія воли, вызываемыя этимъ представленіемъ. Такъ какъ всѣ наши влеченія относятся къ благу и злу и состоятъ въ стремленіи къ тому, что намъ кажется благомъ, и въ противодѣйствіи тому, что мы представляемъ себѣ, какъ зло, а между тѣмъ эти блага и бѣдствія относятся какъ къ настоящему времени, такъ и къ будущему, то стоики различали четыре класса ложныхъ представленій и соотвѣтственно имъ четыре рода главныхъ аффектовъ. Изъ неразумнаго мнѣнія о благахъ настоящаго времени (наличныхъ) проистекаетъ удовольствіе; изъ неправильнаго представленія о будущихъ благахъ—желаніе. Точно такъ-же изъ невѣрнаго представленія настоящаго зла происходитъ огорченіе, печаль, а изъ невѣрнаго представленія о будущемъ—злѣ страхъ. Ученіе объ аффектахъ очень важно въ системѣ морали стоиковъ. Отсюда стоики выводили нравственную задачу человѣка и идеаль добродѣтельнаго человѣка. „Аффекты, говоритъ Целлеръ, суть влеченія, которыя переступаютъ естественную мѣру, нарушаютъ правильное отношеніе душевныхъ силъ, противорѣчатъ разуму, они, однимъ словомъ, суть заблужденія, нарушенія духовнаго здоровья, и, если обращаются въ привычку, то становятся положительно душевными болѣзнями. Поэтому со стоической точки зрѣнія могло быть требуемо только полное подавленіе ихъ, и только тамъ, гдѣ это подавленіе удалось, можетъ быть признана истинная добродѣтель“ ²⁾. Мудрецъ, т.-е. по мнѣнію стоиковъ добродѣтельный человѣкъ, свободенъ отъ аффектовъ ³⁾. Нужно, од-

¹⁾ Diog. VII, 110: ἔστι δὲ αὐτὸ τὸ πάθος κατὰ Ζήνωνα ἢ ἄλογος καὶ παρὰ φύσιν ψυχῆς κίνησις ἢ ὄρμη πλευνάζουσα. Sen. ep. 75: Affectus sunt motus animi improbabilis, subiti et concitati, qui, frequentes neglectique fecere morbum...

²⁾ Zeller. Die Philosophie d. Griechen. Dritter Theil. стр. 232.

³⁾ Diog. VII, 117: φασὶ δὲ καὶ ἀπαθῆ εἶναι τὸν σοφόν, διὰ τὸ ἀνεμπτώτατον εἶναι.

накожь, замѣтитъ, что здѣсь апатія понимается не въ смыслѣ безчувствія. Мудрецъ чувствуетъ, на примѣръ, боль, но только онъ не считаетъ ее зломъ и не поддается давленію ея. Его могутъ безчестить, но онъ можетъ сознавать себя нравственно чистымъ и не обращаетъ вниманія на мнѣніе толпы. Словомъ, онъ долженъ быть выше всѣхъ бѣдствій, которыя не могутъ нанести вреда его нравственному достоинству.

Но мудрецъ не только не испытываетъ сильныхъ движеній духа отъ внѣшнихъ вліяній, дѣйствующихъ непосредственно на него самого,—не страдаетъ, не мучится, онъ не можетъ быть тронутъ даже страданіями другихъ людей; онъ не испытываетъ состраданія по отношенію къ другимъ ¹⁾. Снисхожденія къ слабостямъ другихъ людей онъ также не можетъ допустить ²⁾.

Съ этой точки зрѣнія добродѣтель ближе опредѣляется стойками отрицательно, какъ свобода отъ аффектовъ, какъ апатія. Положительное-же опредѣленіе добродѣтели можетъ быть выражено такъ: добродѣтель состоитъ въ подчиненіи всеобщему закону природы, или еще иначе: добродѣтель есть сообразное съ разумомъ самоопредѣленіе; оба опредѣленія добродѣтели совпадаютъ одно съ другимъ. Подчиненіе всеобщему закону природы возможно только подъ условіемъ дѣятельности сообразной съ разумомъ. Добродѣтель—исключительно дѣло разума—она сама не что иное, какъ правильно устроенный разумъ ³⁾. Вслѣдствіе этого въ добродѣтели можно различать два элемента: теоретическій и практическій. Всякій добродѣтельный поступокъ, т. е. сообразный съ разумомъ поступокъ, долженъ

¹⁾ Diog. VII, 123: Ἐλεήμονας τε μὴ εἶναι συγγνώμην τε ἔχειν μηδενί. Sen. De clement. II, V: ita clementiam mansuetudinemque omnes boni praestabunt, misericordiam autem vitabunt. Est enim vitium pusilli animi, ad speciem alienorum malorum succedentis... Misericordia est aegritudo animi.

²⁾ Diog. VII, 123; Sen. de clem. II, 5: Objicitur enim illi, quod sapientem negat misereri, negat ignoscere. Haec si per se ponantur, invisae sunt; videntur enim nullam spem relinquere humanis erroribus, sed omnia delicta ad poenam deducere.

³⁾ Cic. Tusc. IV, 15: ipsa virtus brevissime recta ratio dici potest. Sen. ep. 113: virtus autem nihil aliud est, quam animus quodam modo se habens Ep. 66: virtus non aliud quam recta ratio est.

имѣть своимъ основаніемъ и условіемъ познаніе; добродѣтель, какъ выше сказано, опредѣляется стойками какъ знаніе, порокъ, какъ незнаніе ¹⁾. Приобрѣтая познанія, человѣкъ, по мнѣнію стоиковъ, научается добродѣтели ²⁾. Однакожъ для стоиковъ имѣеть важность не знаніе само по себѣ, но только такое знаніе, которое осуществляется человѣкомъ въ жизни. Знаніе должно служить только средствомъ для сообразнаго съ разумомъ поведенія. Такимъ образомъ добродѣтель является соединеніемъ теоретическаго и практическаго элементовъ. Съ одной стороны, для добродѣтели необходимо научное познаніе, съ другой стороны, это познаніе должно имѣть свою цѣль въ нравственномъ поведеніи человѣка. Добродѣтель есть сила воли, основывающаяся на разумномъ воззрѣніи. Оба элемента—теоретическій и практическій тѣсно соединены другъ съ другомъ: ни добродѣтель не можетъ быть мыслима безъ науки, ни наука—безъ добродѣтели. Они представляютъ собою одно цѣлое и притомъ такое, въ которомъ ни одинъ элементъ не можетъ быть различаемъ какъ основной, или первоначальный.

Итакъ, добродѣтель можно опредѣлять и какъ знаніе и какъ силу духа. То и другое опредѣленіе выражаетъ одно и то-же понятіе. Если-же добродѣтель вообще есть знаніе, то частныя добродѣтели должны быть видами этого знанія. Дѣйствительно, стойки сводили всѣ отдѣльныя добродѣтели къ знанію. Корень всѣхъ добродѣтелей лежитъ въ знаніи или мудрости, какъ наукѣ о божественномъ и человѣческомъ. Изъ этого общаго источника выходитъ множество добродѣтелей, которыя стойки, по примѣру Платона, соединяли въ четыре основныхъ добродѣтели: благоразуміе (*φρόνησις*), мужество (*ἀνδρεία*), справедливость (*δικαιοσύνη*) и самообладаніе (*σωφροσύνη*) ³⁾. Благоразуміе есть знаніе того, что—добро и что—зло, и того, что не мо-

¹⁾ Diog. VII, 98: εἶναι δ' ἀγνοίας τὰς κακίας, ὧν αἱ ἀρεταὶ ἐπιστῆμαι.

²⁾ Ibid. VII, 91: διδακτὴν τε εἶναι αὐτήν, λέγω δὲ τὴν ἀρετήν, καὶ Χρῦσιππος ἐν τῷ πρώτῳ περὶ τέλους φησὶ καὶ Κλεάνθης καὶ Ποσειδώνιος ἐν τοῖς προτρεπτικοῖς καὶ ἐχάτων. ὅτι δὲ διδακτὴ ἐστὶ, ὀφλόν ἐκ τοῦ γίνεσθαι ἀγαθούς ἐκ φαύλων.

³⁾ Ibid. L. VII, 92.

жетъ быть ни добромъ, ни зломъ. Мужество есть знаніе того, что должно терпѣть, и того, чего не должно терпѣть, оно есть повиновеніе всеобщему закону, соединенное съ твердостью и терпѣніемъ. Справедливость есть знаніе или умѣніе воздавать каждому по его заслугамъ. Самообладаніе есть знаніе того, что должно избирать и чего избѣгать, и того, чего не должно ни избирать, ни избѣгать. Соотвѣтственно такому опредѣленію главныхъ добродѣтелей, и главные пороки были сведены къ понятію незнавія. Главныхъ пороковъ — четыре; они составляютъ противоположность четыремъ добродѣтелямъ: неблаго-разуміе (ἀφροσύνη), трусость (δελία), неумѣренность (ἀκολασία) и несправедливость (ἀδικία) ¹⁾. Какъ добродѣтели, такъ и пороки раздѣляются далѣе на подвиды.

Не смотря на то, что отдѣльныхъ добродѣтелей много, добродѣтель по существу своему едина. Различныя добродѣтели относятся между собою только какъ виды внутри одного рода. Всѣ онѣ имѣютъ одну цѣль, къ осуществленію которой стремятся различными путями, и всѣ предполагаютъ одинаковое нравственное намѣреніе и убѣжденіе. Правда, каждая добродѣтель имѣетъ свою особую, спеціальную цѣль, къ которой она ближайшимъ образомъ направляется. Но эти частныя цѣли, въ свою очередь, служатъ средствомъ къ осуществленію одной общей цѣли, такъ что ни одна добродѣтель не можетъ преслѣдовать своей цѣли, не преслѣдуя вмѣстѣ съ тѣмъ (eo ipso) цѣлей всѣхъ другихъ добродѣтелей. Поэтому ни одна добродѣтель не можетъ быть отдѣлена отъ другой; гдѣ одна добродѣтель, тамъ находятся и всѣ другія и, наоборотъ, гдѣ — одинъ порокъ, тамъ и всѣ другіе пороки ²⁾. Даже въ каждомъ отдѣльномъ поступкѣ содержатся всѣ добродѣтели, потому что этотъ поступокъ выходитъ изъ нравственнаго свойства, заключающаго въ себѣ всѣ добродѣтели; свойство это есть намѣреніе, или внутреннее настроеніе.

Намѣреніе сообщаетъ нравственное достоинство поступкамъ и имѣетъ значеніе равное дѣлу. Воля, склонная къ добру, но

¹⁾ Diog. L. VII, 39.

²⁾ Ibid. L. VII, 125.

не имѣющая средствъ къ выполнению требованій нравственнаго закона, имѣетъ такое-же достоинство, какъ и самое дѣло; дурное желаніе такъ-же преступно, какъ и его выполнение. Такимъ образомъ добродѣтельный поступокъ долженъ быть не только добръ самъ по себѣ, но долженъ еще вытекать изъ добраго намѣренія. Совершенное выполнение обязанностей (*κατόρθωμα*) должно основываться не только на объективномъ согласіи нашихъ поступковъ съ нравственнымъ закономъ, но непременно должно вытекать изъ нравственно совершеннаго характера. Такъ какъ всѣ добродѣтели составляютъ одво нераздѣльное цѣлое, то и нравственный характеръ можетъ или принадлежать человѣку вполнѣ, или-же вовсе не принадлежать. Поэтому, кто имѣетъ честное намѣреніе, у кого образовалось постоянное нравственное настроеніе, тотъ вполнѣ обладаетъ добродѣтелью; у кого нѣтъ такого нравственнаго характера, у того совершенно нѣтъ добродѣтели. Добродѣтель неспособна ни къ увеличенію, ни къ уменьшенію, и между добродѣтелью и порочною нѣтъ ничего средняго. Если намѣреніе можетъ быть только или добрымъ или худымъ, то это же самое имѣетъ значеніе и относительно поступковъ; хорошій поступокъ безусловно похваленъ, дурной—безусловно преступенъ. Между добродѣтельною жизнью и порочною находится абсолютная противоположность, такъ что, если поведеніе человѣка не соответствуетъ нравственному масштабу, то оно совершенно противорѣчитъ ему ¹⁾. Вслѣдствіе этого и между людьми возможно только абсолютное нравственное различіе, абсолютная противоположность. Люди могутъ быть или вполнѣ добродѣтельными, или вполнѣ порочными. Внутри же каждаго изъ этихъ двухъ классовъ нѣтъ никакого различія въ степени ²⁾. Такъ какъ добродѣтельнымъ человѣкомъ можетъ быть только мудрый, а немудрый—необходимо порочный человѣкъ, то совокупность всѣхъ людей распадается для стоиковъ на два класса: мудрецовъ и глупцовъ. Въ мудреца соединены всѣ добродѣтели; это высшій нравственный идеалъ стоиковъ, выраженный

¹⁾ Diog. VII, 120.

²⁾ Ibid. VII, 127; Sen. ep. 66; ep. 79.

въ конкретномъ образѣ. Мудрецъ свободенъ отъ всѣхъ недостатковъ и заблужденій; онъ имѣетъ обо всемъ правильное мнѣніе и всегда поступаетъ сообразно съ этимъ мнѣніемъ. Напротивъ того, немудрый одержимъ всѣми недостатками, не владѣетъ никакимъ истиннымъ познаніемъ и поему нравственно неразвитъ, употребляетъ насиліе, неблагодаренъ и т. д. ¹⁾. Подобно циникамъ, стоики любили выражать это совершенство мудреца, въ противоположность абсолютной порочности глупца, въ извѣстныхъ парадоксахъ. Только мудрецъ истинно свободенъ, говорятъ стоики, потому что онъ опредѣляетъ себя къ дѣйствию изъ самого себя ²⁾; только мудрецъ прекрасенъ, потому что только добродѣтель истинно прекрасна и достойна любви; только онъ богатъ и счастливъ, потому что духовныя блага—самыя цѣнныя; истинное богатство состоитъ въ отсутствіи потребностей; мудрецъ даже абсолютно богатъ, ибо, кто имѣетъ истинный взглядъ на вещи, тотъ все держитъ въ своемъ духовномъ владѣніи и дѣлаетъ изъ всего правильное употребленіе; такой человѣкъ относится ко всему, какъ собственникъ. Только мудрецы умѣютъ повиноваться, но и они только умѣютъ господствовать; поэтому только они—истинные цари, полководцы, кормчіе и т. д.; равнымъ образомъ они единственные ораторы, поэты, прорицатели и т. д.; и такъ какъ только ихъ взглядъ относительно боговъ и богопочтенія правиленъ и только у нихъ возможно истинное благочестіе, то они суть и единственные друзья боговъ; напротивъ того всѣ глупцы необходимо должны быть безбожны, нечестивы, враги боговъ ³⁾. Только мудрецы стоятъ выше удовольствія и желанія, печали и страха, слѣдовательно, выше сожалѣнія, зависти, недоброжелательства, ревности, боли. Только имъ до-

¹⁾ Diog. VII, 117; 125; 126: φρόνιμός τε ἐστὶ καὶ ἀνδρεῖος καὶ δίκαιος καὶ σώφρων. Sen. Benef. IV, 26: Stultus etiam malus est; qui malus est, nullo vitio caret... Sic omnes malos; dicimus intemperantes, avaros, luxuriosos, malignos... Stultus omnia vitia habet.

²⁾ Ibid. VII, 121: μόνον τε ἐλεύθερον, τοὺς δὲ φαύλους δούλους εἶναι γὰρ τὴν ἐλευθερίαν ἐξουσίαν αὐτοπραγίας, τὴν δὲ δουλείαν στέρησιν αὐτοπραγίας.

³⁾ Ibid. VII, 119, 122, 125. Sen. Benef. VII, 3; Provid. 1.

ступни высшія чувства—благодарности, любви, дружбы ¹⁾; только мудрецу можетъ быть оказано благодѣяніе, дурному же человѣку ничто не пойдетъ въ пользу ²⁾).

Такимъ образомъ мудрецъ обладаетъ полнымъ совершенствомъ и счастіемъ. Въ этомъ своемъ совершенствѣ и счастіи онъ нисколько не уступаетъ самому Зевсу и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже превосходитъ его. „Юпитеръ, говоритъ Сенека въ духѣ своей школы, владѣетъ бѣльшимъ, чѣмъ сколько онъ могъ-бы предоставить людямъ; но изъ двухъ добрыхъ тотъ, кто богаче, не есть посему и лучше: столь же мало ты называлъ-бы лучшимъ того изъ двухъ, обладающихъ одинаковымъ знаніемъ управленія кормовымъ весломъ, у котораго судно больше и красивѣе. Чѣмъ Юпитеръ превосходитъ добраго мужа? Онъ добръ болѣе продолжительное время (*diutius*). Мудрецъ нисколько не считаетъ себя ниже вслѣдствіе того, что его добродѣтель ограничивается болѣе краткимъ промежуткомъ времени. Какъ изъ двухъ мудрецовъ тотъ, который умеръ въ старшемъ возрастѣ (*senior*), не счастливѣе того, чья добродѣтель была заключена въ предѣлы немногихъ лѣтъ, такъ и богъ не превосходитъ мудреца счастіемъ, если даже превосходитъ его временемъ (*aetate*). Добродѣтель, которая продолжается дольше, не есть вмѣстѣ съ тѣмъ и большая. Юпитеръ владѣетъ всѣмъ; но, вѣдь, онъ далъ владѣть этимъ и другимъ. Опъ изъ этого дѣлаетъ одно только то употребленіе, что позволяетъ всѣмъ пользоваться этимъ: мудрецъ съ такимъ же равнодушіемъ смотритъ на все, находящееся въ чужихъ рукахъ и презираетъ, какъ и Юпитеръ; онъ считаетъ себя даже выше въ томъ отношеніи, что Юпитеръ не можетъ пользоваться этимъ, мудрецъ же не желаетъ“ ³⁾. Напротивъ того, немудрый—несчастливъ. Стоики называли такого человѣка даже безумнымъ, помѣшаннымъ ⁴⁾.

¹⁾ *Diog. VII, 124; Sen. ep. 81.*

²⁾ *Sen. Benef. V, 12: Unum est apud nos bonum, honestum; id pervenire ad malum non potest; desinet enim malus esse, si ad illum virtus intraverit. Quamdiu autem malus est, nemo illi dare beneficium potest.*

³⁾ *Ep. 73.*

⁴⁾ *Diog. VII, 124: πάντας τε τοὺς ἄφρονας μαίνεσθαι.*

Понятно, что, при такой строгости своихъ требованій, стоики должны были оказаться очень строгими въ оцѣнкѣ нравственнаго достоинства людей. Неудивительно поэтому, что большинство людей, даже вся масса людей была причислена стоиками къ классу немудрыхъ, или порочныхъ людей. Во всей исторіи человѣчества стоики могли указать только нѣсколько примѣровъ мудрости и, слѣдовательно, добродѣтели. Мудрецами они называли Сократа, Діогена, Антисеена и въ позднѣйшее время Катона. Между мудрыми и немудрыми или, что тоже, между добродѣтельными и порочными людьми можетъ существовать только абсолютная противоположность и никакой постепенный переходъ изъ одного нравственнаго состоянія въ другое невозможенъ. Если же стоики и признавали, что нѣкоторые люди могутъ преуспѣвать въ добродѣтели, то они, однакожь, могли считать дѣйствительное приближеніе къ послѣдней чѣмъ-то моментальнымъ. Всѣ безъ исключенія преуспѣвающіе принадлежатъ къ глупцамъ. Сдѣлавшійся мудрымъ сначала еще не сознаетъ своего новаго состоянія; переходъ изъ одного состоянія въ другое наступаетъ такъ быстро и при томъ новое состояніе имѣетъ такъ мало точекъ соприкосновенія въ прежнемъ состояніи, что самосознаніе человѣка не дѣлаетъ равнаго шага съ дѣйствительнымъ измѣненіемъ въ его свойствѣ. Измѣненіе это познается только изъ послѣдующаго опыта.

Въ образѣ мудреца стоиками представленъ нравственный идеалъ. Нельзя не видѣть, что идеалъ стоическаго мудреца, человѣка совершенно отрѣшеннаго отъ всякихъ эмпирическихъ условій жизни и сдѣлавшагося простымъ органомъ всеобщаго закона, не можетъ быть приложимъ къ жизни. Человѣкъ здѣсь теряетъ всякую индивидуальность. Сами стоики уже рано замѣтили, что нравственный идеалъ ихъ въ томъ видѣ, какъ они его представляли себѣ, не можетъ быть практически осуществленъ. Вслѣдствіе этого у нихъ явилось стремленіе нѣсколько смягчить строгость своихъ нравственныхъ требованій и приблизить свой нравственный идеалъ къ потребностямъ обыкновенной практической жизни. Результатомъ этого стремленія было признаніе стоиками, подлѣ одного высшаго

блага, существованія и нравственнаго достоинства за относительными благами, которыя могутъ служить средствомъ для достиженія высшаго блага. Тѣ предметы и отношенія, которыя прежде были признаны ими вообще безразличными (*ἀδιάφορα*), они дѣлятъ опять на три класса. Къ первому классу принадлежитъ все то, что, хотя съ нравственной, или абсолютной точки зрѣнія не есть ни добро, ни зло, но что, однако, имѣетъ извѣстное достоинство или само по себѣ, какъ сообразное съ человѣческою природою, или какъ средство къ жизни, сообразной съ природою, или наконецъ, важно въ обоихъ отношеніяхъ. Этотъ классъ безразличныхъ вещей обозначается, какъ преимущественный или желательный (*προημέριον*). Къ этому классу стоики причисляли, во-первыхъ, духовныя свойства и состоянія, напримѣръ, хорошія дарованія, художественныя способности и преуспѣваніе въ добродѣтели, во-вторыхъ, тѣлесныя преимущества: красоту, силу, здоровье и самую жизнь и, наконецъ, въ третьихъ, внѣшнія блага, какъ напримѣръ, богатство, почеть, благородное происхождение и т. п. Ко второму классу относится все то, что само по себѣ или въ своемъ отношеніи къ жизни обыкновенно бываетъ противоестественно и вредно. Это классъ вещей нежелательныхъ (*ἀποπροημέριον*). Сюда принадлежатъ вещи и состоянія, противоположныя вещамъ и состояніямъ: перваго класса: духовная ограниченность, болѣзнь, безобразіе, бѣдность и безчестіе. Третій классъ объемлетъ собою вещи въ тѣсномъ смыслѣ безразличныя въ нравственномъ отношеніи, такія вещи, которыя не могутъ имѣть никакого опредѣляющаго вліянія на нашъ выборъ, какъ, напримѣръ, вопросы въ родѣ слѣдующихъ: четно или нечетно число моихъ волосъ; поднести-ли мнѣ стаканъ ко рту правою или лѣвою рукою и т. п. Принятіе стоиками вещей желательныхъ должно было повредить самодовольству и независимости мудреца, каковымъ свойствомъ стоики особенно дорожили ¹⁾. Поэтому они принуждены были примирить то противорѣчіе, какое образовалось въ ихъ системѣ, вслѣдствіе принятія желательныхъ вещей, между самодовольствомъ и не-

¹⁾ Diog. VII, 105, 105, 107.

зависимостью мудреца и существованіемъ относительныхъ благъ, желательныхъ для него. Вслѣдствіе этого они стали утверждать, что мудрецъ, хотя и дѣлаетъ употребленіе изъ вещей желательныхъ, однако не нуждается въ нихъ и легко обходится безъ нихъ, если онѣ отсутствуютъ. Однакожъ нужно сказать, что практика жизни стоиковъ не всегда согласовалась съ ихъ теоріею независимости мудреца отъ относительныхъ благъ.

Соотвѣтственно принятію благъ относительныхъ, стоики должны были признать, кромѣ безусловной обязанности, еще и обязанности условныя. Подъ обязанностью или приличествующимъ (*καθήκον*) стоики понимали сообразный съ разумомъ поступокъ, но при томъ такой поступокъ, который совершается съ добрымъ намѣреніемъ. Содержаніемъ добродѣтельной дѣятельности служить только одно: доброе или разумное. Если бы добро было единственнымъ предметомъ нашего стремленія, то могла бы быть только одна обязанность—осуществленіе добра. Но такъ какъ подлѣ абсолютнаго блага есть еще и относительныя блага, которыя должны быть желаемы, хотя и не безусловно, (однакоже во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда они могутъ быть достигнуты безъ вреда для абсолютнаго блага или добродѣтели) и равнымъ образомъ, такъ какъ подлѣ безотносительнаго зла есть еще зло относительное, котораго должно избѣгать, то увеличивается и количество обязанностей; къ безусловнымъ обязанностямъ присоединяется извѣстное количество условныхъ обязанностей, которыя имѣютъ своимъ содержаніемъ усвоеніе желательнаго и отвращеніе отъ нежелательнаго. Поэтому, кромѣ безусловныхъ и неизмѣнныхъ обязанностей,— обязанностей высшаго порядка (*κατορθώματα*), стоики признавали еще условныя или „среднія“ обязанности (*μέσα καθήκοντα*), опредѣляющія отношеніе къ желательному и негодному. Эти послѣднія имѣютъ обязательную силу только при извѣстныхъ обстоятельствахъ ¹⁾.

Кромѣ этой уступки потребностямъ практической жизни, стоики сдѣлали еще нѣкоторыя смягченія первоначальной стро-

¹⁾ Diog. VII, 109.

гости своихъ нравственныхъ требованій. Такъ они считали дозволительнымъ мудрецу испытывать, по крайней мѣрѣ, начатки аффектовъ. Стоики соглашались, что и мудрецъ чувствуетъ боль, что и онъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ не можетъ оставаться вполне спокойнымъ, но они требовали, чтобы онъ не позволялъ такимъ состояніемъ вполне овладѣвать его душою. Мало того; нѣкоторыя сообразныя съ разумомъ душевныя движенія (εὐπάθεια) можетъ испытывать только мудрецъ ¹⁾.

Наконецъ, стоики смягчили нѣсколько свою строгость и въ сужденіи о людяхъ. Тогда какъ прежде въ числѣ мудрецовъ, или людей добродѣтельныхъ они считали только Сократа, Діогена и Антисѣсна и даже ихъ нѣкоторые признавали вполне совершенными мудрецами, а только преуспѣвающими въ мудрости и добродѣтели,—теперь они ставятъ въ срединѣ между мудрецами и глупцами „постепенно совершенствующихся“ и характеризуютъ этихъ послѣднихъ такими чертами, по которымъ они почти не отличаются отъ мудрецовъ.

С. Тоборѣвъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Diog. VII, 115: εἶναι δὲ καὶ εὐπαθείας φασὶ τρεῖς, χαράν, εὐλαβείαν βούλησιν... Sen. ep. 59. ep. 72.

ЛИСТОКЪ

Д Л Я

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

15 Января № 1. 1888 года.

Содержаніе. Циркулярное отношеніе Оберъ-Прокурора Св. Синода епархіальнымъ преосвященнымъ. — Отчетъ о состояніи церковно-приходскихъ школъ Харьковской епархіи за 1886—87 учебный годъ. — Отчетъ о состояніи Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 1886—87 учебный годъ (продолженіе). — Отъ правленія Харьковскаго духовнаго училища. — Списокъ лицъ свѣтскаго званія Харьковской епархіи, коимъ за заслуги и пожертвованія по духовному вѣдомству преподано благословеніе Св. Синода. — Епархіальныя извѣщенія. — Отъ Харьковскаго епархіальнаго Комитета по продажѣ книгъ релігіозно-нравственнаго содержанія. — Извѣстія и замѣтки. — Объявленія.

Циркулярное отношеніе Оберъ-Прокурора Св. Синода епархіальнымъ преосвященнымъ, отъ 9 истекшаго декабря, за № 5572, о замѣщеніи преподавательскихъ вакансій по русскому и церковно-славянскому языкамъ въ I классѣ духовныхъ училищъ лицами, окончившими курсъ въ духовныхъ академіяхъ.

По силѣ Высочайше утвержденнаго 28 іюля 1886 г. опредѣленія Святѣйшаго Синода 20 марта—26 іюня того-же года и синодальнаго-же опредѣленія 25 ноября—7 января 1886—87 г., вакансіи преподавателей русскаго и церковно-славянскаго языковъ въ I классѣ духовныхъ училищъ замѣщаются студентами духовныхъ семинарій и воспитанниками духовныхъ академій, окончившими курсъ съ званіемъ дѣйствительнаго студента. Между тѣмъ, отъ нѣкоторыхъ епархіальныхъ преосвященныхъ въ настоящее время начали поступать ходатайства объ опредѣленіи на упомянутыя вакансіи даже кандидатовъ академій, которые выразили желаніе довольствоваться за свои учебные труды жалованьемъ, присвоеннымъ по штату преподавателямъ этого класса (изъ студентовъ семинарій), т. е. по 420 руб. въ годъ. Святѣйшій Синодъ, при обсужденіи таковыхъ ходатайствъ преосвященныхъ, обратилъ вниманіе на то, что вышеозначенныя синодальныя опредѣленія вызваны, главнымъ образомъ, экономическими соображеніями и что предоставленіе вакансій преподавателя русскаго языка въ I классѣ духовныхъ училищъ кандидатамъ академій, съ производствомъ имъ жалованья, присвоеннаго преподавателямъ училищъ изъ студентовъ семинарій, не нарушаетъ экономическихъ интересовъ по содержанію духовно-учебныхъ заве-

деній. Въ виду сего и принимая во вниманіе, что случаи ходатайствъ, подобныхъ изложеннымъ, могутъ повторяться и на будущее время, такъ какъ въ настоящее время весьма многіе изъ обязанныхъ службою въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ кандидатовъ духовныхъ академій остаются не размѣщенными и, вслѣдствіе ограниченнаго количества открывающихся вакансій, не могутъ быть въ скоромъ времени размѣщены на соотвѣтствующія ихъ образованію должности въ духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ и что, по имѣющимся въ центральномъ управленіи духовнаго вѣдомства свѣдѣніямъ, эти молодые люди, оставаясь безъ всякихъ занятій, нерѣдко терпятъ крайнюю нужду въ средствахъ къ своему содержанію, Святѣйшій Синодъ опредѣленіемъ отъ 28 октября—18 ноября текущаго года предоставилъ мнѣ, въ видѣ временной мѣры, опредѣлять на вакантныя должности преподавателей русскаго и церковно-славянскаго языковъ въ I классѣ духовныхъ училищъ, въ случаѣ ходатайствъ о семъ епархіальныхъ преосвященныхъ, тѣхъ изъ кандидатовъ духовныхъ академій, кои изъявляютъ желаніе довольствоваться по этой должности жалованьемъ, получаемымъ учителями изъ студентовъ духовныхъ семинарій. О вышеизложенномъ опредѣленіи Святѣйшаго Синода долгомъ поставляю увѣдомить ваше преосвященство, для надлежащаго свѣдѣнія и руководства въ потребныхъ случаяхъ.

О Т Ч Е Т Ъ

о состояніи церковно-приходскихъ школъ Харьковской епархіи за 188^{6/7} учебный годъ.

I.

Управленіе церковно-приходскими школами епархіи.

Согласно § 19 Высочайше утвержденныхъ правилъ о церковно-приходскихъ школахъ общее завѣдываніе церковно-приходскими школами Харьковской епархіи и наблюденіе за религіозно-нравственнымъ просвѣщеніемъ учащихся въ оныхъ въ отчетномъ году принадлежало Высокопреосвященнѣйшему Амвросію, архіепископу Харьковскому и Ахтырскому.

II.

Заботы ево Высокопреосвященства о матеріальныхъ нуждахъ церковно-приходскихъ школъ.

Кромѣ высшаго наблюденія за характеромъ и направленіемъ учебныхъ занятій въ церковно-приходскихъ школахъ Его Высоко-

преосвященство имѣлъ попеченіе о матеріальныхъ нуждахъ сихъ школъ. Такъ по личному предложенію высокопреосвященнѣйшаго владыки или чрезъ подчиненныя ему учрежденія, нѣкоторыя лица изъ городского и сельскаго общества, извѣстныя своею благотворительностію, въ отчетное время выразили свое сочувствіе денежными и иными значительными пожертвованіями въ пользу церковно-приходскихъ школъ. Кромѣ сего, по приказанію Его Высокопреосвященства, Харьковскою духовною Консисторіею сдѣлано было распоряженіе о томъ, чтобы а) во всѣхъ церквахъ и монастыряхъ епархіи были поставлены кружки для сбора въ оныя пожертвованій въ пользу церковно-приходскихъ школъ епархіи и б) въ день Св. Николая (6 Декабря) ежегодно былъ производимъ на нужды школъ особый сборъ пожертвованій въ кружки посредствомъ обнесенія таковыхъ въ церквахъ вмѣстѣ съ другими, во время совершенія Литургіи. Независимо отъ распоряженія о сборѣ пожертвованій въ кружки, духовная консисторія, по приказанію Высокопреосвященнаго Амвросія предписала причтамъ и церковнымъ старостамъ епархіи ежегодно отчислять въ распоряженіе Харьковскаго епархіальнаго училищнаго Совѣта на нужды школъ епархіи часть изъ остатковъ отъ кошелевыхъ суммъ, смотря по средствамъ каждой церкви. Вмѣстѣ съ симъ Его Высокопреосвященство разрѣшалъ также, по прошеніямъ нѣкоторыхъ учредителей школъ, особенно нуждавшихся въ матеріальныхъ средствахъ, отчислять единовременно на потребности школъ нѣкоторую часть наличной кошелековой суммы при церквахъ, соображаясь съ количествомъ кошелековаго сбора и нуждами школъ и наконецъ дозволилъ употребить лѣсной и желѣзный матеріалъ отъ стараго церковнаго зданія на устройство школы въ одномъ бѣднѣйшемъ приходѣ епархіи.

III.

Харьковскій епархіальный училищный Совѣтъ.

А. Личный составъ Совѣта.

Кромѣ лицъ, назначенныхъ Его Высокопреосвященствомъ въ составъ Совѣта и занимавшихся дѣлами по церковно-приходскимъ школамъ въ теченіе двухъ предшествующихъ учебныхъ годовъ, въ засѣданіяхъ Совѣта за отчетное время принималъ участіе, на правахъ члена онаго, г. городской голова И. О. Фесенко, изъявившій согласіе принять на себя это званіе по приглашенію Его Высокопреосвященства. Такимъ образомъ въ составъ Совѣта входили

нижеслѣдующія лица: предсѣдатель—ректоръ Харьковской духовной семинаріи, протоіерей Іоаннъ Кратировъ; члены: каеедральный протоіерей Тимоѳей Павловъ и протоіереи церкви города Харькова: Симеонъ Илларионовъ, Іоаннъ Чижевскій, Андрей Дюковъ, Іоаннъ Ѳедоровъ, Александръ Ѳедоровскій и Андрей Щелкуновъ, священники: Тимоѳей Буткевичъ и Стефанъ Любицкій, г. директоръ народныхъ училищъ Харьковской губерніи Н. Г. Жаворонковъ, г. городской голова И. О. Фесенко, инспекторъ Харьковской духовной семинаріи Константинъ Истоминъ и преподаватели той-же семинаріи: Стефанъ Пономаревъ (онъ-же казначей Совѣта), Николай Страховъ, Василій Извольскій и Семень Ѳоменко (онъ-же завѣдывалъ письменною частію Совѣта).

Б. Дѣятельность Совѣта.

Дѣятельность епархіального училищнаго Совѣта въ отчетное время состояла, главнымъ образомъ, въ изысканіи мѣръ къ распространенію церковно-приходскихъ школъ въ предѣлахъ епархіи, а также къ дальнѣйшему развитію школъ въ учебномъ и религіозно-нравственномъ отношеніи и улучшеніи матеріальнаго положенія оныхъ, согласно требованіямъ высшей церковной власти, мѣстной епархіальной власти и указаніямъ опыта. Въ частности: 1) въ засѣданіяхъ Совѣта были выслушиваемы и принимаемы къ исполненію указы св. Синода и предписанія училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ по разнымъ вопросамъ, касавшимся церковно-приходскихъ школъ; 2) распоряженія епархіальнаго начальства относительно церковно-приходскихъ школъ; 3) по поводу возбужденнаго вопроса о необходимости ввести одинаковыя учебныя книги въ церковно-приходскихъ школахъ сдѣланъ былъ выборъ учебниковъ и пособій изъ числа тѣхъ, кои указаны въ утвержденныхъ св. Синодомъ учебныхъ программахъ; 4) обсуждаемы были доклады наблюдателей и учредителей церковно-приходскихъ школъ по разнымъ вопросамъ учебно-воспитательнаго характера; 5) обсуждались общія мѣры, относящіяся къ благоустройству церковно-приходскихъ школъ въ учебно-воспитательномъ и матеріальномъ отношеніяхъ и изыскивались способы къ устраниенію недостатковъ по учебной и хозяйственной частямъ, замѣченныхъ въ нѣкоторыхъ церковно-приходскихъ школахъ; 6) разсматривались годовые отчеты наблюдателей о состояніи церковно-приходскихъ школъ по учебной, религіозно-нравственной и эконопической частямъ за истекшій 1885/6 учебный годъ; 7) разсматривались доклады нѣкоторыхъ членовъ Совѣ-

та о послѣдствіяхъ произведенныхъ ими, по порученію Совѣта, повѣрочныхъ испытаній въ четырехъ церковно-приходскихъ школахъ, существующихъ въ гор. Харьковѣ; 8) разсматривались проекты наблюдателей о личномъ составѣ экзаменаціонныхъ комиссій, производившихъ въ концѣ отчетнаго года испытанія учениковъ церковно-приходскихъ школъ на льготу IV разряда по отбыванію воинской повинности; 9) разсматривались представленные наблюдателями документы о послѣдствіяхъ испытаній въ церковно-приходскихъ школахъ на означенную льготу; 10) доклады наблюдателей объ отлично-усердныхъ занятіяхъ въ школахъ законоучителей и учителей и о ревностныхъ трудахъ на пользу нѣкоторыхъ учрежденій и лицъ, выразившихъ свое сочувствіе этимъ школамъ значительными денежными и иными матеріальными пожертвованіями; 11) доклады казначея Совѣта о движеніи суммъ, бывшихъ въ распоряженіи епархіальнаго училищнаго Совѣта; 12) наконецъ, на обязанности Совѣта лежали: а) выдача свидѣтельствъ лицамъ, успѣшно выдержавшимъ въ особой комиссіи испытаніе по церковному (унисонному) пѣнію на право преподаванія сего предмета въ церковно-приходскихъ школахъ, б) выдачи свидѣтельствъ ученикамъ церковно-приходскихъ школъ, успѣшно выдержавшимъ испытаніе на льготу IV разряда по отбыванію воинской повинности, в) выдача, съ разрѣшенія Его Высокопреосвященства, пособій деньгами, учебными книгами и классными принадлежностями наиболѣе нуждающимся школамъ епархіи и г) сношеніе съ нѣкоторыми правительственными учрежденіями и частными лицами по дѣламъ, касавшимся церковно-приходскихъ школъ.

IV.

Наблюдатели и ихъ дѣятельность.

Ближайшее руководство и наблюденіе за церковно-приходскими школами въ отчетное время было ввѣрено, примѣнительно къ количеству благочинническихъ округовъ, 34-мъ наиболѣе способнымъ и опытнымъ въ дѣлѣ народнаго образованія священникамъ. Къ обязанностямъ наблюдателей относилось возможно частое посѣщеніе церковно-приходскихъ школъ, общее наблюденіе за правильнымъ и успѣшнымъ движеніемъ учебно-воспитательнаго дѣла въ этихъ школахъ и руководство законоучителей и учителей по вопросамъ, касавшимся учебной ихъ практики, а также попеченіе о матеріальномъ преуспѣяніи существующихъ школъ и содѣйствіе тѣми или иными мѣрами къ открытію новыхъ школъ.

При повременныхъ обзорѣніяхъ школъ своего округа наблюдатели слѣдили за тѣмъ, правильно-ли велись учебныя занятія, соотвѣтствовало-ли обученіе существующимъ учебнымъ программамъ и на мѣстѣ провѣряли степень религіозно-нравственнаго просвѣщенія учащихся; въ концѣ-же учебнаго года производили повѣрочныя испытанія учениковъ въ томъ, что пройдено ими за отчетное время. Съ участіемъ приходскихъ священниковъ наблюдатели, при удобныхъ случаяхъ, указывали прихожанамъ, особенно деревенскимъ, на необходимость и важность воспитанія ихъ дѣтей въ духѣ православнаго христіанскаго вѣроученія и нравственности и такимъ образомъ вызывали въ нихъ живое и дѣятельное сочувствіе на пользу церковно-приходскихъ школъ, выразившееся какъ въ открытіи крестьянскими обществами новыхъ церковно-приходскихъ школъ, съ обязательствомъ поддерживать существованіе оныхъ опредѣленными денежными взносами, такъ и въ посильныхъ пожертвованіяхъ на содержаніе уже существовавшихъ школъ. Нѣкоторые же наблюдатели, въ примѣръ дѣятельнаго участія и живаго интереса жизни церковно-приходскихъ школъ, къ пожертвованіямъ прихожанъ на пользу этихъ школъ присоединяли и свои въ видѣ денежныхъ и иныхъ матеріальныхъ пособій.

Съ отличнымъ усердіемъ и пользою для дѣла по народному образованію учащихся въ церковно-приходскихъ школахъ исполнили свои обязанности наблюдатели: 1-го Зміевскаго округа протоіерей Алексѣй Илларионовъ и 5-го Старобѣльскаго округа протоіерей Михаи́лъ Павловъ. Первый изъ нихъ, помимо бдительнаго руководства учебною частію въ школахъ вѣреннаго ему округа, прилагалъ особыя заботы по снабженію оныхъ необходимыми учебными принадлежностями и личными значительными пожертвованіями въ отчетное время оказывалъ симъ школамъ значительную матеріальную поддержку. Такъ, за отчетный годъ протоіерей Алексѣй Илларионовъ пожертвовалъ лично отъ себя 150 руб. на содержаніе Кочетковской церковно-приходской школы, въ которой состоитъ главнымъ руководителемъ и законоучителемъ; сверхъ сего пожертвовалъ на покупку классныхъ принадлежностей для Замостянской церковно-приходской школы—20 р. и для Терновской школы 10 р. Благодаря личнымъ трудамъ протоіерея Алексѣя Илларионова, открытая и, главнымъ образомъ, поддерживаемая имъ матеріально Кочетковская школа представляется благоустроенною по всѣмъ частямъ, доказательствомъ чего служитъ, между прочимъ, то обстоятельство, что въ концѣ отчетнаго года къ выпускнымъ экзаменамъ

были подготовлены 12 мальчиковъ (и 1-на дѣвочка) и всѣ они удостоены епархіальнымъ училищнымъ совѣтомъ полученія льготныхъ свидѣтельствъ, какъ успѣшно окончившіе курсъ одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ. Не менѣе благотворна и просвѣтительная дѣятельность протоіерея Михаила Павлова, какъ наблюдателя церковно-приходскихъ школъ во ввѣренномъ его смотрѣнію 5-мъ Старобѣльскомъ округѣ. Къ чести и доброму вліянію этого почтеннаго о. наблюдателя должно отнести постепенное распространеніе грамотности въ 5-мъ Старобѣльскомъ округѣ, которое выразилось въ ежегодномъ увеличеніи числа школъ, не смотря на неблагоприятныя матеріальныя условія для открытія оныхъ, каковы неурожай въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ, падежь скота и друг.

Примѣчаніе: Въ 5 Старобѣльскомъ округѣ къ настоящему учебному году существовало 14 школъ; (изъ нихъ 7 школъ открыто въ 1884—85 учебномъ году, 2 школы въ 1885—86 учебномъ году и 5 школъ,—въ томъ числѣ три школы грамотности,—въ истекшемъ отчетномъ году; учащихся во всѣхъ 14 школахъ числилось въ отчетномъ году 337 человекъ, въ томъ числѣ 330 мужескаго пола и 7—женскаго). По даннымъ, обстоятельно изложеннымъ въ отчетѣ о. наблюдателя протоіерея Павлова за истекшій 1886—87 учебный годъ, епархіальный училищный Совѣтъ пришелъ къ тому заключенію, что онъ, протоіерей Павловъ, при довольно частомъ обзорѣніи школъ своего округа, усердно слѣдилъ за правильнымъ движеніемъ учебно-воспитательнаго дѣла въ оныхъ, вникалъ въ нужды школъ, располагалъ мѣстныя сельскія общества и лицъ благороднаго сословія въ пользу церковно-приходскихъ школъ и личнымъ примѣромъ живаго и дѣятельнаго отношенія къ своимъ обязанностямъ поддерживалъ въ наставникахъ любовь и энергію въ дѣлѣ просвѣтительнаго вліянія ихъ на учащихся. Съ похвальною ревностію трудились также и наблюдатели 2 Купянского округа священникъ Петръ Торанскій и 1 Богодуховскаго округа священникъ Андрей Сапухинъ.

У.

Статистическія свѣдѣнія о церковно-приходскихъ школахъ.

А. Общее количество церковно-приходскихъ школъ.

Количество церковно-приходскихъ школъ въ теченіе отчетнаго времени, сравнительно съ предыдущимъ годомъ, нѣсколько увеличилось, а именно: къ 1-му августа 188⁵/₆ г. числилось 79 школъ; въ теченіе отчетнаго 188⁶/₇ года вновь открыто 24 школы. Такимъ образомъ къ началу текущаго 188⁷/₈ учебнаго года всѣхъ церковно-приходскихъ школъ въ епархіи было 103; изъ нихъ 13 открыты въ первой половинѣ учебнаго года и 11 во второй (по 1-е августа 1887 года). Въ настоящее время существуетъ въ Харьковской епархіи 114.

Б. Мѣстонахожденіе церковно-приходскихъ школъ.

103 школы, о состояніи которыхъ за отчетное время представлены въ Совѣтъ свѣдѣнія окружными наблюдателями, находятся въ нижеслѣдующихъ мѣстахъ епархіи: а) *въ городѣ Харьковѣ при приходскихъ церквахъ*: 1) Воскресенской, 2) Свято-Духовской 1-я, 3) Свято-Духовской 2-я (въ хуторѣ Глубокій Ярѣ Свято-Духовскаго прихода), 4) Александро-Невской, 5) Вознесенской и 6) Всѣхсвятской; б) *въ предѣлахъ Харьковскаго уѣзда*, — въ селахъ: 7) Алексѣевкѣ, 8) Рогани, 9) Малой Рогозянкѣ, 10) Полевой, 11) Ольшаной (при Трехсвятительской церкви), 12) въ Дергачахъ (при Рождество-Богородичной церкви), 13) въ Липцахъ, 14) Стрѣлечьемъ (школа грамотности); в) *въ предѣлахъ Ахтырскаго уѣзда*: 15) въ г. Ахтыркѣ (при Покровскомъ соборѣ), — въ селахъ: 16) Хухрѣ, 17) Лутищахъ, 18) Пожняѣ, 19) Рясномъ (при Свято-Димитріевскомъ монастырѣ), 20) Жигайловкѣ, 21) Мезиновкѣ; г) *въ предѣлахъ Богодуховскаго уѣзда*: 22) въ гор. Богодуховѣ (при Покровской церкви), 23) въ гор. Богодуховѣ (при Троицкой церкви), 24) въ гор. Богодуховѣ (при Успенскомъ соборѣ), 25) въ гор. Богодуховѣ (при Свято-Троицкой богадѣльнѣ), въ селахъ: 26) Малыжиной, 27) Станничномъ, 27) Александровкѣ, 29) Лихачевкѣ, 30) Крючикѣ; д) *въ предѣлахъ Валковскаго уѣзда*: 31) въ хуторѣ Покровскомъ, принадлежащемъ приходу Покровской церкви села Алексѣевки; 32) въ слободѣ Коломакѣ (при Воскресенской церкви), 33) въ с. Черемушномъ; е) *въ предѣлахъ Волчанскаго уѣзда*: 34) въ с. Пассековкѣ, 35) въ Старомъ Салтовѣ, 36) въ селѣ Заводахъ, 37) въ слободѣ Ново Бѣлгородѣ (при Преображенской церкви), 38) въ хуторѣ Ново-Александровкѣ (при молитвенномъ домѣ); ж) *въ предѣлахъ Зміевскаго уѣзда*: 39) въ селѣ Кочеткѣ, 40) въ селѣ Замостьѣ, 41) въ селѣ Терновой, 42) въ селѣ Боровой, 43) въ селѣ Гуляй-Полѣ, 44) Шевелевкѣ, 45) Асѣвкѣ, 46) въ селѣ Мосьпановомъ, 47) въ селѣ Коробочкѣ (школа грамотности); з) *въ предѣлахъ Изюмскаго уѣзда*: 48) въ городѣ Изюмѣ (при Покровской церкви), 49) въ селѣ Малой Камышевахъ, 50) въ с. Рай-Александровкѣ, 51) въ хуторѣ Яремовкѣ, принадлежащемъ приходу села Студенка, 52) въ с. Голой-Долишѣ, 53) въ с. Алисовкѣ; и) *въ предѣлахъ Купянскаго уѣзда*: 54) въ с. Ново-Георгіевскѣ (Крамарское тожъ), 55) въ с. Верхней Дуванкѣ, 56) въ сл. Николаевкѣ, 57) въ слоб. Ново-Глуховѣ, 58) въ с. Краснянкѣ, 59) въ с. Торской, 60) въ поселкѣ Боровскомъ (Пустынка тожъ), 61) въ с. Боголюбовой, 62) въ слободѣ

Ново-Екатеринославѣ, 63) въ слоб. Вѣлоцерковкѣ, 64) въ сл. Нижней Дуванкѣ, 65) въ с. Кармозиновкѣ (въ приходѣ Николаевской единовѣрческой церкви), 66) въ с. Краснянкѣ (въ приходѣ Александро-Невской единовѣрческой церкви); і) *въ предѣлахъ Лебединскаго уѣзда*: 67) въ с. Рябушкахъ, 68) въ с. Мартыновкѣ, 69) въ сл. Ольшаной, 70) въ с. Низшей Верхосулкѣ; к) *въ предѣлахъ Старобѣльскаго уѣзда*: 71) въ сл. Нижней-Покровкѣ, 72) въ селѣ Рудевомъ, 73) въ с. Половинкиной, 74) въ с. Голубовкѣ, 75) въ с. Маньковкѣ, 76) въ с. Богородичной, 77) въ с. Тимоновой, 78) въ с. Воеводскомъ, 79) въ с. Осиновой, 80) въ сл. Каменкѣ (школа грамотности), 81) въ сл. Морозовкѣ, 82) въ хуторѣ Цѣвневомъ, принадлежащемъ Морозовскому приходу (школа грамотности), 83) въ сл. Стрѣльцовкѣ, 84) въ с. Городищѣ, 85) въ с. Михайликовкѣ, 86) въ сл. Боровской, 87) въ сл. Волкодавовой, 88) въ сл. Ново-Ахтыркѣ, 89) въ с. Ново-Айдари, 90) въ сл. Варваровкѣ, 91) въ с. Гречишкиномъ, 92) въ с. Алексѣевкѣ, 93) въ с. Трехизбянскѣ, 94) въ с. Старой Айдари, 95) въ хуторѣ Передѣльскомъ Старо-Айдарскаго прихода, 96) въ хуторѣ Плужномъ того-же прихода, 97) въ деревнѣ Счастья того-же прихода (въ послѣднихъ трехъ мѣстахъ школы грамотности): *въ предѣлахъ Сумскаго уѣзда*: 98) въ городѣ Сумахъ (при Преображенскомъ соборѣ), 99) въ гор. Сумахъ (при Покровской церкви), 100) въ селѣ Анненскомъ, 101) въ деревнѣ Гребенниковкѣ, состоящей въ приходѣ села Бобрика, 102) с. Локнѣ, и 103) въ селѣ Ворожбѣ. Итого 103 школы.

В. Школы, въ которыхъ были временно прекращены занятія въ отчетномъ году.

Въ истекшемъ учебномъ году, по разнымъ неблагоприятнымъ обстоятельствамъ, были временно прекращены занятія въ нижеслѣдующихъ школахъ епархіи: въ Мезиновской Ахтырскаго уѣзда, въ Станичанской Богодуховскаго уѣзда, Боровской и Коробчанской Зміевскаго уѣзда, въ Нижне-Верхосульской Лебединскаго уѣзда, въ Морозовской и Стрѣльцовой Старобѣльскаго уѣзда и Ворожбянской Сумскаго уѣзда.

Г. Количество двухклассныхъ и одноклассныхъ школъ—исключительно мужскихъ, женскихъ и для обоихъ половъ вмѣстѣ.

Изъ числа 103 школъ -- 2 двухклассныхъ (Александро-Невская въ гор. Харьковѣ и въ гор. Сумахъ при Покровской церкви), 94 одноклассныхъ и 7 школъ грамотности. Въ томъ числѣ 38

школъ исключительно мужскихъ, 1 — жепская и 64 — для обоихъ половъ. Во всѣхъ школахъ обучаются дѣти приходящіе, исключая двухъ школъ: при Ряснянскомъ Свято-Димитріевскомъ монастырѣ въ Ахтырскомъ уѣздѣ и въ селѣ Голой-Долинѣ Изюмскаго уѣзда, въ коихъ давался пріютъ обучающимся дѣтямъ, а именно: въ первой школѣ жили 15 человекъ учащихся и во второй—7 человекъ.

(Продолженіе будетъ).

О Т Ч Е Т Ъ

о состояніи Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 1896/97 учебный годъ.

(Продолженіе *).

3. Учебно-воспитательная часть.

а) Недѣльное распредѣленіе уроковъ съ объясненіемъ причинъ уклоненій отъ предписаній программы:

Недѣльное распредѣленіе уроковъ въ училищѣ въ отчетномъ году было слѣдующее: аа) *въ приготовительномъ классѣ: въ понедѣльникъ—Законъ Божій, русскій языкъ, чистописаніе, рукодѣліе; во вторникъ—русскій языкъ, ариѳметика, церковное пѣніе, диктовка; въ среду—русскій языкъ, ариѳметика, чистописаніе, диктовка; въ четвергъ—Законъ Божій, русскій языкъ, церковное пѣніе, рукодѣліе, рисованіе; въ пятницу—русскій языкъ, ариѳметика, чистописаніе, диктовка; въ субботу—русскій языкъ, ариѳметика, Законъ Божій, рукодѣліе.* бб) *Въ I классѣ: въ понедѣльникъ—диктовка, чистописаніе, Законъ Божій, церковное пѣніе; во вторникъ—ариѳметика, русскій языкъ, чистописаніе, рукодѣліе; въ среду—ариѳметика, чистописаніе, русскій языкъ, рукодѣліе; въ четвергъ—диктовка, ариѳметика, французскій языкъ, Законъ Божій, рисованіе; въ пятницу—ариѳметика, Законъ Божій, русскій языкъ, церковное пѣніе; въ субботу—Законъ Божій, русскій языкъ, французскій языкъ, чистописаніе.* вв) *Во II классѣ: въ понедѣльникъ—чистописаніе, ариѳметика, церковное пѣніе, Законъ Божій; во вторникъ—рукодѣліе, ариѳметика, русскій языкъ, Законъ Божій; въ среду—географія, ариѳметика, диктовка, русскій языкъ; въ четвергъ—французскій языкъ, Законъ Божій, чистописаніе, рукодѣліе, рисованіе; въ пятницу—диктовка, церковное пѣніе, ариѳметика, русскій языкъ; въ субботу—географія, Законъ Божій, русскій языкъ, французскій языкъ.* гг) *Въ III классѣ: въ понедѣльникъ—ариѳметика, Законъ Божій, русскій языкъ, дик-*

товка; во вторникъ—географія, французскій языкъ, Законъ Божій, русскій языкъ; въ среду—чистописаніе, церковное пѣніе, ариѳметика, французскій языкъ; въ четвергъ—ариѳметика, русскій языкъ, Законъ Божій, чистописаніе, рисованіе; въ пятницу—русскій языкъ, ариѳметика, церковное пѣніе, рукодѣліе; въ субботу—диктовка, географія, рукодѣліе, Законъ Божій. дд) Въ IV классъ: въ понедѣльникъ—ариѳметика, Законъ Божій, исторія, русскій языкъ; во вторникъ—диктовка, географія, ариѳметика, чистописаніе; въ среду—Законъ Божій, исторія, церковное пѣніе, географія; въ четвергъ—диктовка, французскій языкъ, ариѳметика, русскій языкъ, рисованіе; въ пятницу—церковное пѣніе, русскій языкъ, Законъ Божій, рукодѣліе; въ субботу—французскій языкъ, географія, чистописаніе, рукодѣліе. ее) Въ V классъ: въ понедѣльникъ—французскій языкъ, физика, педагогика, исторія; во вторникъ—ариѳметика, Законъ Божій, русскій языкъ, географія; въ среду—французскій языкъ, Законъ Божій, исторія, церковное пѣніе; въ четвергъ—географія, физика, русскій языкъ, исторія, рисованіе; въ пятницу—ариѳметика, Законъ Божій, русскій языкъ, диктовка; въ субботу—церковное пѣніе, ариѳметика, географія, исторія. жж) Въ VI классъ: въ понедѣльникъ—Законъ Божій, французскій языкъ, геометрія, педагогика; во вторникъ—Законъ Божій, физика, географія, русскій языкъ; въ среду—церковное пѣніе, русская грамматика, русская литература исторія; въ четвергъ—геометрія, географія, исторія, космографія, рисованіе; въ пятницу—Законъ Божій, физика, русскій языкъ, французскій языкъ; въ субботу—физика, церковное пѣніе, исторія, педагогика. 1-й урокъ продолжается отъ 9 до 10 часовъ, 2-й урокъ отъ 10¼ до 11¼ часовъ, 3-й урокъ отъ 11¾ до 12¾ часовъ, 4-й урокъ отъ 1 до 2 часовъ и 5-й урокъ отъ 3 до 5 часовъ.

Сравнительно съ 1885/86 учебнымъ годомъ, въ отчетномъ году въ этомъ распisanіи допущено только измѣненіе въ распредѣленіи уроковъ по церковному пѣнію, именно: вмѣсто прежнихъ 8 уроковъ въ недѣлю во всѣхъ классахъ (въ I одинъ урокъ, во II—два, въ III—два, въ IV—два и въ V и VI—одинъ сводный урокъ), журнальнымъ постановленіемъ Совѣта отъ 6 октября, утвержденнымъ 13-го того-же октября его высокопреосвященствомъ, назначено для пѣнія 12 уроковъ, по 2 урока въ каждомъ классѣ (не считая класса приготовительнаго). Это сдѣлано вслѣдствіе усиленія программы обученія пѣнію въ училищѣ въ отчетномъ году, произведеннаго во исполненіе пункта 4-го опредѣленія Св. Синода отъ 30 іюля и 12 августа 1886 года за № 1637.

б) Указаніе руководствъ, употребляемыхъ въ училищѣ, но не указанныхъ въ установленной программѣ.

Въ отчетномъ году употреблялись учебники и учебныя пособия, не указанные въ программѣ, только по слѣдующимъ предметамъ: аа) по русской грамматикѣ учебникъ *Киртшиникова*; учебныя пособия: въ I классѣ книга для чтенія и практическихъ упражненій по русскому языку *Паульсона*, во II и III классахъ „*Родина*“ *Радонежскаго*; бб) по теоріи словесности въ IV и V классахъ руководство *Бьлоруссова*; вв) по исторіи литературы въ VI классѣ курсъ литературы *Орлова*; гг) по ариѳметикѣ въ старшихъ классахъ — учебникъ *Малнина*; учебныя пособия — задачки *Евтушевскаго*, *Малнина*, *Минина* и *Арбузова*; дд) по геометріи въ V и VI классахъ — руководство *Кравченко*; ее) по всеобщей и русской гражданской исторіи — учебникъ *Рождественскаго*; жж) по дидактикѣ въ V классѣ — *митографированныя записки*, составленныя преподавателемъ, а въ VI классѣ *объяснительныя записки къ программамъ* учебныхъ предметовъ для *церковно-приходскихъ школъ*, утвержденныхъ Св. Синодомъ, и учебникъ *Рощина*.

Во вновь устроенномъ въ училищѣ приготовительномъ классѣ опредѣлено Совѣтомъ употреблять слѣдующія учебныя пособия: аа) по Закону Божію: *молитвословъ*, изданный Св. Синодомъ; *чтеніе изъ св. книгъ Ветхаго и Новаго Завета* на славянскомъ языкѣ, *Прянишникова*; бб) по русскому языку — книга для чтенія *Паульсона* (временно, пока не израсходуется имѣющійся въ училищной библіотекѣ запасъ этой книги) и учебная русская хрестоматія *Полевого*; диктантъ *Смирновскаго*; вв) по ариѳметикѣ задачникъ *Евтушевскаго*, *I-я часть*; по чистописанію — методическое руководство къ обученію письму, *В Гербача*, (для учителя) и прописи его-же. Священную исторію опредѣлено изучать въ этомъ классѣ со словъ законоучителя, русскую грамматику — практическимъ путемъ, при чтеніи назначенной для этого книги, и практическимъ же путемъ, посредствомъ рѣшенія задачъ, опредѣлено проходить ариѳметику.

в) Уклоненія отъ установленной для каждаго класса программы касались только русскаго языка и ариѳметики съ геометріей и были въ отчетномъ году тѣ-же, что и въ предыдущіе годы. По другимъ предметамъ въ точности выполнены программы, указанные въ уставѣ епархіальныхъ женскихъ училищъ. Нѣкоторыя только измѣненія въ программахъ этихъ предметовъ сдѣланы были, во исполненіе указа Св. Синода отъ 30 іюля и 12 августа 1886 года, именно: въ V

классъ пройденъ сперва систематически краткій синтаксисъ славянскаго языка, (вмѣсто прежде практиковавшагося указанія и объясненія синтаксическихъ особенностей этого языка только при чтеніи и переводѣ апостольскихъ посланій) и затѣмъ уже знаніе его закрѣпилось посредствомъ подробнаго этимологическаго и синтаксическаго разбора славянскаго текста Новаго Завѣта; въ томъ-же классѣ и въ IV сокращена программа геометріи чрезъ опущеніе нѣкоторыхъ теоремъ, а въ первыхъ трехъ классахъ преподаваніе элементарной геометріи совершенно исключено; въ VI классѣ преподаваніе педагогики ограничено одною только дидактикою; наконецъ, въ томъ-же классѣ сокращена программа исторіи литературы. Въ приготовительномъ классѣ по всѣмъ предметамъ выполнена программа, выработанная при открытіи этого класса Совѣтомъ училища и утвержденная его высокопреосвященствомъ.

г) Распределение письменныхъ упражненій и степень достигаемыхъ ими успѣховъ.

Письменные упражненія воспитанницъ велись во всѣхъ классахъ училища такъ-же, какъ и въ предыдущіе годы. Онѣ по прежнему состояли: а) изъ диктовки, б) изъ грамматическихъ упражненій и в) изъ сочиненій. Диктовкою занималась съ воспитанницами каждого класса воспитательница этого класса, подъ руководствомъ учителя русскаго языка, въ опредѣленные для этого росписаніемъ уроковъ часы; грамматическія упражненія, классныя и домашнія, велись учителемъ русскаго языка параллельно урокамъ русской грамматики; сочиненія велись въ приготовительномъ, I, II и III классахъ исключительно учителемъ русскаго языка, а въ IV, V и VI классахъ и преподавателями нѣкоторыхъ другихъ предметовъ именно: Закона Божіа, гражданской исторіи, географіи и дидактики. Въ приготовительномъ и первыхъ трехъ классахъ преподаватель для сочиненій давалъ готовый матеріалъ и выработывалъ вмѣстѣ съ воспитанницами въ классѣ планъ предстоящей письменной работы, въ старшихъ классахъ воспитанницы писали уже сочиненія самостоятельно, при чемъ имъ только указывались выясняющія тему статьи въ книгахъ; но если предстояло упражненіе въ новомъ родѣ письменнаго изложенія, — на примѣръ: въ V классѣ въ составленіи разсужденій, то преподаватель русскаго языка выработывалъ съ воспитанницами планъ заданнаго сочиненія. Назначалъ темы для сочиненій въ приготовительномъ, I и II классахъ учитель русскаго языка самостоятельно; начиная-же съ III класса темы выбирались

Совѣтомъ училища, при участіи всѣхъ преподавателей, и представлялись на разсмотрѣніе и утвержденіе Его Высокопреосвященства. Въ теченіе года воспитанницы приготовительнаго класса написали: 7 домашнихъ письменныхъ упражненій, воспитанницы I класса 7 домашнихъ письменныхъ упражненій, воспитанницы II класса 11 упражненій, 2 классныхъ и 9 домашнихъ, воспитанницы III класса 7 упражненій, 2 классныхъ и 5 домашнихъ, воспитанницы IV класса 7 сочиненій, 1 классное и 6 домашнихъ, въ томъ числѣ 4 сочиненія по русскому языку, 1 по Закону Божію, 1 по исторіи и 1 по географіи, воспитанницы V класса 7 сочиненій 1 классное и 6 домашнихъ, въ томъ числѣ 4 по русскому языку 1 по Закону Божію, 1 по исторіи и 1 по географіи; воспитанницы VI класса 7 сочиненій, 1 классное и 6 домашнихъ, въ томъ числѣ 3 по русскому языку, 1 по Закону Божію, 1 по дидактикѣ, 1 по исторіи и 1 по географіи. Кромѣ этихъ сочиненій, воспитанницы старшихъ классовъ, начиная съ III, составляли ежемѣсячно по одному домашнему письменному отвѣту по ариѳметикѣ. Предъ устными экзаменами воспитанницы всѣхъ классовъ написали по одному экспромтовому письменному упражненію. Упражненія эти прочитаны были въ приготовительномъ, I, II, III и IV классахъ, учителями русскаго языка въ этихъ классахъ, въ V инспекторомъ классовъ и въ VI предсѣдателемъ Совѣта училища.

Баллы по письменнымъ работамъ воспитанницъ приготовительнаго, I и II классовъ присоединялись преподавателемъ къ общему баллу по русскому языку; начиная-же съ III класса баллы эти за исключеніемъ балловъ письменныхъ отвѣтовъ по ариѳметикѣ, которые присоединялись преподавателемъ къ баллу устныхъ отвѣтовъ по этому предмету, вносились инспекторомъ классовъ въ особую вѣдомость, затѣмъ комиссіей изъ всѣхъ преподавателей, назначавшихъ сочиненія, а въ сомнительныхъ случаяхъ и всѣмъ составомъ Совѣта, — сдѣланъ изъ нихъ общій средній выводъ, сложепъ со среднимъ выводомъ устныхъ отвѣтовъ по русскому языку и изъ этихъ двухъ выводовъ составленъ общій баллъ по этому предмету. Воспитанницы, получившія по сочиненіямъ годовымъ и экзаменскому или даже по одному только послѣднему, неудовлетворительный баллъ, подвергались переэкзаменовкѣ послѣ каникулъ и, если на переэкзаменовкѣ представляли неудовлетворительную письменную работу, оставлялись въ томъ-же классѣ на повторительный курсъ.

(Окончаніе будетъ).

Отъ правленія Харьковскаго духовнаго училища.

На возобновленіе Іоанно-Богословской церкви при Харьковскомъ духовномъ училищѣ поступили слѣдующія пожертвованія:

При отношеніи благочиннаго 3-го округа Изюмскаго уѣзда отъ 28 октября 1887 г. за № 350 *сорокъ три руб.*, въ томъ числѣ пожертвованныхъ и собранныхъ по подписнымъ листамъ: Протоіереемъ о. Александромъ Литвиновымъ 4 р., священниками округа: о.о. Симономъ Мухинымъ 4 р. 13 к., Петромъ Щербиною 4 р., Димитріемъ Вахнинымъ, Аванасіемъ Тихоновымъ, Іоанномъ Смирнскимъ, Іоанномъ Оглоблинымъ и Павломъ Алейниковымъ по 3 р., Григоріемъ Падалкинымъ 2 р. 32 к., Іаковомъ Лукашевымъ 2 р. 20 к., Петромъ Власовымъ 2 р. 15 к., Исаакіемъ Литвиновымъ 2 р. 10 к., Іоанномъ Стеллецкимъ 2 р., Григоріемъ Понировскимъ и Іоанномъ Базилевичемъ по 1 р. 50 к., Димитріемъ Ковалевскимъ 1 р. 10 к. и Веніаминомъ Касьяновымъ 1 р. и представлено 19 декабря при подписномъ листѣ членомъ правленія Харьковскаго духовнаго училища, священникомъ Николаемъ Гутниковымъ *сто рублей*, въ томъ числѣ пожертвованныхъ: г-жею Н. Шмитьковою 5 р., О. С. Шпиталиковою 4 р., священникомъ Н. Гутниковымъ, Л. В. и А. Гутниковыми, М. Н. Шведуновою, Т. Г. Радченковою, К. В. Г. Н Чикинымъ, О. П. Оедюшиною и М. И. Токаревымъ по 3 руб., Л. М. Гутниковою, В. и М. Гутниковыми, И. Н. Шаховскимъ, Г. В. Артюховымъ, К. Н. Недергинымъ, Н. Г. Драгавцевымъ, В. П. Снесаревымъ, В. В. Артюховымъ, г-жею Смирнитскою, С. К. Виткаленкомъ, В. Шербаковою, г-жею Износковою, З. Н. Леусомъ, Н. И. Ильинымъ, И. Д. Нелюбовымъ, П. И. Ткаченкомъ, П. М. Мищенкомъ, Г и Е. Праведниковыми и отъ неизвѣстныхъ по 2 р., Владиміромъ Шаховскимъ, О. Д. Соколовскимъ, И. Я. Санжаревскимъ, неизвѣстною, С. Д. Бутенкомъ, А. В. Бѣлоусовымъ, М. Е. Митинымъ, А. А. Остапенковою, И. П. Соколовымъ, О. И. Артюховою, Н. Т. Шкортилевою, Л. І. Щербанемъ, Д. и Н. Демьяновыми, С. П. Першинымъ, А. И. Чеботаревымъ, Н. П. Зугманомъ, А. М. Матузковою, Е. Ф. Шведуновою, С. С. Винниченкомъ, А. И. Кольцовою, С. Зубаревымъ, А. И. Квашиною, О. И. Кононенкомъ, В. Л. Буваковымъ, Д. И. Ильиновымъ, Е. И. Веприцкою, Д. и В. Касьяненковыми по 1 рублю, Н. Д. Бондаренкомъ, Н. Суязовымъ, М. И. Кононенковою по 50 к., Е. О. Руденцовою 30 к. и В. А. Брайловскимъ 20 к. Итого съ 1 ноября по 20 декабря 1887 года поступило пожертвованій на возобновленіе Іоанно-Богословской церкви

при Харьковскомъ духовномъ училищѣ *сто сорокъ три рубля* (143 р.), а всего съ 12 декабря 1885 года по 20 декабря 1887 года поступило пожертвованій *двѣ тысячи двѣсти восемьдесятъ два рубля сорокъ пять коп.* (2282 р. 45 к.) серебромъ. Правленіе Харьковского духовнаго училища поставляетъ долгомъ выразить искреннюю благодарность жертвователямъ и лицамъ способствовавшимъ пожертвованіямъ.

Списокъ лицъ свѣтскаго званія, Харьковской епархіи, коимъ за заслуги и пожертвованія по духовному вѣдомству, опредѣленіемъ отъ 7—21 октября 1887 года, за № 2015, преподано благословеніе Святѣйшаго Синода, безъ грамотъ.

Церковному старостѣ Рождество-Богородичной церкви села Николаевки, Сумскаго уѣзда, купцу Емельяну *Пашенку*; церковному старостѣ Богодуховской Покровской церкви крестьянину Іосифу *Бордавки*; церковному старостѣ Пророко-Ильинской церкви заштатнаго г. Бѣлополя, Сумскаго уѣзда, купцу Алексѣю *Кочоненку*; церковному старостѣ Рождество-Богородичной церкви села Лозоваго, Богодуховскаго уѣзда, крестьянину Павлу *Усенку*.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Псаломщикъ Рождество-Богородичной церкви села Каплуновки, Богодуховскаго уѣзда, Теодоръ Подлуккій опредѣленъ діакономъ къ оной церкви.

— Старобѣльскаго уѣзда, слободы Чебановки Вознесенской церкви штатный псаломщикъ Максимъ *Поповъ* 21 декабря 1887 года уволенъ за штатъ, а на его мѣсто опредѣленъ сверхштатный псаломщикъ сей же церкви Петръ *Нибоковъ*.

— Утвержденъ въ должности церковнаго старосты къ Ахтырской Успенской церкви ахтырскій 2 гильдіи купецъ Андрей Лукипъ *Прійменко*.

— Утвержденъ церковнымъ старостою къ Варваровской церкви села Райскаго, Изюмскаго уѣзда, крестьянинъ Алексѣй *Вобровъ*.

В а к а н т н ы я м ѣ с т а.

Діаконскія: 1) При Покровской церкви сл. Огульцовъ, Валковскаго уѣзда; 2) при Георгіевской церкви сл. Моспановки, Зміевскаго уѣзда.

Отъ Харьковскаго епархіальнаго книжнаго Комитета.

Журнальнымъ опредѣленіемъ Харьковскаго епархіальнаго училищнаго Совѣта, утвержденнаго Его Высокопреосвященствомъ, назначено выдать учебники между прочимъ нижепоименованнымъ церковно-приходскимъ школамъ: *Старобѣльскаго уѣзда*: с. Рудева на 10 р., Нижне-Покровки—15 р., Богородичнаго—20 р., Тимоновой—20 р., Осиновой—25 р., Городища—20 р., Алексѣевки—10 р., Чебановки—5 р., Михайликовки—25 р., Боровской—10 р., Новой Айдари—30 р., Ново-Ахтырки—20 р. и Варваровки—10 р.; *Ахтырскаго уѣзда*: с. Хухры—15 р.; *Изюмскаго уѣзда*: с. Рай-Александровки—25 р.; *Богодуховскаго уѣзда*: города Богодухова соборной Успенской церкви—15 р. и Покровской церкви—10 р. и с. Малыжина—10 р., Лихачевки—6 р. и Кручика—5 р.; *Купянскаго уѣзда*: с. Торской—15 р., Бѣлоцерковки—12 р.; Новоглухова—30 р., Николаевки—5 р. и Маньковки—25 р.; *Зміевскаго уѣзда*: с. Гомольши—15 р. и *Волчанскаго уѣзда*: с. Ново-Бѣлгорода на 10 р.

Комитетъ сей еще 29 Ноября прошлаго года о такомъ назначеніи увѣдомилъ всѣхъ благочинныхъ, въ округахъ коихъ состоятъ прописанныя школы, и просилъ ихъ объявить завѣдывающимъ тѣми школами, чтобы они немедленно прислали въ Комитетъ сей списки учебниковъ, въ коихъ школы ихъ наиболѣе нуждаются, по таковыхъ увѣдомленій доселѣ не получено отъ вышеупомянутыхъ школъ. Поэтому Комитетъ сей покоряѣйше просить о.о. благочинныхъ поспѣшить объявить завѣдывающимъ школами, чтобы они немедленно выслали помянутые списки, а по полученіи учебниковъ, немедленно выслали бы и росписки необходимыя для отчетности за минувшій 1887 годъ. вмѣстѣ съ этимъ Комитетъ просить и тѣхъ завѣдывающихъ церковно-приходскими школами, которые получили въ 1887 году учебники, на счетъ суммъ Харьковскаго епархіальнаго училищнаго Совѣта, но доселѣ не представили росписокъ въ полученіи, поспѣшить представить таковыя.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе: Новый епископъ.—Перемѣщеніе епископовъ.—Приготовленіе къ юбілею крещенія Руси.—Высочайшая награда Оберъ-Прокурору Св. Синода.—Погребальныя кассы для духовенства.—Преподаваніе медицины семинаристамъ.—Тиражъ 1-го внутренняго 5% съ выигрышами займа, произведенный 2-го января 1888 года.

„Новое время“ сообщаетъ: 16 декабря въ Св. Синодѣ было нареченіе во епископа Аляскинскаго и Алеутскаго архимандрита-миссіо-

нера Владиміра. Хиротонія его состоялась 20 декабря, въ Александро-Невской лаврѣ. Архимандритъ Владиміръ уроженецъ Казанской губерніи; образованіе свое получилъ въ мѣстной духовной академіи. По пріятіи монашества поступилъ въ миссіонеры на окраины Сибири и Сѣверной Америки, гдѣ обратилъ въ православіе не мало язычниковъ.

— Государь Императоръ Высочайше соизволилъ утвердить всеподданнѣйшій докладъ Святѣйшаго Синода о перемѣщеніи епископа Вятскаго Макарія на Донскую архіерейскую кафедру съ возведеніемъ его за долговременную отлично усердную и ревностную службу въ санъ архіепископа, и о назначеніи перваго викарія С.-Петербургской епархіи преосвященнаго Ладожскаго Сергія епископомъ Вятскимъ и Слободскимъ.

— „Кіевлянинъ“ сообщаетъ слѣдующія извѣстія о приготовленіяхъ, дѣлаемыхъ въ Кіевѣ къ празднованію юбилейнаго торжества крещенія Руси. Кіевская духовная академія готовится принять участіе въ немъ составленіемъ и изданіемъ научныхъ трудовъ, посвященныхъ исторіи княженія св. Владиміра. На дняхъ, по опредѣленію совѣта академіи, проф. И. И. Малышевскимъ предложены студентамъ академіи двѣ темы на соисканіе румянцевской преміи: „Храмы Владимірской эпохи“ и „Митрополиты и епископы при Св. Владимірѣ“. Сочиненія должны быть представлены не позже 1-го апрѣля 1892 года. Кроме того, совѣтъ академіи въ числѣ другихъ темъ, объявленныхъ на соисканіе макарьевской преміи въ нынѣшнемъ году, предложилъ соответствующую предстоящему празднеству: „Обозрѣніе всѣхъ древнихъ историческихъ извѣстій и сказаній о Св. Владимірѣ и крещеніи Руси при немъ“. Обозрѣніе это должно соединяться съ критическимъ разборомъ извѣстій и сказаній. Совѣтъ призналъ также желательнымъ, чтобы къ обозрѣнію приложены были и самые тексты извѣстій и сказаній въ подлинникахъ или переводахъ. Для рѣшенія этой темы, какъ и другихъ на макарьевскую премію, назначается 3-хъ годичный срокъ; но, въ виду важности событія, можетъ быть удостоено преміи и въ 1888 году ученое сочиненіе о данномъ предметѣ, если таковое явится въ печати до 15 іюля или будетъ представлено въ совѣтъ академіи къ этому числу въ рукописи.

— Его высокопревосходительство г. Оберъ-Прокуроръ Св. Синода К. П. Побѣдоносцевъ удостоился получить къ новому году брилліантовые знаки Императорскаго ордена святаго благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго при слѣдующемъ Высочайшемъ рескриптѣ:

Нашему дѣйствительному тайному совѣтнику, члену Государственнаго Совѣта, Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода Константину Побѣдоносцеву.

Отличныя дарованія ваши, обширныя научныя познанія, нелицемѣрная преданность Престолу и горячее усердіе къ пользамъ Отечества издавна снискали вамъ Монаршее Наше благорасположеніе.

Трудолюбивое служеніе ваше въ судебномъ вѣдомствѣ, многолѣтнее дѣятельное участіе въ разнообразныхъ и сложныхъ законодательныхъ работахъ Государственнаго Совѣта, равно какъ и исполненіе въ послѣдніе годы важныхъ обязанностей Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, всегда проникнуты были твердымъ сознаниемъ долга и неуклоннымъ стремленіемъ къ охраненію здравыхъ началъ народной жизни.

Отъ глубины сердца Нашего свято почитая Православную Церковь и съ особымъ удовольствіемъ усматривая въ васъ надежнаго оберегателя не только внѣшняго, но и внутренняго ея достоинства, Мы, во изъявленіе неизмѣннаго благоволенія Нашего, жалуемъ вамъ *брилліантовые знаки Императорскаго ордена Нашего святаго благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго*, кои, при семъ препровождая, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію.

Пребываемъ Императорскою милостію Нашею къ вамъ навсегда благосклонны.

— Въ „Пенз. Епарх. Вѣд.“ возбужденъ вопросъ, въ виду предстоящаго епархіальнаго съѣзда духовенства, объ учрежденіи въ епархіи погребальной кассы для духовенства. Сущность дѣла заключается въ слѣдующемъ. Положимъ, что составляетъ „общество“ примѣрно изъ 1000 человекъ. Каждый членъ этого общества обязывается вносить при каждомъ смертномъ случаѣ одного изъ своихъ сочленовъ 10 к. Полагая на основаніи статистическихъ данныхъ, что смерть постигаетъ 2—2½ на 100 или 25 человекъ на 1000, выйдетъ, что каждый изъ участниковъ такой кассы долженъ будетъ внести въ теченіе года отъ 2 р. до 2 р. 50 к., семья же каждаго умершаго получитъ 100 р. Взносъ при каждомъ единичномъ случаѣ смерти 50 к., а въ теченіе года 10—12 р. дастъ возможность получить семьѣ умершаго 500 р. и т. д. Подобныя похоронныя кассы существуютъ у насъ въ средѣ учителей, чиновниковъ и т. п. лицъ, живущихъ исключительно однимъ жалованьемъ и послѣ смерти которыхъ семьи ихъ остаются безъ всякихъ средствъ.

Само собою разумѣется, что учрежденіе подобныхъ кассъ и въ средѣ духовенства было бы весьма желательнымъ, потому что если гдѣ, то именно здѣсь-то и остаются болѣе всего необезпеченныя и безпомощныя семьи. Похоронная касса для духовенства уже существуетъ въ рижской епархіи. При полномъ сочувствіи и участіи къ этому дѣлу епархіальнаго начальства ихъ можно было бы вводить и въ другихъ епархіяхъ, особенно же въ тѣхъ, гдѣ духовенство получаетъ какое-либо жалованье, такъ какъ тогда легче было бы регулировать взносы участниковъ кассы.

— Въ Екатеринославѣ, повидимому, сочувственно встрѣчено разрѣшеніе Св. Синода ввести въ екатеринославской духовной семинаріи въ текущемъ учебномъ году, на епархіальныя средства, преподаваніе народной медицины въ V и VI классахъ по программѣ, принятой для преподаванія этого предмета въ кievской семинаріи. Назначено для этого предмета по два урока въ недѣлю въ каждомъ изъ означенныхъ классовъ и изученіе медицины сдѣлано обязательнымъ для всѣхъ воспитанниковъ, за исключеніемъ тѣхъ, кои будутъ освобождены начальствомъ по особо-уважительнымъ причинамъ. О введеніи медицины въ кругъ предметовъ, изучаемыхъ екатеринославскими семинаристами, ходатайствовалъ епархіальный преосвященный Серапіонъ, „въ виду неблагопріятныхъ санитарныхъ условій въ екатеринославской епархіи, а также съ цѣлю поднять значеніе пастырскаго служенія въ противодѣйствіе штундизму и другимъ мѣстнымъ сектамъ“. Уроки по медицинѣ въ названной семинаріи начались 23 ноября.

Тиражъ 1-го внутренняго 5% съ выигрышами займа, произведенный 2 января 1888 года. Главные выигрыши пали на слѣдующіе №№:

№ серіи.	№ билета.	Выг-рышъ.	№ серіи.	№ билета.	Выг-рышъ.	№ серіи.	№ билета.	Выг-рышъ.	№ серіи.	№ билета.	Выг-рышъ.
8689	50	200,000	6575	35	8,000	2165	18	По 1,000 рублей.	7329	36	По 1,000 рублей.
8874	20	75,000	16714	31	8,000	7003	11		17428	17	
10283	3	40,000	11337	3	По 5,000 рублей.	11112	48		12423	38	
15180	47	25,000	18224	43		7661	43		5529	47	
14652	5	10,000	6936	37		3077	29		15044	16	
236	9	10,000	17957	33		11229	3		3078	23	
7510	1	10 000	19156	41		16791	37		12487	26	
8578	50	8,000	8449	41		233	38		5582	43	
6301	47	8,000	10800	27		8993	9		11897	48	
3695	37	8,000	1996	7		6519	29		5463	12	

Выигрыши въ ПЯТЬСОТЪ РУБЛЕЙ пали на слѣдующіе билеты:

№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.
1647	1	3025	7	2151	13	12707	20	12930	27	2460	38	7197	39	7974	44
6199	1	4241	7	2424	13	1436	21	13274	27	9445	33	14184	39	12509	44
7162	1	8643	7	4755	13	1536	21	14232	27	14731	33	16277	39	13229	44
14510	1	10638	7	8099	13	3404	21	173	28	19824	33	16315	39	4003	45
17292	1	11177	7	14694	13	5042	21	333	28	1972	34	16590	39	9337	45
2062	2	13535	7	16822	13	9621	21	9704	28	3064	34	2415	40	12799	45
2765	2	750	8	18010	13	10052	21	11427	28	10573	34	7000	40	15189	45
12906	2	5058	8	13497	14	13320	21	17745	28	11672	34	9550	40	5641	46
13776	2	6293	8	15751	14	13837	21	19217	28	12948	34	10411	40	10875	46
18235	2	6961	8	18223	14	16783	21	7211	29	13131	34	15013	40	16041	46
19255	2	7368	8	1693	15	6982	22	9535	29	14025	34	16901	40	3826	47
35	3	17169	8	4039	15	9616	22	14563	29	14805	34	17025	40	11034	47
5670	3	19525	8	19291	15	11876	22	15309	29	18726	34	17419	40	1159	48
6084	3	1906	9	2260	16	4671	23	1971	30	2225	35	5799	41	1799	48
6116	3	6889	9	9435	16	6295	23	4169	30	11093	35	6487	41	7617	48
8876	3	8738	9	15278	16	8019	23	6330	30	473	36	9541	41	14155	48
14176	3	8802	9	15746	16	9193	23	9100	30	8182	36	10874	41	18190	48
16291	3	10549	9	19318	16	10244	23	18018	30	9903	36	12306	41	6794	49
449	4	17575	9	8515	17	16250	23	19632	30	11419	36	12457	41	8557	49
1065	4	247	10	10821	17	16907	23	4004	31	538	37	14218	41	19172	49
2431	4	1377	10	15376	17	6507	24	5368	31	4177	37	14640	41	324	50
8904	4	4574	10	18845	17	12650	24	5554	31	8462	37	17750	41	740	50
9819	4	493	11	3474	18	17696	24	10775	31	8657	37	18628	41	756	50
12296	4	6769	11	14307	18	2668	25	11324	31	17121	37	7312	42	1199	50
16301	4	10385	11	19793	18	3367	25	16958	31	8593	38	9074	42	2601	50
2641	5	12340	11	4813	19	6501	25	4729	32	10282	38	9816	42	6889	50
11018	5	17647	11	7700	19	13735	25	6188	32	10721	38	1162	43	8896	50
14957	5	19505	11	9506	19	11425	26	6980	32	11677	38	1582	43	10141	50
17756	5	1557	12	9533	19	15625	26	16254	32	12625	38	3906	43	14885	50
236	6	10443	12	11191	19	5126	27	17197	32	17181	38	12653	43	15889	50
14465	6	447	13	16981	19	10493	27	18932	32	2196	39	16543	43	18388	50
14473	6	511	13	18633	19	12171	27	19951	32	4829	39	19390	43	19470	50
15182	6	1080	13	1329	20	12487	27								

Уплата выигрышей будетъ производиться исключительно въ банкѣ, въ С.-Петербургѣ, съ 1-го апрѣля 1888 года.

Таблица серій билетовъ 1-го внутренняго 5% съ выигрышами займа. 1864 г., вышедшихъ въ тиражъ погашенія, произведенный въ правленіи Государственнаго Банка 2 января 1888 г.

Нумера серій.

17762, 10011, 17527, 17812, 2251, 19866, 7706, 6390, 67, 15724, 14484, 11912, 8157, 10948, 13642, 19247, 2784, 5467, 19116, 11063, 2824, 8892, 17585, 12324, 9791, 12719, 18662, 7308, 4954, 19707, 12020, 4952, 10173, 3627, 14876, 12673, 233, 4448, 12029, 10317, 5909, 11778, 9243, 4960, 18539, 14101, 6064, 14589, 15287, 1353, 12634, 2763, 7360, 17986, 9846, 703, 1427, 876, 11066, 13262, 1544, 6501, 8572, 15000, 6513, 15151, 2664, 3491, 1582, 3365, 15519, 17243, 19565, 8114, 16111, 7467, 10413, 16363, 7844, 599, 17943, 4231, 16988, 14844, 16340, 18011, 15969, 13880.

Уплата капитала по вышедшимъ въ тиражъ билетамъ по 125 р. за билетъ будетъ производиться съ 1-го апрѣля 1888 года въ Государственномъ Банкѣ, его конторахъ и отдѣленіяхъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА
ВАРШАВСКИЙ ДНЕВНИКЪ

ВЪ 1888 ГОДУ.

Подписная цѣна.

Въ Варшавѣ:		Съ пересылкою:	
На годъ	9 руб. 60 коп.	На годъ	12 руб. — коп.
„ полгода	4 „ 80 „	„ полгода	6 „ — „
„ три мѣсяца	2 „ 40 „	„ три мѣсяца	3 „ — „
„ мѣсяць	— „ 80 „	„ мѣсяць	1 „ — „

За границу (подъ бандеролью), на годъ—15 руб. (20 гульд. или 40 франковъ¹, полгода—7 руб. 50 коп. (10 гульд. 20 фраковъ), три мѣсяца—3 руб. 75 коп. (5 гульд. 10 франковъ), мѣсяць—1 руб. 25 коп.

Для уѣздныхъ и гминныхъ управленій, магистратовъ и гминныхъ судей по 10 руб., а для православнаго духовенства и начальныхъ учителей по 8 руб.

Подписка принимается въ Конторѣ Редаціи (Варшава, Медовая, № 20), а также въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, въ С.-Петербургѣ, Литейный пр., № 48; въ Москвѣ, Моховая, д. Коха и въ Варшавѣ, Новый-Свѣтъ, № 65.

„Варшавскій Дневникъ“ выходитъ ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней. Въ случаѣ важныхъ событій въ политической жизни редакція старается выпускать номера и по праздничнымъ днямъ.

Задача „Варшавскаго Дневника“ быть выразителемъ интересовъ населенія этой окраины Русскаго Государства и слѣдить за вопросами, имѣющими общерусское значеніе. Газета ставитъ себѣ цѣлью наблюдать за развитіемъ политической, общественной и литературной жизни всего славянства и имѣетъ корреспондентовъ въ различныхъ славянскихъ земляхъ.

Редакторъ-издатель П. А. Кулаковскій.

О ПРОДОЛЖЕНІИ ВЪ 1888 ГОДУ ИЗДАНІЯ

(III годъ изданія)

ДУХОВНО-ЛИТЕРАТУРНАГО ЖУРНАЛА НА СЕРБСКОМЪ ЯЗЫКѢ

ИСТИНА

Программа изданія „Истины“ остается и на слѣдующій годъ прежняя, а именно будетъ содержать: I. Статьи паучно-богословскаго содержанія: II. Обзорѣніе текущей церковно-общественной жизни въ славянскихъ (сербской, русской, болгарской) Церквахъ, затѣмъ въ другихъ православныхъ странахъ и наконецъ въ странахъ римокатолическихъ и протестанскихъ. III. Отвѣты на вопросы изъ настырской практики. IV. Обзорѣніе современной печати славянской и иностранной по церковно-общественнымъ вопросамъ.

Журналъ будетъ выходить въ ежемѣсячныхъ книжкахъ. Подписная цѣна для Россіи на годъ съ пересылкою 4 рубля, а посылается по слѣдующемъ адресѣ: Uredništvo „Istine“ Zadar (Dalmacija).

Редакторъ „Истины“ Протоіерей Іоаннъ Вучковичъ.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ настоящемъ году по прежнему будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первыя двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части — изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составитъ собою „Листокъ для Харьковской епархіи“. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О переизмѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: Въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 2-хъ часовъ пополудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.

Редакторъ, Ректоръ Харьковской Духовной Семинаріи, Протоіерей Іоаннъ Братировъ.